

В.Г. Каленский

---

*Билль
о правах
в
конституционной
истории
США*

---

*Издательство
«Наука»*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В. Г. Каленский

*Билль о правах
в конституционной
истории
США*

(ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

В монографии прослеживается формирование и эволюция института гражданских свобод в конституционном праве США с колониального периода до середины 70-х годов XX в., анализируется развитие доктрины и практики применения основных положений федерального Билля о правах в контексте политических противоречий американской истории.

*Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
А. А. МИШИН*

Валерий Георгиевич Каленский
Билль о правах
в конституционной истории США
(ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

*Утверждено к печати
Институтом государства и права Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. А. Генералова*. Художник *Д. А. Аникеев*
Художественный редактор *И. Ю. Нестерова*
Технический редактор *Э. Л. Кунина*
Корректоры *К. П. Лосева, Н. А. Несмеева*

ИБ № 18146 Сдано в набор 04.10.82. Подписано к печати 11.01.83.
Т-05502. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр. отг. 14,9. Уч.-изл. л. 16,4.
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 2153. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

К $\frac{1206000000-054}{042(02)-83}$ КБЗ-57-82

© Издательство «Наука», 1983 г.

Введение

Конституционная история США отражает особенности их политического развития. Она приходится прежде всего на двухвековой период существования этой капиталистической страны в качестве независимого государства. Но предпосылки американского конституционализма начали складываться еще в XVII столетии и генетически связаны с английской буржуазной революцией, давшей Европе первую модель конституционно-правовой формы преодоления тирании абсолютизма в интересах новых исторически прогрессивных буржуазных общественных отношений. Однако английская революция завершилась политическим компромиссом буржуазии и дворянства, а британская неписаная конституция закрепила принципы «смешанного правления», сохранив сословные различия, часть монархической прерогативы и участие новой аристократии в осуществлении политической власти. И лишь американской буржуазной революции удалось преодолеть эту ограниченность британского политического строя, окончательно порвать как с феодальной аристократией, так и с институтом монархии.

По словам К. Маркса, в 70-е — 80-е годы XVIII столетия в Северной Америке «была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции»¹, возникла идея единой демократической республики. Не меньшее значение имело стремление деятелей американской буржуазной революции реализовать свои республиканские идеалы на практике, создать наиболее рациональные и эффективные, по их понятиям, формы конституционного республиканского правления, гарантировать права и свободы граждан.

Американская революция привлекла к делу строительства политического здания республики немало талантливых юристов и политических теоретиков, склонных к практической деятельности (Дж. Уилсон, Дж. Мэдисон, А. Гамильтон, О. Элсуорт и др.). В свою очередь, большинство американских просветителей

(Б. Франклин, Дж. Адамс, Б. Раш, Т. Джефферсон) принимали активное участие не только в формулировании общеполитических деклараций, но и в подготовке различных конституционных актов независимых северо-американских штатов, полагая, что конкретные политико-правовые формы совершенно необходимы для закрепления результатов революции и обеспечения стабильного и эффективного республиканского правления. «Наиболее специфической чертой американского Просвещения был его боевой, наступательный характер, непосредственная связь теории и практики, сочетание философской и активной общественной и политической деятельности. Бурное развитие политических событий рано лишило американское Просвещение умозрительного характера общефилософского теоретизирования, придав ему практическую направленность ...американские просветители не просто вырабатывали основы нового миропорядка, теоретически оправдывая его законность и правомочность, они создавали его юридические и политические формы и решительно проводили их в жизнь»².

Именно благодаря совместным усилиям просветителей и политических теоретиков-практиков американцам удалось четко сформулировать на основе буржуазного демократизма конституционно-правовые принципы взаимоотношений личности и государства, сбалансировать республиканский принцип правления большинства с либеральным принципом соблюдения свободы личности и прав оппозиционного меньшинства, закрепив его в первых десяти поправках к Конституции США 1787 г., известных под названием федерального Билля о правах. Тем самым были заложены основы либеральной традиции американского буржуазного конституционализма, вошедшей в национальную политическую культуру в качестве одного из важнейших ее компонентов.

Хотя в процессе социально-экономического и политического развития США, сопровождавшегося усложнением социальной структуры и обострением классовых и внутриклассовых противоречий, происходили серьезные изменения и в структуре общественно-политического сознания, а отсюда, и в интерпретации самих принципов конституционализма, с либеральной традицией генетически оказались связанными различные типы политического сознания — от либерального и умеренно-консерва-

тивного до леворадикального. В основе этой традиции лежит идея об особой социальной ценности свободы убеждений и высказывания взглядов. Эта свобода трактуется прежде всего как средство индивидуального самовыражения, развития знания и поиска истины, как необходимая гарантия личности от произвола противостоящих ей властей. При этом даже правые радикалы не всегда решаются на официальный разрыв с либеральным конституционализмом и «вынуждены в ряде случаев апеллировать к документам и принципам, составляющим политико-теоретический фундамент американского либерализма»³.

В политико-правовом сознании США 60-х годов XX в. особое место занимали конституционные концепции либертаристов-интеллектуалов, отстаивавших ценность гражданских свобод с гуманистических и буржуазно-демократических позиций защиты прав личности и интересов широких народных масс. К их числу принадлежат педагог-гуманист А. Майклджон, известный психолог Л. Е. Мозер, а также ряд выдающихся американских юристов — профессор права Йельского университета Т. И. Эмерсон, видный адвокат и главный юридический консультант Американского союза борьбы за гражданские свободы Н. Дорсен, члены коллегии Верховного суда США Х. Л. Блэк, У. О. Дуглас, У. Бреннан и Т. Маршалл. Полная защита Билля о правах представлялась им обязательным условием реализации демократических идеалов американской революции, поскольку без такой защиты невозможны контроль народа над правительством, выражение общественного мнения и эффективная борьба масс за свои интересы. При этом они были убеждены в том, что в полной защите конституционных прав и свобод особенно остро нуждаются наиболее обездоленные и дискриминируемые меньшинства американского народа, идеологи которых значительно чаще, чем лидеры других групп, склонны к высказыванию радикальных взглядов.

Как совершенно справедливо писал в начале 70-х годов Т. И. Эмерсон, высказывание радикальных взглядов чаще всего выражает действительно существующие неудовлетворенные потребности, а протест социальных меньшинств, как правило, направлен против несправедливостей, в устранении которых заинтересовано в конечном счете все общество. Поэтому, какой бы неорто-

доксальной или экстремистской ни была высказываемая идея, как бы ни противоречила она господствующим в обществе взглядам, ее выражение не может быть подавлено ⁴.

Такое широкое, «либертаристское» понимание пределов и функций свободы выражения взглядов созвучно идеалам массовых движений протеста и борьбы за гражданские права в 60-х годах текущего столетия. Участники этих движений критически относились к существующим в США политическим институтам, считали их неспособными обеспечить подлинное социальное равенство и реальную демократию. Вместе с тем левый радикал-демократизм 60-х годов, задававший тон в движениях протеста, выступал в защиту идеалов американской буржуазной революции, способствовал возрождению гуманистических принципов классического либерального конституционализма, утверждению в сознании современных американцев расширительной, «либертарной» трактовки содержания и функций гражданских свобод, гарантированных федеральным Биллем о правах. Причем с культивированием и возрождением идейного наследия классического либерального конституционализма конца XVIII в., особенно принципов федеральной Конституции США 1787 г., тесно связано и наиболее заметное идейное течение в сегодняшней политической жизни США — неоконсерватизм, объединившее либералов, разочаровавшихся в результатах реформ 60-х годов или испытывающих опасения перед дальнейшей «этатистской» или «популистской» эволюцией либерализма ⁵.

Но еще не так давно, в годы разгула маккартизма, многие американцы не только не разделяли традиционных либеральных убеждений, но отказывались ставить свои подписи под текстами Декларации независимости и Билля о правах, опасаясь обвинений в нелояльности. Некоторые же вообще считали эти документы американской истории «подозрительными» или даже «подрывными» и «коммунистическими». Объяснить это явление невозможно без учета иной, антилибертарной, реакционной традиции конформизма и нетерпимости к инакомыслию, характерной для массового мелкобуржуазного сознания. Однако корни маккартизма следует искать в общей для всей эпохи империализма тенденции избавиться от буржуазной законности, мешающей финансо-

вой олигархии США проводить свой реакционный политический курс.

Цель предлагаемой вниманию читателя монографии — критический анализ принципов и специфики функционирования и развития конституционно-правовой системы США под углом зрения судеб в ней Билля о правах, прежде всего его сердцевины — института гражданских свобод. Такой анализ, базирующийся на марксистско-ленинской методологии, естественно, предполагает раскрытие идеологических истоков, классовой природы и социальной функции этого политико-юридического института. Он обязывает к выявлению ведущих тенденций формирования и эволюции конституционной доктрины гражданских свобод в контексте общественно-исторического процесса, происходившей и происходящей в США классовой борьбы. Кроме того, предпринятый нами анализ требует исследования тесных взаимосвязей этой доктрины как с практикой законодательства, так и правопонимания (в частности, с деятельностью Верховного суда США).

Актуальность и вместе с тем известная сложность *историко-правового* рассмотрения института гражданских свобод в США обусловлена по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, существенно важной и отнюдь не однозначной ролью данного института в жизни буржуазного, в частности американского, общества. Во-вторых, подвижностью конституционно-правовых норм, постоянно видоизменяющей границы дозволяемого господствующим классом режима политической свободы, органической частью которого является институт гражданских свобод.

Гражданские свободы в условиях буржуазной демократии — установленная и гарантированная законом сфера автономии гражданина по отношению к государственной власти и другим гражданам. Это либо свобода определенных действий, волеизъявлений, прежде всего свобода выражения мнений, требований и суждений политического порядка, либо право гражданина на невмешательство органов государства и других граждан в сферу его личных убеждений. Правовой смысл института гражданских свобод состоит именно в том, чтобы дать индивиду возможность действовать в определенных сферах по своему собственному усмотрению, самому определять линию поведения, тогда как другие

гражданские права (например, право на пособие по безработице и пенсии по старости, на участие в выборах или доступ в высшие учебные заведения) означают возможность того или иного лица притязать на получение определенных экономических (материальных), политических или культурных благ, предоставление которых гарантируется государством⁶.

Использование народными массами гражданских свобод — одно из эффективных средств в их борьбе за достижение в условиях капитализма различных социально значимых целей, в том числе и обеспечения равенства в области социально-экономических и политических прав в указанном «позитивном» смысле (т. е. как возможности притязания на определенное благо). Отсутствие же в политико-юридической жизни буржуазного общества института гражданских свобод или же недостаточное его использование (по каким-либо причинам) трудящимися в своих собственных интересах лишает прогрессивные силы очень серьезных средств в борьбе против власти монополий, за коренные преобразования существующего строя, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «...нет возможности соединиться миллионам народа, если нет *политической свободы*»⁷. Именно поэтому институт гражданских свобод постоянно находится в фокусе борьбы различных социальных групп и интересов, отражая классовые и внутриклассовые противоречия буржуазного общества и фиксируя соотношение борющихся политических сил.

Конституционная история, формирование и развитие института гражданских свобод в конституционном праве США (законодательстве и судебных решениях, связанных с толкованием конституции) — всего лишь часть политической истории данной проблемы. Поскольку она включает в себя широкий спектр явлений социально-политической реальности, постольку в работе по ряду разделов показан и более широкий политический контекст. Однако главное внимание уделено именно становлению и развитию конституционно-правовой формы института гражданских свобод (анализу статей конституции, иных законодательных актов и постановлений Верховного суда), а также эволюции самой конституционной доктрины, философским, политическим и правовым взглядам на этот важный институт американской буржуазной демократии. Такое ограничение предмета ис-

следования объясняется не только широтой проблемы, отсутствием достаточно полной информации по ряду ее аспектов, но и тем, что именно конституционно-правовая форма института гражданских свобод получила в США в силу ряда конкретных исторических причин наибольшее развитие сравнительно с другими капиталистическими странами.

Специфика политической системы США со времени ее формирования состоит в особой роли правовой формы в целом и судебной системы в частности. На эту особенность американской политической жизни обратил внимание еще А. Токвиль, отметив, что в Америке какой-либо возникающий вопрос редко не становится рано или поздно юридическим, вследствие чего все стороны вынуждены прибегать в своих спорах к формулировкам и аргументам, характерным для юридических процедур, а язык права стал языком политиков⁸.

Что же касается судов, то они, осуществляя функцию конституционного контроля, всегда играли в политической жизни США важную роль, оказываясь той инстанцией, в которой находили свое решение многие сложные политические проблемы и конфликты. В результате, как верно подметил бывший министр юстиции США в правительстве Л. Джонсона Рамсей Кларк, история американского государства и того, как американцы разрешают свои насущные социальные проблемы, «в основном может быть пересказана языком судебных дел»⁹. При этом позиция американских судов по отношению к политическим проблемам, оказавшимся в фокусе их внимания при разбирательстве конкретных дел, неизменно отражала соотношение классов, расстановку политических сил в стране и позиции самих правящих кругов США.

Однако взаимосвязь судебной системы и политики не всегда легко обнаружить в силу действия механизма «разделения властей» и «сдержек и противовесов», позволяющего судьям не выходить за пределы так называемых «юридических тонкостей» и сводить рассмотрение политического конфликта к сугубо юридической проблеме применения права по конкретному делу. Правда, американские суды нередко выходят за рамки узко юридического толкования законов и прибегают к аргументации политического, философского и социологического характера. Да и за «юридическими тонкостя-

ми» нередко стоят принципиальные проблемы, важнейшей из которых является мера соблюдения властями требований буржуазной законности, общеклассовых интересов капитала. И от того, как решается эта проблема, зависит не только судьба конкретных граждан, но и состояние самого политического режима в стране¹⁰ — условий, на которых допускается участие в политической жизни различных оппозиционных групп и организаций, выражение радикальных политических взглядов и доктрин.

Что же касается Верховного суда США, то он играет в конституционном механизме политической системы этой страны роль центрального учреждения, осуществляющего конституционный надзор и контроль. Гражданские свободы как институт конституционного права фактически существуют в США прежде всего в виде многочисленных постановлений этого высшего органа американского правосудия, принятых при рассмотрении конкретных дел, связанных с применением положений федерального Билля о правах. И именно от позиции Верховного суда во многом зависит содержание тех норм, которые устанавливают реальные правовые пределы режима политической свободы в стране.

В США проблеме гражданских свобод посвящены сотни публикаций, причем освещение получил фактически каждый этап развития этого института конституционного права¹¹. Различным аспектам института гражданских свобод в американском конституционном праве уделяли и уделяют внимание советские исследователи: юристы, историки, социологи. В общетеоретическом плане особенно содержательны монографии и статьи А. А. Мишина, О. А. Жидкова, Б. С. Крылова, Г. Г. Бойченко, И. А. Ледях, А. С. Никифорова, Н. Н. Деева, М. А. Нуделя, Э. В. Лисневского, С. В. Филиппова, В. В. Согрина, Л. Ю. Слѣзкина, А. М. Каримского, Ю. А. Замошкина, В. П. Золотухина, В. Петровского и др. Развитие антирабочего и антикоммунистического законодательства и кризис законности в период маккартизма подробно освещены в работах И. Д. Левина, С. Л. Зивса, Б. С. Громакова, М. В. Баглая, В. И. Каминской, К. Ф. Гуценко, Б. С. Крылова, О. А. Жидкова, Б. Н. Жаркова, П. И. Гришаева, С. А. Чибиряева. Имеется также ряд серьезных работ (И. Б. Михайловской, Б. С. Никифорова, В. М. Николайчика и др.)

и по более частным, главным образом уголовно-процессуальным, аспектам проблемы гражданских свобод.

С марксистско-ленинских позиций в этих работах рассмотрено немало вопросов, так или иначе относящихся к избранной нами теме. Автор стремился по возможности полно использовать все позитивные результаты, достигнутые усилиями его коллег. Тем не менее приходится констатировать, что в *целом* проблема эволюции гражданских свобод в США как особого политико-юридического института (социально-классовые и идеологические детерминанты, правовая сущность, формы выражения, способы реализации, основные этапы и т. д.) остается пока слабо изученной. Между тем она, несомненно, относится к числу тех проблем политики капиталистических стран, а также опыта международного коммунистического и рабочего движения, на исследование которых ориентируют решения XXVI съезда КПСС ¹².

Попыткой дать хотя бы краткий историко-критический очерк становления и развития института гражданских свобод в конституционном праве США и является данная монография. В ней основное внимание уделено важнейшим политическим свободам — слова, печати, ассоциаций, собраний и демонстраций. В предмет исследования входит также религиозная свобода, носившая в прошлом остро политический характер (проблема отделения церкви от государства) и до сих пор связанная с некоторыми политическими аспектами свободы совести и убеждений. Что же касается предусмотренных американской конституцией и Биллем о правах процессуальных гарантий («хабеас корпус», суд присяжных, гарантии от самообвинения, от непомерных штрафов, залогов, произвольных обысков, арестов, задержаний и др.), то их рассмотрение в данной работе имеет строго подчиненное значение, а именно лишь с точки зрения обеспечения личной безопасности и неприкосновенности тех граждан, которым отказывают в основных свободах по сугубо политическим соображениям ¹³.

В основу периодизации положены наиболее важные этапы политической истории США и события, оказавшие существенное влияние на становление, функционирование и развитие института гражданских свобод. Естественно, что наибольшее значение имеют этап кон-

ституционного строительства и реконструкции, период между двумя мировыми войнами, а также послевоенный период, связанный со вторым этапом общего кризиса капитализма. В США этот кризис носил ярко выраженный характер и привел к маккартизму. Массовое движение за гражданские права и против войны во Вьетнаме — события, также оказавшие самое непосредственное влияние на развитие института гражданских свобод. Временными рамками периода этих массовых движений (60-е — начало 70-х годов) и ограничивается данное исследование. Но в истории становления института гражданских свобод в Северной Америке большое значение имеет и период колониального развития, во время которого решались некоторые важные проблемы взаимоотношений личности и государства. Поэтому рассмотрение истории гражданских свобод в США следует начать с освещения проблемы борьбы за религиозную свободу, развернувшейся в колониях Новой Англии задолго до образования федерации.

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 17.

² Ильин И. П. Американское Просвещение.— The American Age of Reason. Moscow: Progress Publishers, 1977, с. 3.

³ Современное политическое сознание в США. М.: Наука, 1980, с. 44.

⁴ См., например: *Emerson Th. I. The System of Freedom of Expression*. N. Y., 1971, p. 6—9, 51—53.

⁵ См.: Современное политическое сознание в США, с. 40, 174—183.

⁶ В современной американской литературе под гражданскими правами чаще всего понимаются те социально-экономические и политические права, за которые борются дискриминируемые меньшинства (см.: *Civil Liberties* / Ed. by Sh. S. Zalkind.— *The Journal of Social Issues*, 1975, Vol. 31, No. 2, p. 2).

Различные процессуальные гарантии личности от произвола властей (суд присяжных, запрещение необоснованных арестов, обысков и захватов, «хабеас корпус» и др.), впервые признанные в Англии, получили названия «права» (rights). Это название в последующем было распространено в Америке и на политические свободы (слова, печати, собраний, демонстраций и др.), которые, в совокупности с процессуальными гарантиями, стали образовывать «билли о правах» (bills of rights). Этим, очевидно, и объясняется тот факт, что в литературе США иногда не проводится различий между понятиями «гражданские права» (civil rights) и «гражданские свободы» (civil liberties) либо эти термины объединяются в парную категорию — «гражданские права и свободы» (см., например: *Abraham H. Freedom and the Court: Civil Rights and Liberties in the United States*. N. Y., 1972, p. 3, footnote 2).

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 139.

⁸ См.: Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897, с. 219—220.

- ⁹ *Clark R. Crime in America. N. Y., 1970, p. 210—211.*
- ¹⁰ См.: Государственный строй США. М.: Юрид. лит., 1976, с. 266—268.
- ¹¹ Сотни названий содержатся уже в аннотированной библиографии «Гражданские права и свободы в Соединенных Штатах» Александра Д. Брукса, изданной в 1962 г. (см.: *Brooks A. D. Civil Rights and Liberties in the U. S.: An Annotated Bibliography. N. Y., 1962*). В числе немногих работ общего характера, охватывающих всю историю института гражданских свобод в США, следует назвать книгу Леона Уиппла «История гражданской свободы в Соединенных Штатах» (1927 г.) и монографию Ирвинга Бранта «Билль о правах: его происхождение и смысл» (1965 г.). См.: *Whipple L. The Story of Civil Liberty in the U. S. N. Y., 1927*; *Brant I. The Bill of Rights: Its Origin and Meaning. Indianapolis, 1965*. Среди новейших работ следует отметить книгу Энн Ф. Джинджер «Верховный суд и права человека в США», опубликованную в русском переводе под редакцией и со вступительной статьей профессора Б. С. Крылова (М.: Юрид. лит., 1981).
- ¹² См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 145—146.
- ¹³ В этом контексте процессуальные права нередко определяются как «процедурные» (procedural) гарантии «материальных» (substantive) свобод, в совокупности с которыми они образуют неразрывное целое — «гражданскую свободу» (см.: *Hirschfield R. The Constitution and the Court: The Development of the Basic Law Through Judicial Interpretation. N. Y., 1962, p. 7—8*).

Формирование института гражданских свобод в США и борьба за его конституционное закрепление (XVII—XIX вв.)

1. Борьба за религиозную свободу в Новой Англии

Формирование института гражданских свобод в США нельзя понять без учета того влияния, которое оказало в XVII в. движение Реформации на политическое развитие колоний Новой Англии. Острые религиозные и политические противоречия, существовавшие в Англии накануне буржуазной революции, многим казались неразрешимыми. В религиозной жизни тогда господствовала инквизиция архиепископа Лода, пытавшегося примирить англиканство с католицизмом и жестоко расправлявшегося со всеми, кто претендовал на автономию от официальной церкви. В государственно-правовой жизни был полный произвол внесудебной юстиции, сосредоточенной в таких политических трибуналах, как «Звездная палата» и «Высокая комиссия», игнорировавших нормы «общего права» и сурово подавлявших любые проявления политического несогласия и инакомыслия. Эти трибуналы и королевская власть пресекали всякие попытки парламента восстановить законность и традиционные «английские вольности». Так, в 1614 г. король распустил нижнюю палату за одно лишь напоминание о правах парламента, заявив, что есть только «милости», которые могут быть как даны, так и отобраны¹.

Отчаявшись найти справедливость в Англии, отдельные группы протестантских сект устремились за океан, в Северную Америку, необъятные просторы которой сулили им как религиозную независимость, так и экономическое благополучие. Эмигранты, однако, преследова-

ли далеко не одинаковые цели и неоднозначно понимали принципы религиозной организации и веротерпимости. Эти расхождения, выражавшие политические взгляды разных слоев английского общества, проявились прежде всего как противоборство двух идейных течений — пресвитерианства и индепендентства.

Основанное на учении Кальвина пресвитерианство было одним из самых консервативных направлений английского пуританизма и представляло собой идеологию той части общества, которая занимала промежуточное положение между аристократией и буржуазией и отличалась честолюбивыми властными устремлениями. По сравнению с католицизмом и англиканством его либерализм заключался лишь в отрицании епископата и формальном признании принципа конгрегационализма (общинного самоуправления) на местном уровне. Пресвитерианский конгрегационализм означал не демократическое самоуправление, а концентрацию духовной и политической власти в руках старейшин и синода, избираемых из узкого круга «достойнейших и мудрейших». При этом господство немногих «праведных» оправдывалось ветхозаветным догматом о греховности всего человечества.

Именно такими консервативными идеями руководствовались основатели второго массачусетского поселения — Бостона, политический строй которого с самого начала принял характер теократической олигархии.

Теократия в Массачусетсе была установлена в 1637 г., когда был избран всеобщий синод, созданный для борьбы с раскольническим движением антиномианцев, отвергавших законы Ветхого завета. Когда же в 1646—1647 гг. синод провозгласил так называемую Кембриджскую программу, выражавшую полное согласие с теократическими догматами английских богословов, дело создания церковной организации и официального вероучения деспотического государства — церкви было завершено.

Согласно Кембриджской программе всякое идолопоклонство, богохульство, еретические и иные высказывания «вредоносных и пагубных мыслей»² должны были пресекаться и наказываться гражданскими властями. Тем самым насаждение единообразия в вопросах вероучений и религиозных обрядов стало официальной обязанностью магистратов, которые и без того были

неизменно враждебны любому проявлению демократических тенденций.

«Святые» и магистраты, взявшие в свои руки всю духовную и светскую власть, отличались неумным стремлением повелевать. Проникнутые идеями Ветхого завета и учением Кальвина, они создали замкнутую корпорацию и правили диктаторскими методами, установив в Массачусетсе жестокий теократический режим. Причем даже лучшие руководители этого государства (Дж. Коттон и Дж. Уинтроп), отличавшиеся от своих собратьев незаурядными личными достоинствами, стали в конце концов прибегать к инквизиторским методам правления: упразднили в Массачусетсе исконное английское право петиций, а любое политическое объединение граждан, совершавшееся без ведома и одобрения властей, расценивали как «богопротивный заговор». Причем под лозунгом борьбы с еретиками они преследовали всех инакомыслящих, изгоняя наиболее активных критиков теократического режима.

Однако для такого инакомыслия были серьезные основания, а попытки теократии избавиться от него путем изгнания из Массачусетса лидеров оппозиции ни к чему не привели. Более того, в условиях Америки это имело для теократии самые неблагоприятные последствия, поскольку диссиденты создавали на границах с Массачусетсом новые поселения, организованные на иных, сугубо демократических началах. «Теократы,— писал в этой связи В. Паррингтон,— пытались осуществить невозможное. Все, кто откололся от массачусетской теократии, находили себе прибежище по соседству: конгрегационалисты — в Коннектикуте, сепаратисты — в Род-Айленде, бунтарствующие индивидуалисты — в Мэне, на границе заселения. В этих районах, вне пределов досягаемости магистратской власти, процветали всевозможные течения либеральной мысли, которую душила олигархия Массачусетса... Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд давали три различных ответа на вопрос о том, во что должна была вылиться попытка осуществить в свободной обстановке идеалы английского пуританизма»³.

Первым поселением, основанным выходцами из Массачусетса, был Хартфорд, положивший начало Коннектикуту. Сюда во главе с Томасом Хукером переселилась вся церковная община Кембриджской конгрегации, вы-

разившая открытое недовольство политикой бостонской олигархии. Здесь в 1638—1639 гг. были приняты так называемые «Основные уставы»⁴, согласно которым власть была передана общему совету, избираемому всеми гражданами независимо от их доходов и убеждений. При этом предоставление гражданских прав считалось делом сугубо политическим, никак не религиозным и входило в компетенцию нескольких общин, организованных на демократических началах. Именно «Основные уставы» Коннектикута, в составлении которых принимал непосредственное участие Томас Хукер, по праву могут считаться первой писаной конституцией, установившей в Америке демократический республиканский строй, хотя в религиозной сфере эта демократия и не порывала с догматами бостонской церкви.

Сам Томас Хукер категорически отвергал государственное устройство Массачусетса, где магистратам предоставлялась деспотическая власть. Защищая демократию, он выступал с проповедями народного суверенитета, подчеркивая, что «фундамент власти закладывается прежде всего свободным согласием народа»⁵. Он также отстаивал договорную теорию государственной власти, представлял государство как корпорацию, призванную удовлетворять интересы общества, ответственную во всех своих действиях перед волей большинства и ограниченную в своих полномочиях. Не случайно, что именно проповеди Хукера, провозглашавшего идею народного суверенитета и недопустимость посягательства государственной власти на свободу религиозных убеждений граждан, оказали сильное влияние на движение реформации в самой Англии, в частности на составленный в 1647 г. левеллерами проект ограничения власти парламента в сфере личных свобод, трактуемых как «прирожденные права» (native rights)⁶. Не исключено также, что эти идеи были использованы Джоном Локком и нашли отражение в гл. 7 и 8 его «Второго трактата о гражданском правлении»⁷.

Те же самые идеи прослеживаются во взглядах Роджера Уильямса, изгнанного бостонской теократией из Массачусетса и основавшего демократический Род-Айленд. Он, однако, придал этим идеям подлинно революционный смысл, привнеся на американскую почву взгляды самого леворадикального крыла движения английской реформации — левеллеров.

Уильямс лучше, чем кто-либо другой, видел, как тесно срослись церковь и государство в Массачусетсе и как пагубно это отразилось на его политическом режиме. Поэтому он решительно настаивал на их полном и безоговорочном отделении, ликвидации каких-либо привилегий или ограничений на почве религиозных убеждений в сфере политической власти. Свобода совести, однако, сама по себе представляла для Уильямса огромную ценность, ибо без нее невозможна реализация идеалов индипендентского конгрегационализма.

В своем труде «Кровавый догмат преследования за дело веры»⁸ Уильямс объявлял религиозную свободу абсолютным правом личности, которое никогда не было и не будет уступлено государственной власти, так как оно полностью находится вне ее компетенции. Согласно Уильямсу, свобода совести должна быть гарантирована каждому индивиду и ни один человек не должен страдать за свои религиозные убеждения ни от властей, ни от своих сограждан. «Воля Божия со дня пришествия сына его Иисуса Христа — разрешить языческую, иудейскую, турецкую или антихристианскую веру всем людям во всех странах, а борьба против них возможна лишь Божьим словом»⁹. «Господь,— учил Уильямс,— не разрешает унификации религии при помощи силы ни в каком цивилизованном государстве, поскольку это приводит к лицемерию, преследованию христиан и разрушению миллионов душ... Гражданская власть не распространяется на человеческие души, недопустимы законы, принуждающие душу и совесть людей»¹⁰. Религиозная свобода должна обеспечиваться также свободой собраний — «одного из важнейших средств распространения божественного учения»¹¹. Уильямс, таким образом, вышел далеко за рамки идеи простой веротерпимости, выступал за религиозную свободу как естественное следствие равенства всех религиозных верований. Тем самым, по словам В. Паррингтона, впервые в истории Америки был поставлен «кардинальный вопрос о правах и свободах отдельного гражданина в государстве»¹².

Отдельные отрывки из сочинений Уильямса свидетельствуют также о его стремлении обеспечить свободу мысли и в политической жизни. Он был твердо убежден в том, что доктринальное понимание принципов государственного управления столь же опасно, как и нетер-

пимость в области теории, поскольку неизбежно приводит к основывающейся на догме тирании. В этой связи единственное адекватное средство разрешения социальных проблем Уильямс видел в открытом и совершенно свободном их обсуждении, при котором бы граждане не боялись вмешательства официальных властей или частных лиц. Он считал правомерным наказывать лишь тех лиц, которые силой навязывают свои убеждения. Кроме того, государство, согласно Уильямсу, обязано защищать пропаганду непопулярных взглядов от активной нетерпимости других. Только благодаря культивированию такого типа интеллектуальной свободы, считал он, Род-Айленду и удалось создать свою уникальную форму правления.

Конституция Род-Айленда, основывавшаяся на принципах свободы, равенства и народного суверенитета, содержала ряд положений, направленных против потенциальных попыток правительства превысить свои полномочия. Договор, заключенный жителями этой колонии, предусматривал частое проведение выборов, создание однопалатного законодательного органа, предоставление всем гражданам права законодательной инициативы, права передавать спорные вопросы в третейский суд и права отмены всяких законов, включая конституцию. Кроме того, в рамках государственного целого отдельные города полностью сохраняли право самоуправления в делах местного значения, причем на общинных сходах (*town meetings*) решалось большинство жизненно важных для колонистов проблем. Если же еще учесть, что здесь был претворен в жизнь принцип абсолютной религиозной свободы, то нельзя не признать, что Род-Айленд больше, чем какую-либо другую американскую колонию, можно было назвать демократическим государством.

Естественно, бостонских теократов тревожило существование этой свободной республики в непосредственной близости от Массачусетса, ибо в эксперименте Уильямса они видели реальную угрозу своим устоям. Поэтому они всячески домогались мандата на управление Род-Айлендом, пытаясь распространить на него свою власть. Однако усилия, предпринятые Уильямсом (получение в 1644 г. парламентской хартии для Род-Айленда), навсегда положили конец этим проискам бостонской реакции, что имело принципиальное значение

с точки зрения перспектив политического развития Новой Англии, а перспективы были явно не в пользу пресвитерианской теократии.

Индепендентские идеи конгрегационализма и религиозной свободы все шире распространялись на территории Северной Америки. Так, в 1681 г. богатый английский квакер-аристократ Уильям Пенн основал новую колонию религиозной свободы — Пенсильванию, куда устремились тысячи обездоленных и преследуемых за свои убеждения жителей самых разных стран Европы. При этом, хотя по хартии, полученной от английского короля, Пенн был собственником колонии, он не только не прибегал к авторитарным методам, но, напротив, проявил инициативу в создании представительной формы правления, пресекая одновременно всякие проявления религиозной нетерпимости¹³. Довольно широкая свобода совести установилась и в Северной Каролине, где нашли убежище представители самых различных протестантских сект (лютеране, индепенденты, квакеры и др.)¹⁴, а также в Мэриленде, где правящее католическое меньшинство проявляло религиозную терпимость по отношению к протестантскому большинству населения этой колонии¹⁵.

Что же касается Массачусетса, то здесь все отчетливее стали проявляться тенденции, свидетельствовавшие о глубоком кризисе его теократического строя. Так, еще в 1641 г. по требованию рядовых фрименов был принят «Свод свобод», гарантировавший некоторые личные и имущественные права колонистов (равенство перед законом, право на суд присяжных и адвокатскую защиту, неприкосновенность личности и имущества, сохранение гражданских прав при церковном осуждении и др.)¹⁶. Этот документ был подтвержден и даже расширен в 1648 г., причем была подчеркнута высшая конституционная сила предусмотренных гарантий гражданских прав¹⁷. Правда, оба эти акта узаконили также и ряд жесточайших предписаний из кодекса Моисея, подтвердив принципы нетерпимости к инакомыслию в вопросах религиозной жизни. К тому же в 1684 г., когда была отменена королевская хартия, своды свобод 1641 и 1648 гг. вообще перестали действовать.

Однако одновременно с отменой хартии и назначением в 1686 г. Андроса королевским губернатором объединенного доминиона — Новая Англия — религиозный

ценз при избрании на должности магистратов был заменен имущественным, вследствие чего оказалась подорванной и политическая власть теократии. Правда, в 1691—1692 гг. Инкрис и Коттон Мазеры, стремившиеся любой ценой восстановить свой пошатнувшийся авторитет, организовали беспрецедентный по жестокости инквизиторский суд, закончившийся казнью девятнадцати «ведьм». Однако эта жестокость и сознательное насаждение суеверия и религиозного фанатизма не спасли положения: пресвитерианская идеология явно клонилась к упадку, и этот процесс был необратим. Поэтому, когда в 1705 г. Коттон Мазер в целях восстановления контроля над отдельными конгрегациями возобновил идеологический спор между сторонниками пресвитерианства и демократического конгрегационализма, ему был дан отпор, закончившийся полным идеологическим поражением теократии¹⁸.

Доводы теократии были разрушены скромным проповедником из Ипсвича Джоном Уайзом, в лице которого силы демократической оппозиции нашли достойного выразителя их чаяний и интересов¹⁹. Смелый и реалистический мыслитель, глубоко изучивший человеческую природу и не заблуждавшийся насчет присущего людям эгоизма, Уайз тем не менее защищал естественное право каждого мыслить и действовать по своему собственному усмотрению при условии, что это право не превращается в произвол. Будучи принципиальным врагом деспотизма, он отстаивал также принцип равенства, призывая своих сограждан не верить демагогическим и лживым утверждениям пресвитерианцев, что только «мудрейшие» способны управлять государством и церковью. Эта сторона учения Уайза вызвала особую ненависть Коттона Мазера, тщетно пытавшегося найти идейный противовес его доводам.

Как Хукер и Уильямс, Уайз ясно видел неразрывную связь между церковным соглашением и общественным договором, между автономией конгрегации и самоуправлением, между церковной демократией и демократией в государстве. Он оправдывал конгрегационализм, усматривая в нем сходство с первой и самой «естественной» формой гражданского правления — демократией²⁰. Уайз поэтому был не только сторонником свободы совести, но также глубоко демократическим мыслителем, смело употреблявшим слова «демократия» и «равенст-

во» и действительно отстаивавшим свои радикальные взгляды. Он был примером для сотен проповедников Новой Англии, признававших принципы естественного права, хотя и не заходивших столь далеко, как Уайз, в своем радикализме, а его идеи о высшем праве и общественном договоре получили широкое признание.

Джон Уайз подвел своеобразный итог борьбе за демократию в религиозной жизни, и его победа в полемике с Мазерами по существу знаменовала начало нового этапа развития Новой Англии и других североамериканских колоний. На этом этапе, охватившем последующие десятилетия, проблема религиозной свободы не утратила актуальности. Однако главной его особенностью было выдвижение на передний план иных, сугубо политических проблем, важнейшей из которых стала проблема свободы печати.

2. Проблема свободы печати в колониальный период

В XVIII в. социально-политическое развитие североамериканских колоний во многом стало следовать английскому образцу и сопровождалось повышением роли юридического мировоззрения в общественно-политическом сознании, в рецепции принципов английского «общего права».

Естественно, что реципированы были английские нормы договорного права, важные с точки зрения развития экономических отношений. Однако с меньшей готовностью колонисты заимствовали и такие прогрессивные институты английского конституционного права, как «хабеас корпус», суд присяжных и другие процессуальные гарантии индивидуальной свободы, содержащиеся в Билле о правах 1688 г. и иных законодательных актах времен английской буржуазной революции. Был воспринят и такой существенный с точки зрения развития свободной печати принцип, как отсутствие предварительной цензуры, утвердившийся в Англии в 1695 г. Одновременно, однако, было заимствовано и то ограничительное толкование содержания этой важнейшей политической свободы, которое вытекало как из английской истории, так и из действовавших в то время норм «общего права».

Дело в том, что даже принцип свободы публикаций от предварительной цензуры не был официально провозглашен английским законодателем в качестве какой-то особой гарантии свободы печати, а утвердился в результате прекращения существовавшей в Англии с XVI в. практики выдачи разрешений на издания и публикации²¹. Отказавшись в 1695 г. продолжить действие «Акта о разрешениях» (Licensing Act), палата общин совершенно не стремилась обеспечить в Англии свободу печати. Ее членам и в голову не приходила идея, что свободный обмен мыслями и мнениями — одно из наиболее ценных прав человека²². Не сознавая важности последствий своего решения, они лишь указали на бессмысленность и несправедливость статута, срок действия которого истек. Причем все их возражения сводились исключительно к осуждению нелепостей и злоупотреблений, отличавших практику применения этого закона. «Акт о разрешениях» уничтожался не как мера, вредная по существу, но именно как следствие тех «мелких несправедливостей, вымогательств, придиорок, ограничений торговли, квартирных обысков, которые были связаны с ним»²³. Что же касается принципов свободы печати, той ценности, которую она представляет для общества, то об этом в решении палаты общин 1695 г. не говорилось ни слова. Тем более оно никак не затрагивало такого важнейшего вопроса, как юридические пределы допустимости свободы печати с точки зрения содержания публикаций. А между тем именно в этом отношении нормы английского «общего права» были наиболее консервативными и жестокими, ставили всякого автора и издателя перед угрозой суровых уголовных и гражданско-правовых санкций за пасквиль (libel).

Как справедливо отметил в свое время А. Дайси, ответственность за пасквиль, продолжающая существовать в несколько смягченном виде и поныне, лучше, чем что-либо другое, характеризует истинное отношение английского права к так называемой свободе мысли, к праву свободно выражать свое мнение. Ни в сборниках статутов, ни в нормах «общего права» нет таких выражений, как «свобода слова» или «свобода печати». Они никогда не произносились английскими законодателями. Эти понятия совершенно неизвестны и английским судам²⁴. Напротив, во всех комментариях к английскому

праву подчеркивается не свобода слова и печати, а ответственность за злоупотребление этой свободой. Суть же наказуемого злоупотребления состоит в публикации любых высказываний, которые, с точки зрения суда, представляются несправедливыми, вредными, безнравственными и т. д.

Помимо наказания за диффамацию частных лиц, т. е. за распространение о ком-либо суждений, приносящих вред его интересам или репутации²⁵, английское «общее право» предусматривает также ответственность за «мятежный пасквиль» (*seditious libel*). Причем даже в «либерализованном» варианте, существовавшем в конце прошлого столетия, в состав этого правонарушения входили критические высказывания в адрес властей и по поводу общественно-политического строя. «Всякое лицо,— говорилось в комментариях уголовного права Стефена,— распространяющее (устно или письменно) с мятежными намерениями какие-либо слова или документы, совершает проступок (*misdemeanor*). Мятежное намерение есть намерение возбудить ненависть, неуважение либо нерасположение к королеве или правительству и Конституции Соединенного Королевства, к палатам парламента либо к Суду; побудить английских подданных изменить что-нибудь в существующем устройстве церкви или государства; вызвать чувство вражды и ненависти между различными классами»²⁶. Оценивая это юридическое определение «мятежного пасквиля», Дэйси вынужден был признать, что им «легко можно воспользоваться для того, чтобы запретить в случае надобности обсуждение очень многих вопросов, которые обыкновенно позволяется разбирать, и, если бы строго его держаться, то это оказалось бы несовместимым с господствующими формами политической агитации»²⁷. Если же еще учесть, что в английском «общем праве» предусмотрена уголовная ответственность за богохульство (*blasphemy*), т. е. за неуважительные высказывания о существующей церкви и о христианской вере вообще, становится ясно, что оно не имеет ничего общего с тем естественным правом свободного выражения религиозных взглядов и убеждений, которые проповедовал в XVII в. Роджер Уильямс и за которое ратовали европейские и американские просветители XVIII в.

Однако в 20-х годах XVIII столетия английское «общее право» было еще более жестким и репрессив-

ным в той части своих положений, которые предусматривали ответственность за «мятежный пасквиль». Тогда не требовалось даже существования намерения вызвать публикацией ненависть, неуважение или нерасположение к властям. Достаточно было самого факта публикации материалов, наносящих, по мнению властей, ущерб их репутации, чтобы суд вынес обвинительный приговор за «мятежный пасквиль», рассматривающийся к тому же не как мисдиминор (правонарушение), а как тяжкое уголовное преступление. При этом присяжные полностью отстранялись от решения вопроса, является ли публикация «мятежным» или «богохульным пасквилом». На их долю приходилось лишь формальное подтверждение факта самой публикации (имела она место или нет). Но реакционность действовавших в то время положений английского права об ответственности за мятежный пасквиль проявлялась с наибольшей силой в норме, согласно которой истинность, правдивость публикаций не только не освобождала от ответственности за диффамацию, но, напротив, усугубляла ее по принципу: «чем правдивей, тем скандальней для правительства»²⁸.

Эта норма, сохранившаяся в английском «общем праве» еще со времен инквизиции «Звездной палаты»²⁹, была по самому своему существу запретом какой бы то ни было критики правительства, наиболее откровенной формой политической цензуры. И вполне естественно, что такое понимание «свободы печати» никак не могло удовлетворить либеральные круги английского и американского общества, выступавшие с критикой политики тори. Не удивительно поэтому, что именно среди либералов-вигов стали раздаваться голоса за пересмотр норм «общего права» о мятежном пасквили или во всяком случае за сужение состава этого преступления. Причем требование большей свободы печати стало все чаще обосновываться философскими морально-этическими аргументами в духе идеологии просвещения.

Наиболее глубокой и последовательно либеральной была концепция свободы печати английских журналистов-вигов Томаса Гордона и Джона Тренчарда, начавших публиковать в 1720 г. в английских газетах серию статей под псевдонимом «Письма Катона», которая разрослась к 1733 г. до такого объема, что была издана в 4-х томах.

Основной смысл этих трактатов — провозглашение принципа социальной ценности свободы печати, идея о том, что печать должна быть свободна не только от предварительной цензуры, но и от преследования за пасквиль и диффамацию после публикации. Свобода выражения мнений, настаивали Гордон и Тренчард, — право каждого человека, которым он волен пользоваться настолько широко, насколько оно не затрагивает и не ограничивает такого же права других: недопустимость посягательства на права других граждан — единственное оправданное ограничение этой свободы. Причем они усматривали самую непосредственную связь между свободой печати и режимом политической свободы (так называемой «свободной формой правления» — «free form of government»), утверждая, что свободы эти либо процветают, либо умирают вместе. «Только злые правители, — писали они, — страшатся того, что говорят о них»³⁰, жалуются на безнравственность и распушенность прессы и пытаются ограничить ее свободу. Что же касается злоупотреблений свободой печати (например, неправильное освещение и оценка какого-либо государственного мероприятия), то, согласно Гордону и Тренчарду, наилучшим способом борьбы с такой дезинформацией является ее опровержение, но никак не уголовное наказание.

В своих трактатах они подчеркивали неразумность действовавших в Англии норм «общего права» о паскви́ле, их опасность для свободы граждан и справедливого правления, допускали возможность уголовного преследования за клевету лишь в исключительных случаях и при условии, что закон не будет наказывать за критику, объективность которой может быть доказана. Напротив, достоверность критических высказываний должна служить абсолютным основанием защиты от обвинений в клевете³¹. Тем самым они категорически отвергали действовавшую в Англии норму, по которой правдивость критики в адрес правительства не уменьшала, а, наоборот, усугубляла тяжесть преступления.

Гордон и Тренчард впервые в истории сформулировали смелую и стройную сугубо светскую концепцию интеллектуальной и политической свободы. В ее основе лежала просветительская идея социальной ценности свободного выражения взглядов и убеждений.

Передовые американцы буквально зачитывались

«Письмами Катона», вдохновлялись их идеями, которые и воспроизводили в своих собственных сочинениях. Не случайно первым американцем, перепечатавшим в 1721—1722 гг. трактаты Гордона и Тренчарда «О свободе слова» и «Размышления о пасквиле», был молодой Бенджамин Франклин. Как ученый, издатель и журналист, а также как радикальный политик-виг, видевший сущность самоуправления в дискуссиях и компромиссах, он, естественно, был одним из самых убежденных сторонников свободы выражения мнений. Немалую роль в этом сыграл также тот факт, что его брат Джеймс оказался жертвой уголовного преследования за публикацию «пасквиля».

Интерес Б. Франклина к проблеме свободы печати сохранился и в последующие годы. Свои собственные взгляды по этому вопросу он изложил в статье «В защиту печатников», опубликованной на страницах «Пенсильвании газетт» 10 июня 1731 г. В этой статье он отстаивал ценность свободы дискуссий, подчеркивал важность освобождения печати от всякой предварительной цензуры, полагая, однако, что печать должна быть свободной, но ответственной. При этом Б. Франклин отметил, что лично сам всегда отказывался печатать что-либо безнравственное или клеветническое³². В 1737 г. он опубликовал также трактат Джеймса Александра — одного из наиболее видных американских последователей Гордона и Тренчарда, сотрудничавшего с журналом «Нью-Йорк уикли джорнал» и описавшего знаменитый процесс 1735 г. над его издателем Питером Зенгером.

Питер Зенгер, напечатавший статью, в которой критиковался губернатор Косби, был обвинен в публикации пасквиля с целью вызвать в народе неприязнь к своим правителям, подорвать авторитет губернатора. Адвокат Эндрю Хэмилтон, защищавший Зенгера, использовал весь имевшийся в его распоряжении набор аргументов, в том числе и некоторые идеи, заимствованные из трактатов Гордона и Тренчарда. Так, Хэмилтон вслед за авторами «Писем Катона» отстаивал тот принцип, что правдивость публикуемой информации должна быть признана основанием защиты против обвинения в мятежном пасквиле.

Хэмилтон, правда, не решился отвергнуть саму концепцию «мятежного пасквиля», не утверждал, что пуб-

ликации, подрывающие репутацию правительства, не должны преследоваться. Он, однако, построил свою защиту на аргументе, что закон охраняет престиж короля, но не репутацию деспотических провинциальных губернаторов, что критика плохой администрации не есть пасквиль на правительство вообще. Когда же суд отклонил этот аргумент, Хэмилтон предложил самим присяжным вынести суждение по существу всех обстоятельств рассматриваемого дела, не ограничиваясь только констатацией факта публикации, «решить его не только с точки зрения фактов, но и права» («to determine both the law and the Fact») ³³, т. е. установить сам состав преступления, определить злонамеренность публикации Зенгера в адрес губернатора Косби как основание привлечения к ответственности за мятежный пасквиль. Это предложение Хэмилтона, обращенное к суду, было смелым и тактически очень верным шагом. Именно оно, удовлетворенное судом, привело в конце концов к оправданию Зенгера, явилось первой успешной попыткой использовать институт присяжных для укрепления гарантий свободы печати в Америке ³⁴.

Процесс над Питером Зенгером нередко трактуется как переломный момент в борьбе за свободу печати, против судей и общего права. На самом же деле успех Э. Хэмилтона был в значительной степени конъюнктурным и основывался именно на уверенности, что присяжные выразят общественное мнение с большей готовностью, чем судья, представляющий интересы короны. А общественное мнение сложилось явно в пользу Зенгера, поскольку неприязнь к губернатору Косби была всеобщей. И, несомненно, последствия для Зенгера были бы совершенно иными, если бы он подверг критике не этого нелюбимого всеми представителя королевской администрации, а органы местного самоуправления, например нью-йоркскую генеральную ассамблею. В таком случае Зенгер, вероятнее всего, оказался бы в тюрьме как осужденный в порядке упрощенного производства.

Дело в том, что по мере развития самоуправления колоний возрастала также власть местных законодательных ассамблей, болезненно реагировавших на всякую острую критику в свой адрес. Поскольку же именно периодическая печать становилась наиболее эффективным оружием политической оппозиции, ассамблеи все чаще привлекали к ответственности критически выска-

зывавшихся в их адрес авторов и издателей. Угроза печати чаще всего исходила именно от законодательных собраний колоний, избранных населением, а закон о мятежном пасквиле в Америке приводился в исполнение преимущественно провинциальными ассамблеями, сурово наказывавшими за всякие посягательства на их «парламентские привилегии». Действуя без суда присяжных, они ревностно пытались утвердить за собой иммунитет от критики, которым обладала английская палата общин и с которой они соперничали, стремясь превзойти ее в полномочиях.

Ассамблеи вызывали, допрашивали, наказывали всякого, кто, по их мнению, занимался клеветой. Любые слова, устные или письменные, осуждавшие поведение членов ассамблеи, ставившие под сомнение или умалявшие их авторитет, а тем более критически оценивавшие деятельность ассамблеи в целом, рассматривались как «мятежный пасквиль», а их авторы подлежали суровому наказанию³⁵.

Отношение законодательных ассамблей к свободе печати не очень расходилось с мнением теоретиков. В то время никто из теоретиков не говорил об абсолютной свободе слова и не ставил под сомнение принцип ответственности авторов и издателей за злоупотребление ею. При этом даже Джеймс Александер на страницах газеты Зенгера писал, что «злоупотреблениям, разрушающим общество и подрывающим основы правления, не должно быть предоставлено никакого укрытия под сенью свободы печати»³⁶.

Правда, по мере нарастания противоречий между североамериканскими колониями и Англией американская печать все более открыто критиковала политику метрополии. Однако в остальном пресса оставалась свободной лишь в той степени, в какой это позволяли ассамблеи, и всякое политическое мнение терпелось лишь до тех пор, пока его высказывание не вызывало гнева народных представителей. Причем именно законодательная власть, по своему усмотрению наказывавшая любые нарушения парламентской привилегии, представляла основную угрозу оппозиционной периодической печати, активно проводила против нее репрессии.

В результате прецедент Зенгера, установивший процедуру рассмотрения дел о пасквилях судом присяжных, фактически перестал действовать, а к делам о печати

все более жестко применялись нормы «общего права». В этот период изменился сам тип американских мыслителей: ведущую роль в политической жизни Америки стали играть люди практичные, прагматически мыслящие — местные государственные деятели колоний, выходцы из «средних» и «высших» слоев американского общества — купцов, промышленников, плантаторов. Они предпочитали иметь сугубо светское, прежде всего юридическое, образование. Все большее значение стала приобретать и сама юридическая профессия. Джеймс Отис, Джеймс Уилсон, Джон Адамс и десятки других американских государственных деятелей были практикующими юристами, и их политические взгляды, включая и критику политики метрополии, по своему подходу и формулировкам носили сугубо легалистский характер. При этом в политической аргументации широко использовались ссылки на историю права (естественно, прежде всего английского), а основными авторитетами были такие крупнейшие представители английской юридической мысли, как Кук и особенно Блэкстон.

Опубликованные впервые в Англии в 1765—1769 гг. «Комментарии» Блэкстона, по словам Р. Паунда, сразу же стали «первой книгой»³⁷ американских юристов. Причем, когда в 1771—1772 гг. в Америке вышел подписной тираж «Блэкстона», в числе подписчиков на него был будущий президент США Джон Адамс. Но эти знаменитые «Комментарии» не вводили никаких новых положений в пользу свободы печати (в частности, даже суда присяжных). Они только закрепляли существующее положение вещей и были либеральны к прессе лишь в одном отношении — в отсутствии предварительной цензуры. Что же касается уголовной ответственности за диффамацию после публикации, то она, согласно Блэкстону, полностью сохраняла свою силу, причем правдивость публикации не освобождала ее автора или издателя от ответственности, особенно если критика была направлена в адрес властей. «Свобода печати,— писал Блэкстон,— действительно неотъемлема от природы свободного государства, но она заключается в отсутствии предварительных разрешений на публикации, а не в свободе от цензуры уже сделанных публикаций уголовного содержания. Каждый свободный человек, несомненно, имеет право выражать публично все, что он чувствует. Запретить это — значит отказаться от свободы пе-

чати. Но если гражданин публикует что-либо непристойное, злонамеренное или незаконное, то он должен отвечать за последствия своего собственного безрассудства»³⁸. При этом, подчеркивал Блэкстон, «с точки зрения существа пасквиля безразлично, правдиво его содержание или нет, ибо человек подлежит уголовному наказанию за вызывающий характер своих действий, а не за ошибочность своих суждений»³⁹.

И тем не менее вплоть до самой войны за независимость авторитет английского «общего права» и британской конституции был настолько силен, что даже в своих противоречиях с метрополией американские деятели говорили о правах колонистов прежде всего как о традиционных вольностях британских подданных, против нарушения которых они категорически возражали, хотя уже в политическом памфлете Джеймса Отиса «Права британских колонистов» (1764 г.) содержался ряд аргументов естественноправового характера и ставилась под сомнение абсолютность принципа верховенства английского парламента⁴⁰.

В 1765 г. колонисты издали декларацию с требованием признания права на суд присяжных, т. е. сугубо британскую «вольность». В 1772 г. граждане Бостона в своей декларации просили соблюдать права человека, христиан и подданных. Даже «Декларация прав и свобод», принятая первым континентальным конгрессом в 1774 г., требовала признания за американцами прежде всего основ английской свободы, которыми наделены все подданные, рожденные в пределах английского королевства, включая право на английские статуты о мирных собраниях и петициях, а также на общее право Англии⁴¹. И лишь накануне войны за независимость, когда исчезла всякая надежда на мирное урегулирование отношений с метрополией, политические лидеры Америки стали формулировать свои требования на основе новой естественноправовой философии, декларировать абстрактные принципы естественных и неотчуждаемых прав человека, не связывая их с правами английских подданных.

*3. Институт гражданских свобод
в свете Декларации независимости США
и биллей о правах штатов.
Состояние гражданских свобод
во время войны за независимость*

Политические интересы американских колоний требовали прежде всего обоснования необходимости отделения от Англии. Этим целям как нельзя более удачно соответствовал памфлет «Здравый смысл» Томаса Пэйна, переселившегося в Америку всего лишь в 1774 г., но сразу же понявшего суть назревшего конфликта. Без каких-либо юридических софизмов Пэйн заявил, что проблема независимости Америки — это только вопрос о целесообразности или нецелесообразности дальнейшего сохранения политических связей с Англией и что ответить на него должен сам американский народ. Ответ же, подсказываемый здравым смыслом простых людей, может быть только один, а именно в пользу независимости, поскольку лишь в таких условиях возможно дальнейшее социально-экономическое развитие колоний.

Пэйн, однако, хорошо понимал силу лоялистских и конституционалистских иллюзий большинства американских колонистов, их привязанность ко всему английскому. Поэтому он решительно выступил как против личности Георга III, так и против самой монархической сущности британской конституции, отважился показать вопреки широко распространенному мнению ее несовершенство и несоответствие американским интересам. «Он был,— по словам В. Паррингтона,— первым публицистом, осмелившимся усомниться в выдающихся качествах конституции, которую американские тори провозгласили одним из чудес света, вызывающим зависть других народов»⁴².

Хотя Пэйн не был специалистом в области истории конституционного права, тем не менее ему удалось показать, что имевшиеся в ней элементы республиканского строя, представленные палатой общин, глушились остатками аристократической и монархической тирании в лице пэров и короля⁴³, что, несмотря на предполагаемое равновесие сил, английский король, распоряжаясь должностями и наградами, не только был сильнее пала-

ты общин, но навязывал народу свою волю ничуть не меньше, чем король Франции.

Памфлет Пэйна «Здравый смысл» оказал революционизирующее воздействие на умы американцев, «явился первым ясным и доходчивым призывом к борьбе за республику»⁴⁴, именно после его появления низшие и средние слои американского общества «сбросили с себя, как старую одежду, верность колониальному режиму и стали смотреть на притязания королей, как на пустую болтовню»⁴⁵.

Однако наиболее яркое выражение естественноправовая концепция права на революцию получила, как известно, в знаменитой Декларации независимости, написанной Томасом Джефферсоном и принятой единогласно 13 штатами Америки 4 июля 1776 г., собравшимися на Генеральном конгрессе в Филадельфии⁴⁶. Не претендуя на оригинальность, но не являясь одновременно и заимствованием из каких-либо конкретных сочинений⁴⁷, эта декларация преследовала лишь одну цель — выразить мысли и настроения большинства американцев, изложить человечеству «здравый смысл» вопроса в наиболее простой и доступной форме⁴⁸.

Перед войной за независимость доктрина естественного права была очень выигрышной в революционной риторике. Сама универсальность этой концепции, ее практическое удобство для объединения американцев в борьбе против Англии объясняют, почему американские государственные деятели все чаще обращались к ней, считали ее более полезной с тактической точки зрения, чем какая-либо сугубо юридическая аргументация. Как отметил один анонимный автор в письме к законодательной ассамблее Нью-Джерси в начале 1775 г., ссылки на права англичан звучат неубедительно, тогда как утверждение, что «естественное основание американской свободы заключено в самой человеческой природе»⁴⁹, понятно и близко тем, кто стремится к политической независимости от Англии.

Естественноправовая концепция в этот период была взята на вооружение и теми политическими деятелями, интерес которых лежал в более узкой и конкретной сфере — обеспечении гражданских свобод. Именно в условиях, когда британская корона и парламент попирали вольности американских колонистов, созрела мысль провозгласить гражданские свободы естественными и

неотчуждаемыми правами, что получило юридическое оформление в специальных декларациях и биллях о правах. При этом наиболее известный из документов — Декларация прав Виргинии — был принят еще в июне 1776 г., за три недели до провозглашения Декларации независимости конгрессом 13 штатов в Филадельфии.

Опередив Декларацию независимости, Декларация прав Виргинии, текст которой был написан Джорджем Мэйсоном и отредактирован Джеймсом Мэдисоном⁵⁰, впервые в истории⁵¹ провозгласила, что все люди от природы свободны и независимы и обладают некоторыми неотчуждаемыми правами, от которых они не могут отречься, вступая в общество, и которых они не могут лишиться свое потомство, а именно правами на жизнь и свободу, а также на стремление к достижению счастья и безопасности (ст. 1). Статьи 2 и 3 декларировали идею народного суверенитета и право народа сменять правительство, не отвечающее своему назначению — достижению всеобщего блага и безопасности. Статья 4 отменила всякие сословные привилегии в сфере политической жизни, ст. 5 провозгласила принцип разделения властей как гарантии от деспотизма, ст. 6 — свободу выборов и избирательное право каждого «заинтересованного» члена общества, а также незыблемость права частной собственности. Статья 7 запретила приостановку действия законов без согласия народных представителей, а в пяти других статьях Декларации были закреплены традиционные английские «вольности» — процедурные гарантии свободы личности: право на скорое и беспристрастное судебное разбирательство с участием присяжных (ст. 8 и 11), свободу от непомерных штрафов и залогов (ст. 9), от произвольных арестов (ст. 10) и запрещение постоя армии в мирное время (ст. 13).

Но самой примечательной особенностью Декларации прав Виргинии было то, что в ней в качестве одного из оплотов свободы провозглашалась свобода печати, которая «никогда не может быть ограничена деспотическими правительствами» (ст. 12). Чрезвычайно важное значение имела ст. 16, провозгласившая свободу совести, право каждого верить и отправлять религиозный культ без какого-либо принуждения, равенство всех людей в вопросах религиозной веры, а также «взаимную обязанность всех проявлять христианскую сдержанность, любовь и милосердие по отношению друг к дру-

гу». Статья эта была особенно важна для Виргинии, где в отличие от большинства других североамериканских колоний всегда существовала официальная (англиканская) церковь, а к другим религиям (в том числе к протестантским сектам) длительное время проявлялась нетерпимость. Не случайно именно вопросу о религиозной свободе уделяли особое внимание такие знаменитые виргинцы, как Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон, которые в последующие годы предпринимали огромные усилия для того, чтобы эта статья Декларации была оформлена специальным законом об отделении церкви от государства.

Декларация прав Виргинии была в значительной степени именно политической декларацией, главная цель которой заключалась в провозглашении определенных политических принципов. По словам Л. Уиппла, она представляла собой «наивную смесь морали и государственного искусства. Она, несомненно, английский документ, но с большей возлагаемой на него надеждой: это было первым утверждением свободы американского народа, и она стала моделью для более поздних биллей о правах»⁵². И действительно, вслед за Виргинией четыре штата приняли так называемые «органические законы» — конституции, которым предшествовали торжественные декларации гражданских прав, — в августе 1776 г. — Мэриленд, в сентябре 1776 г. — Делавэр и Пенсильвания и в декабре 1776 г. — Северная Каролина. Более поздние конституции — Вермонта (1777 г.), Массачусетса (1780 г.) и Нью-Гемпшира (1784 г.) также открывались специальными декларациями и биллями о правах. Другие же штаты, хотя и не приняли таких специальных деклараций, однако предусмотрели в текстах своих основных законов гарантии ряда гражданских прав и свобод (конституции Нью-Джерси 1776 г., Нью-Йорка и Джорджии 1777 г. и Южной Каролины 1778 г.)⁵³. Лишь Коннектикут (до 1812 г.) и Род-Айленд (вплоть до 1843 г.) сохранили без каких-либо дополнений свои прежние колониальные хартии, дарованные английским королем еще в XVII в. (в 1662 и 1663 гг.).

По своему содержанию декларации и билли о правах были далеко не одинаковыми. Наиболее полной, состоящей из 42 статей, была декларация прав Мэриленда. Из 30 статей состоял и билль о правах Массачусет-

са, причем наряду с фиксированием конкретных гражданских свобод он декларировал также республиканские идеалы. Билли же о правах других штатов были более конкретны, написаны преимущественно в сугубо юридическом ключе и весьма сдержанны по части общеполитических деклараций. Многие конституции содержали устарелые положения прежних хартий, другие — двусмысленные и туманные формулировки моральных норм и политической теории, третьи — вообще были сделаны поспешно и в сугубо конъюнктурных политических целях. «Они, — по словам Л. Уиппла, — в конце концов были лишь выражением доброй воли и веры»⁵⁴, с их помощью власти штатов стремились извлечь как можно больше пользы из общественного мнения, которое с доверием относилось к подобным декларациям.

С точки зрения характера провозглашенных прав и свобод наибольший интерес представляет Декларация прав Вермонта и Билль о правах Пенсильвании. Так, в вермонтском документе была статья, впервые в истории декларировавшая свободу эмиграции⁵⁵. Аналогичное положение (ст. 15) предусматривал Билль о правах Пенсильвании. В нем были также провозглашены такие неизвестные традиционным английским «вольностям» гражданские права, как свобода собраний (ст. 16) и «право на свободу слова, свободу письма и свободу публичного выражения своих мнений»⁵⁶ (ст. 12).

Все эти декларации и билли были политическими документами, которые не только предшествовали принятию в 1789 г. федерального Билля о правах (первых десяти поправок к Конституции США 1787 г., вступивших в силу в 1791 г.), но и оказали непосредственное влияние на конституционное развитие революционной Франции, послужив в значительной степени образцами для знаменитой Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Этот факт подтверждается рядом исследователей, уделявших специальное внимание международному влиянию американской революции. Так, согласно М. Ковалевскому, Кондорсе в своих политических памфлетах «приучал французов к мысли о необходимости издать декларацию прав человека и гражданина подобную американской»⁵⁷ (Виргинии. — В. К.). В сочинении же, озаглавленном «Мысли о деспотизме», он призывал будущее правительство Франции не только начать свою

деятельность с обнародования декларации естественных прав человека, но в качестве образца прямо назвал Декларацию прав Виргинии 1776 г., заимствовав у американцев, по словам Ковалевского, не только текст, но и само учение о неотчуждаемых правах⁵⁸.

Г. Еллинек, специально исследовавший идейные истоки французской Декларации прав человека и гражданина, обратил внимание на тот факт, что ее автор Лафайет в своих мемуарах прямо указал, что образцом, которому он следовал, когда вносил свой проект в Учредительное собрание, были именно тексты деклараций прав Виргинии и других американских штатов⁵⁹. В качестве же дополнительного доказательства влияния этих американских конституционных актов на французскую декларацию 1789 г. Еллинек сослался на то, что сами их тексты были хорошо известны во Франции накануне революции. Он также провел текстуальный сравнительный анализ этих документов, в результате которого действительно обнаруживается близость целого ряда формулировок, хотя, конечно, не может идти речи о полной текстуальной идентичности французской и американских деклараций прав⁶⁰.

Что же касается известного французского историка А. Олара, то он не только подтвердил идейную близость названных выше документов, но усматривал почти полное их тождество⁶¹.

Тождественность политического значения этих актов несомненна: и американские билли о правах, и французская Декларация прав человека и гражданина определяют ту сферу, в которую недопустимо или ограничено вмешательство государственной власти. Устанавливаются же границы этой власти в ее отношениях с гражданами путем фиксирования конкретных «свобод», которые по своей природе носят не «позитивный», а «негативный» характер: ими обозначается не право притязания граждан на известные действия со стороны государственной власти, а заверения в том, что она будет воздерживаться от ограничения свободы волеизъявления граждан в тех или иных сферах деятельности.

В США этому политическому принципу официально придавалось юридическое значение, поскольку декларации и билли о правах штатов носили характер конституционных актов. Они, однако, представляли собой смешение самых различных норм — положений английского

«общего права» и американских гражданских свобод, с одной стороны, и отвлеченных начал «естественного права» — с другой. Но главным их назначением было все-таки не реальное юридическое закрепление свобод граждан, а именно провозглашение новых принципов, подчеркивающих разрыв политического союза с Англией. Поэтому в условиях борьбы за независимость, которая в значительной степени носила характер гражданской войны, все, кто так или иначе мешали достижению независимости, лишались основных гражданских свобод, торжественно провозглашенных в биллях о правах⁶².

Во время революции Т. Джефферсон, Дж. Вашингтон, Т. Пэйн, Сэмюэл и Джон Адамсы исходили из того, что не может быть терпимости по отношению к политическому инакомыслию, серьезно оспаривавшему правомерность и обоснованность войны за независимость, осуждавшему дела и взгляды патриотов. Еще в начале 1776 г. Континентальный конгресс обратился к штатам с призывом не допустить обмана народа и навязывания ему ошибочных мнений. В ответ на это и по мере развертывания военных действий началась повсеместная проверка лояльности, и все, кто отказывался подписываться в верности делу американской революции, подвергались различным преследованиям. При этом, если вначале проверка лояльности осуществлялась исключительно по инициативе патриотических общественных организаций, то затем в штатах были приняты специальные законы о присяге в лояльности.

С 1776 г. был также введен в силу общий для всех штатов кодекс военного времени, объявивший уголовным преступлением употребление изменнических или неуважительных слов по отношению к властям Соединенных Штатов или законодательным ассамблеям отдельных колоний. Коннектикут принял специальный закон о подстрекательстве к мятежу, согласно которому лица, обвиненные в клевете на конгресс или законодательную ассамблею, лишались избирательных прав, подлежали штрафу или тюремному заключению. Такие же законы были приняты в Массачусетсе и Виргинии. Это означало введение строгих ограничений свободы слова и печати. Кроме того, были поставлены вне закона разбойники и грабители, фактически не действовали гарантии «хабеас корпус». Подозреваемых в политических преступлениях месяцами держали в тюрьмах, даже без разбиратель-

ства их дел военными трибуналами⁶³. При этом в целях борьбы с лоялистами огромными полномочиями были наделены специальные комитеты общественной безопасности, отказывавшие в каких бы то ни было правовых гарантиях всем, кто так или иначе мешал успешному ведению войны за независимость.

4. Конституция США 1787 г. и политическая история федерального Билля о правах

Окончившаяся в 1783 г. война за независимость привела страну в состояние глубокого финансового и хозяйственного упадка. Буржуазия и крупные землевладельцы стремились переложить все тяготы восстановления экономики на трудящихся, которые ответили манифестациями протеста. Назревало серьезное недовольство в армии, грозившее переворотом и установлением военной диктатуры. В Массачусетсе в 1786 г. вспыхнуло восстание под руководством Даниэля Шейса, в ходе которого бедняки совершали нападения на суды и уничтожали податные книги и судебные дела о конфискации за неуплату долгов и налогов.

Все эти события вызвали беспокойство буржуазии и плантаторов за свою безопасность и ставили под угрозу также само существование того союза, который был оформлен первым соглашением штатов — так называемыми Статьями конфедерации, принятыми еще в 1781 г. В результате возникла объективная потребность в упрочении политических связей штатов и создании такого центрального правительства, которому было бы усиленно разрешено острых внутренних проблем и обеспечение внешней безопасности страны. В этих целях в 1787 г. был созван Учредительный конвент. Ему была поручена разработка новой Конституции США. Однако разработанный конвентом проект, предусматривавший организацию более тесного союза с более сильной центральной властью — федерацию, встретил решительные возражения политических лидеров целого ряда штатов и породил необычайно острый общенациональный политический и идеологический конфликт, известный в истории под названием «великой контroversии»⁶⁴.

Сущность этой «великой контroversии» заключалась в следующем. Сторонники федерации считали предложенный проект конституции вершиной государственного искусства, связывали с ним надежды на обеспечение стабильности, правопорядка, эффективности управления и гарантий от тирании. Противники же федерации усматривали в предложенном проекте «заговор» богатого меньшинства с целью восстановить монархию и утвердить свое господство над демократическим большинством, что послужило основанием для характеристики этого документа как «ультраконсервативного» или «реакционного»⁶⁵. При этом даже некоторые современные историки видят в Конституции США 1787 г. отступление от принципов Декларации независимости, своеобразный «термидор» американской революции и «закат» американского просвещения⁶⁶.

Такая ее интерпретация методологически несостоятельна и по своей сути антиисторична⁶⁷. Федеральная Конституция США представляет собой документ, который подвел итог всей американской революции, юридически закрепил основы нового, исторически прогрессивного общественного строя в стране с самыми передовыми политическими традициями и наиболее благоприятными условиями развития капитализма. Она не только оформила государственное единство американской нации, создав первое в истории эффективное федеральное правительство, но и реализовала все самое ценное, что было создано как мировой политической мыслью, так и опытом развития демократических республиканских институтов Америки.

Конституционный Конвент в Филадельфии не только создал эффективную национальную политическую систему США, но, разделив и сбалансировав власть на различных уровнях, заложил прочную правовую основу буржуазной либеральной демократии, целью которой было не допустить установления единоличной или олигархической диктатуры, гарантировать свободу личности, защитить индивида от посягательств со стороны властей. Конституция не только предусмотрела строго ограниченный перечень полномочий, делегированных штатами федеральной власти и не подлежащих расширительному толкованию, но и зафиксировала ряд основных гражданских прав и свобод, от нарушения которых федеральное правительство обязалось воздерживаться.

Среди них особого внимания заслуживает гарантия «хабеас корпус», запрещение «биллей об опале» (объявление вне закона) и законов с обратной силой (ст. 1, раздел 9). Важное значение имели также гарантия суда присяжных по уголовным делам и гарантии от произвольных обвинений в государственной измене (ст. III). Но наиболее ценным является содержащееся в ст. VI запрещение каких бы то ни было религиозных привилегий и дискриминации при назначении или избрании на любые должности в федеральном правительстве. Эта гарантия, по словам Г. Аптекера, придала федеральной Конституции США характер «удивительно светского документа»⁶⁸, опередившего не только конституционные акты Европы, но и многие конституции самих североамериканских штатов, сохранявшие те или иные религиозные цензы и ограничения.

В результате получился документ, который, логически завершив революцию, органически соединил в себе в форме высшего закона достижения политической науки и идеалы Просвещения, стал первой в истории «хартией человеческого правления»⁶⁹, не оставившей места для каких-либо клерикальных и монархических идей. «Напротив,— подчеркнул Г. Аптекер,— это был документ, выразивший в сфере государственного управления разумные и апробированные идеи, вытекающие из человеческого опыта и научного анализа. С этой точки зрения, конституция была столь же научной и столь же рациональной (если не столь же точной), как и физика Ньютона»⁷⁰.

И тем не менее противники укрепления федерации подвергли острой критике этот исторически прогрессивный документ. И если в подавляющем большинстве аспектов критика не имела никаких реальных оснований и отражала лишь стремление во что бы то ни стало не допустить создания эффективного федерального правительства, то в одном отношении (по крайней мере с внешней стороны) она выглядела резонной, а именно в связи с отсутствием в конституции специального раздела (билля) о гражданских правах. Заметим, что даже Т. Джефферсон, в целом высоко оценивший новую конституцию⁷¹, в письме к Джеймсу Мэдисону — основному автору принятого проекта — обратил внимание на этот пробел.

В своем ответе Джефферсону 17 октября 1788 г. Мэдисон в числе главных причин, почему он не настаивал на самостоятельном разделе (билле) о правах, назвал отсутствие такой необходимости ввиду изъятия вопроса о гражданских свободах из компетенции федеральных властей (поскольку его регулирование не делегировано штатами). Кроме того, по мнению Мэдисона, позитивная декларация прав могла быть истолкована как исчерпывающий перечень гражданских свобод, что привело бы к ограничению тех, которые не вошли в него. К тому же Мэдисон полагал, что штаты, сохраняя за собой огромную власть, будут всегда ревниво относиться к своим прерогативам и постараются не допустить посягательств федеральных властей на свободу своих граждан⁷².

Джеймс Уилсон и Александр Гамильтон также исходили из того, что перечень полномочий федерального правительства, предоставленный союзу штатами, является исчерпывающим и не допускает расширительного толкования. Конституция, по мнению Гамильтона, создана для регулирования только общих политических интересов нации, но никак не личных и частных, а билли о правах уместны лишь в конституциях штатов, которым принадлежит вся, за вычетом федеральной, законодательная власть. Гамильтон полагал, что перечисление полномочий, в которых отказано федеральной власти, представляет опасность, поскольку может создать впечатление, будто это всего лишь исключение из принципа, что федеральная власть компетентна регулировать данную сферу. Так, в 84-м выпуске «Федералиста» он утверждал, что «статья против ограничения свободы печати вполне определенно будет наводить на мысль, что в строгом смысле слова полномочия ее регулирования сохраняются за федеральным правительством». Кроме того, по его мнению, сама конституция «в каждом рациональном смысле и в каждой из своих полезных целей»⁷³ представляет собой билль о правах.

Стремясь любой ценой сохранить суверенитет штатов, противники федеральной конституции (а далеко не все они были инстинктивными либералами и демократами) надеялись, что штаты не ратифицируют ее без билля о правах. Этого, однако, не произошло, и конституция вступила в силу в июле 1788 г. Более того, сторонники укрепления федерального союза охотно пошли на уступ-

ки, и уже на открытии первого конгресса США 8 июня 1789 г. Джеймс Мэдисон выступил с проектом федерального билля о правах.

Еще в 1788 г. в уже упомянутом ответе на письмо Джефферсону Мэдисон признал, что федеральный билль о правах с некоторых точек зрения может быть полезным документом. Во-первых, по его мнению, политические истины, заявленные в торжественной форме, в определенной степени приобретают «характер фундаментальных максим свободного правления»⁷⁴. Во-вторых, признал он, хотя угроза подавления гражданских свобод исходит не столько от правительства, сколько от «заинтересованного большинства», возможны, однако, ситуации, при которых злоупотребления могут исходить именно от правительства. «А при таких условиях билль о правах был бы хорошей основой для обращения к чувству общины»⁷⁵. Когда же Мэдисон под влиянием Джефферсона понял, что значительная часть противников федеральной конституции в своем недоверии к одобренному большинством штатов проекту была искренней, он стал решительным сторонником включения в ее текст билля о правах, предложив 8 июня 1789 г. палате представителей развернутый проект поправок к конституции, которые по своей направленности и содержанию должны были устранить всякие сомнения в ценности этого исторического документа и во многих деталях воспроизводили положения Декларации прав Виргинии 1776 г.

Мэдисон предложил предпослать конституции заявление о том, что вся власть исходит от народа и принадлежит народу, который располагает неотчуждаемым правом изменять свое правительство. В конституции также должно быть записано, что гражданские права не могут быть ограничены по причине религиозных убеждений, а также, что не может быть установлена никакая государственная религия и что ни под каким предлогом не должны нарушаться полные и равные права на свободу совести.

Кроме того, Мэдисон рекомендовал записать в тексте конституции, что народ не может быть лишен прав на свободу слова, письма или публикации и что «свобода печати, как один из величайших оплотов свободы, должна быть нерушима»⁷⁶. Народ не может быть ограничен также в праве мирно собираться и обсуждать интере-

сующие его проблемы, а также обращаться к законодателям с петициями о прекращении злоупотреблений.

В предложенном Мэдисоном проекте билля о правах содержалась также норма, согласно которой наряду с правом народа хранить и носить оружие ни один гражданин не может быть принужден к военной службе, если это противоречит его религиозным убеждениям.

Готовя свой проект, Мэдисон обратил внимание на то, что в конституциях и биллях о правах ряда штатов есть серьезные пробелы в перечнях важнейших гражданских свобод. Так, из 11 штатов, имевших в то время писанные конституции, два игнорировали положения о свободе печати, четыре — право обвиняемого на представительство адвокатом в уголовном процессе, шесть — гарантии против необоснованных обысков и захватов, шесть — право «хабеас корпус» и др. Справедливо полагая, что власти штатов могут злоупотреблять своими полномочиями ничуть не меньше, чем федеральное правительство, Мэдисон в проекте билля о правах предложил специальную статью, гласившую, что «ни один из штатов не вправе нарушать равные для всех права на свободу совести, свободу печати или на разбирательство уголовных дел судом присяжных»⁷⁷. Мэдисон, однако, считал необходимым предусмотреть в конституции особые гарантии от злоупотреблений со стороны федеральной власти. В этой связи он не только рекомендовал статью, согласно которой полномочия, не предоставленные федеральным властям штатами, сохраняются в полном объеме за последними, но и дополнил ее специальным положением о разделении федеральной власти между соответствующими законодательными, исполнительными и судебными органами⁷⁸.

Предложив свой проект билля о правах, Мэдисон подчеркнул важность его включения в текст конституции именно для того, чтобы устранить всякие сомнения граждан в отношении основного закона США, ограничив полномочия правительства путем прямого перечисления случаев, когда вмешательство государства либо совсем недопустимо, либо строго регламентировано, чтобы обеспечить соблюдение прав меньшинства при господстве мнения большинства. При этом, согласно Мэдисону, в то время как в Англии гражданские свободы гарантированы лишь от нарушения со стороны короны, а парламент (законодательная власть) в своих полно-

мочиях всемогущ, в Америке граждане считают необходимым ограничить государственную власть во всех ее формах, особенно в законодательной, и на всех уровнях — и на федеральном, и на штатном. К тому же если американцы считают свободу совести и печати изобретениями привилегиями народа, то британская конституция не содержит никаких специальных гарантий этих свобод ⁷⁹.

Специальный комитет палаты представителей рекомендовал в несколько модифицированном виде предложенные Мэдисоном поправки к конституции, исключив лишь первую, сугубо декларативную статью. В таком виде они были одобрены и самой палатой представителей. Однако сенат США внес существенные изменения в проект билля о правах. Вместо того чтобы запретить ограничения свободы совести, слова, печати и др. в общей форме, сенат предложил статью, запрещающую ограничение названных свобод лишь одним федеральным органом — конгрессом США. При этом он исключил из проекта статью, специально запрещающую нарушение указанных свобод властями штатов, проигнорировав высказывание Мэдисона о том, что власти штатов представляют особенно серьезную угрозу гражданским свободам. Кроме того, сенат отверг статью о разделении властей, а также положение, освобождающее от военной службы по мотивам религиозных убеждений.

В то же время сенат в отличие от палаты представителей считал необходимым включить в билль о правах общую декларативную статью, предложив свой вариант ее текста ⁸⁰. Статья эта, однако, была отклонена палатой представителей, и окончательный текст Билля о правах был утвержден 21 сентября 1789 г. в виде тех десяти поправок, официально вступивших в силу в 1791 г., которые по сей день являются действующими нормами Конституции США ⁸¹.

Принятый текст в силу сделанных сенатом поправок значительно обеднил и урезал первоначальный проект Мэдисона, который, как уже говорилось, исходил из убеждения, что власти штатов представляют не меньшую опасность для гражданских свобод, чем федеральное правительство. Именно в этом вопросе, как показала последующая история гражданских свобод, Мэдисон проявил себя как подлинный реалист. Существенно сужены были и гарантии основных гражданских свобод

(слова, печати, совести, собраний и др.) от посягательства со стороны федеральной власти, поскольку они ограничивались лишь одним (хотя и важнейшим) ее органом — конгрессом. И тем не менее принятые поправки были конституционным актом огромного значения, поскольку закрепили на федеральном уровне важнейшие гражданские свободы (ст. I) и процессуальные гарантии личности (неприкосновенность жилища, запрещение произвольных обысков и арестов, жестоких и изощренных наказаний, непомерных штрафов и залогов, гарантии против самообвинения, рассмотрение уголовных дел судом присяжных и др. — IV, III, VI и VIII ст. Билля о правах). Большое значение имели также запрещение такого толкования Билля о правах, при котором отрицались бы или умалялись другие гражданские свободы, не перечисленные в нем (ст. IX), и утверждение предложенной Мэдисоном гарантии, что полномочия, не предоставленные настоящей конституцией федеральным властям, сохраняются за штатами или народом (ст. X). Если же еще учесть, что в основе самого текста федеральной конституции лежала идея разделения властей и «сдержек и противовесов», а также верховенства конституционных норм над обычным законодательством, причем все эти идеи, включая верховенство конституции, получили юридическое закрепление в самостоятельных статьях, то нельзя не признать, что именно в США впервые в мире институт гражданских свобод получил наиболее полное юридическое оформление. В этой связи никак нельзя согласиться с Р. Паундом, который утверждал, что федеральный Билль о правах 1791 г. всего лишь закрепил и развил идеи, изложенные английским юристом Эдуардом Куком в его комментариях к Великой хартии вольностей, изданных в 1642 г. под названием «Второй институт»⁸².

Следует отметить, что конституционная ассамблея в Париже приняла знаменитую Декларацию прав человека и гражданина 26 августа 1789 г., т. е. как раз в то время, когда в конгрессе США подходило к концу согласование текста федерального Билля о правах. Как уже отмечалось, французская Декларация заимствовала многие свои положения из биллей о правах американских штатов, и в первую очередь из Декларации прав Виргинии 1776 г. Однако непосредственным стимулом к принятию французской Декларации прав человека и

гражданина, несомненно, явилось то движение, которое развернулось в США за принятие федерального Билля о правах в качестве неразрывной составной части конституции. Не случайно, что вступлению в силу в 1791 г. первой французской конституции предшествовала Декларация прав человека и гражданина. Политические вожди французской революции хорошо знали американский опыт и охотно перенимали те идеи и формы, которые отвечали потребностям конституционного развития их собственной страны. Правда, на этом первом этапе революции Франция оставалась конституционной монархией, а ее вожди не менее охотно заимствовали многие политические идеи и институты Англии. В результате, по крайней мере в данный краткий исторический период, Англия, Франция и США стали представляться историкам как некая единая цивилизация, основанная на ценности гражданских прав и свобод⁸³. Последующие события, однако, сильно изменили картину целостности этой цивилизации и обнаружили социальную и политическую необеспеченность института гражданских свобод в условиях обострения противоречий между этими странами и осложнения их внутривнутриполитической обстановки

*5. Закон о подстрекательстве
к мятежу 1798 г.
и борьба за его отмену.*

*Либеральные доктрины гражданских свобод
конца XVIII — начала XIX в.*

Уже в период разработки и принятия федеральной конституции в политической жизни США наметились серьезные партийные разногласия, причем, как уже отмечалось, непосредственным предметом споров явился сам проект федеральной конституции. Политическое деление в этот период было относительно простым: на «федералистов», поддерживавших проект федеральной организации союза, и «антифедералистов», выступавших против него и отстаивавших автономию отдельных штатов. При этом «антифедералистами» были преимущественно лидеры тех группировок американской буржуазии и плантаторов, которые боялись утратить свои политические позиции и экономические преимуще-

ства в случае усиления центральной федеральной власти⁸⁴.

Созданная Джефферсоном после образования в 1789 г. федерального правительства во главе с Вашингтоном политическая партия носила несколько иной характер. Сохранив в качестве одной из важнейших своих установок защиту прав штатов, она получила название «республиканской». В ее составе, однако, оказались не только «антифедералисты», но также и некоторые лидеры «федералистов», в том числе и Джеймс Мэдисон. Партия же «федералистов» в основном осталась в своем прежнем составе, потеряв Джеймса Мэдисона, но приобретя из противоположного лагеря несколько видных политических фигур, в том числе известного виргинского идеолога-«антифедералиста» Патрика Генри⁸⁵. Такое партийное деление было значительно более глубоким, чем то, которое существовало в период подготовки конституции. К прежним расхождениям добавились новые, более острые и принципиальные, причем связаны они были не только с внутривнутриполитическими разногласиями.

Революционное движение во Франции самым непосредственным образом отразилось на политической жизни США. По словам известного прогрессивного американского деятеля второй половины XIX в. Томаса Хиггинсона, оно «наложило свой раскаленный отпечаток как на историю Франции, так и на историю Америки. Оно не только определяло разделение политических партий, но и формулировало их, влияло на характер программ, подсказывало политические лозунги, симпатии и антипатии. События внутренней жизни на время отступили на задний план. Кредо партий создавалось по ту сторону Атлантики»⁸⁶. Именно французская революция вызвала в Америке новую вспышку политических страстей, привела к формированию четких партийных идеологий и принципиальному размежеванию политических сил, находившихся до этого в весьма неопределенном, зачаточном состоянии.

Влияние французской революции проявилось в Америке прежде всего в движении за демократизацию общественной жизни и ее институтов. Если во время войны за независимость американцы главным образом отстаивали лишь свою политическую автономию, прибегая к естественноправовой аргументации в пользу национального суверенитета, а в последующие годы за-

нимались сугубо практическими проблемами конституционного оформления и закрепления принципов своего государственного строя, то по мере нарастания революционных событий во Франции центральной проблемой политической жизни Америки стала проблема ее демократизации и достижения социально-политического равенства. Революция во Франции вдохновила на эту борьбу широкие массы американского общества, укрепила в них убеждение, что они заслуживают права на значительно большее участие в управлении страной. Она пробудила политическое самосознание масс, породила подозрение, что у власти находится «аристократическая группа», стремящаяся к реализации собственных политических интересов, что этой группе якобы абсолютно чужды идеалы равенства и что именно поэтому ее представители избегали употреблять сам термин «демократия».

Идеалы равенства и демократии, ставшие особенно популярными во Франции с установлением там в 1792 г. республиканской формы правления, нашли в Америке чрезвычайно благодатную почву, стали, по словам Паррингтона, «непосредственной притягательной силой для огромного большинства». В результате произошло четкое размежевание политических сил. «Страна резко разделилась на левых и правых, и по мере развития событий во Франции политические споры становились все более острыми»⁸⁷.

Внутриполитическая обстановка в США особенно осложнилась после объявления в 1793 г. Англией войны Франции и когда стало вероятным вступление в эту войну самих США, причем на стороне своего недавнего врага — Англии. Идеологи правящей федералистской партии, вставшие на защиту Великобритании, яростно обрушились на приверженцев демократии, обвиняя их в якобинстве и анархизме. Идеологи же демократической оппозиции, объявившие себя сторонниками Франции и идеалов ее революции, критиковали свое федеральное правительство и всех «аристократов» за «промонархические тенденции», за то, что «федералисты» одели верховных судей в тоги, ввели празднование дня рождения Дж. Вашингтона и титул «превосходительство» для президента. Особое возмущение «республиканцев» вызвал тот факт, что Джон Джэй, посланный президентом для переговоров в Англию, поцеловал руку

королеве. Подобные проявления аристократизма не могли не повлечь за собой недовольства масс, стремившихся реализовать в Америке демократические принципы равенства. Однако в критике «республиканцами» «федералистов» было немало умышленных преувеличений и злопыхательств, особенно несправедливых в отношении такого принципиально честного республиканца, каким был Джордж Вашингтон.

Так, в 1797 г., всего лишь через два дня после того, как Вашингтон оставил президентский пост, «республиканская» газета «Аврора» писала, что он «настолько далеко зашел в своих планах против народной свободы, что поставил под угрозу само ее существование»⁸⁸. Не более обоснованно «республиканцы» обвиняли «федералистов» в шовинизме по отношению к французам и утверждали, что А. Гамильтон — английский шпион, а Дж. Адамс — ставленник Питта. Напротив, именно А. Гамильтон одернул крайнего «федералиста» сенатора Джеймса Ллойда, предложившего в 1798 г. объявить каждого француза врагом США, а оказание любой помощи Франции квалифицировать как измену, караемую смертной казнью. «Давайте не будем устанавливать тирании», — сказал А. Гамильтон по поводу этого «законопроекта»⁸⁹.

Конечно, А. Гамильтон руководствовался прежде всего практическими соображениями, опасаясь, как бы разногласия между «федералистами» и «республиканцами» не привели к гражданской войне. Он, однако, не заслуживал обвинений, предъявленных ему некоторыми газетами, поддерживавшими партию Джефферсона. Кроме того, в это время и Франция, в защиту которой столь ревностно выступали противники внешнеполитического курса правительства Адамса, не заслуживала особых симпатий.

Правительство Директории, уничтожившее якобинскую диктатуру, отказалось от большинства принципов революции, проводило непоследовательную и противоречивую политику, колебалось то вправо, то влево, борясь с роялистами и одновременно расправляясь с борцами за равенство и демократию. Так, вскоре же после вступления в силу Конституции 1795 г. Директория жестоко подавила «заговор равных», возглавляемый мужественным революционером Гракхом Бабефом. Однако в 1797 г. ей пришлось принять меры против готовившего-

ся роялистского переворота, возобновить преследование эмигрантов и «неприсягнувших» священников, исключить из Законодательного корпуса депутатов-роялистов. При этом наиболее серьезным ограничениям подверглась свобода печати и ассоциаций⁹⁰. Кроме того, в годы правления Директории революционный французский патриотизм выродился в узкий националистический шовинизм, принявший форму откровенного милитаризма и англофобии, совершенно не согласовавшихся с принципами революции и французским национальным характером, что получило свое выражение в прокламации 1798 г. и намерении Директории «продиктовать условия мира в Лондоне»⁹¹.

Именно в этих чрезвычайно сложных международных и внутривнутриполитических условиях и был принят в США печально известный Закон о подстрекательстве к мятежу 1798 г.⁹² Одобренный президентом Джоном Адамсом 14 июля 1798 г. этот закон (ст. 2) предусматривал, «что всякий, кто напишет, напечатает, произнесет или опубликует... либо сознательно... окажет помощь в написании, печатании... любых ложных и злоумышленных писаний, порочащих правительство США, любую палату конгресса ... или президента ... побуждающих добропорядочных граждан США к незаконным объединениям с целью нарушения закона... или неповиновения любому акту президента США ... подлежит наказанию в виде штрафа до 2 тыс. долл. либо тюремному заключению до двух лет»⁹³. Несколько ранее, 25 июня 1798 г., был одобрен так называемый Закон об иностранцах⁹⁴, давший президенту право выселять с территории США всех иностранцев, представляющих, с его точки зрения, опасность миру и безопасности США, или тех, кто подозревается в совершении актов измены государству или в секретных интригах против правительства⁹⁵.

Политический смысл этих законов очевиден. Первый преследовал цель подавить критику оппозиционной республиканской партии, второй — подорвать политическое влияние тех французских граждан, проживавших в США, которые разделяли идеи якобинской диктатуры и вокруг которых группировались демократически и радикально мыслящие американцы, требовавшие углубления революции и реализации принципа равенства. При этом «республиканцам» особенно опасным представлял-

ся первый закон, недвусмысленно направленный против главного оружия республиканской оппозиции — периодической печати⁹⁶. И именно борьба за его отмену стала важнейшей политической миссией джефферсоновской партии в последние годы XVIII столетия. Республиканская оппозиция, однако, оказалась плохо подготовленной к этой борьбе, и наибольшая трудность заключалась, как ни странно, в доказательстве антиконституционности закона 1798 г., а точнее того, что представляет собой ограничение свободы слова и печати, запрещенное I поправкой к федеральной Конституции США.

Дело в том, что не только в колониальный период, но и после победы революции для большинства американских государственных деятелей было характерно весьма узкое, легалистское понимание свободы печати, фактически лишь воспроизводившее (с некоторыми модификациями) положения английского «общего права» по этому вопросу. Причем, как и накануне революции, особым авторитетом пользовалась концепция Блэкстона, бывшая либеральной только в одном отношении, а именно в запрещении предварительной цензуры.

Так, в декабре 1787 г. Джеймс Уилсон в ответе антифедералисту Джону Смайли на конвенте в Пенсильвании, созванном для ратификации федеральной конституции, сослался на блэкстоновское определение свободы печати, категорически отвергнув саму возможность освобождения от ответственности за пасквиль. «Идея свободы печати,— сказал он,— не заходит столь далеко в этой стране. Под свободой печати здесь понимается отсутствие предварительной цензуры и одновременно ответственность каждого автора за выпады против безопасности или благосостояния правительства или безопасности, достоинства и собственности индивида»⁹⁷. Другой известный политический и государственный деятель конституционного периода — судья Томас Маккин (бывший президент континентального конгресса, добивавшийся с Джеймсом Уилсоном ратификации Пенсильванией федеральной конституции) постановил в 1788 г. по делу Освальда⁹⁸, что хотя свобода печати и гарантирована конституцией, однако в США смысл ее тот же, что и в Англии за последние сто лет⁹⁹. Аргументация Маккина была повторена У. Льюисом, выступившим обвинителем Освальда в законодательном со-

брании Пенсильвании, где Освальд пытался обжаловать решение суда. Льюис, как и Маккин, постановил, что статья билля о правах и конституция Пенсильвании, предусматривавшая, что свобода печати не может быть ограничена и печатные станки должны быть доступны каждому, кто исследует деятельность законодательного собрания или какого-либо иного правительственного органа, не оправдывают терпимости по отношению к газетам, разжигающим страсти и нарушающим мир и общественный порядок¹⁰⁰.

В конституционный период, правда, были высказывания против слепого копирования английского «общего права» в подходе к проблеме свободы печати. Приводились доводы в пользу более либерального принципа прецедента Зенгера, согласно которому истинность публикаций должна освобождать от ответственности за диффамацию. Так, в письме к Джону Адамсу от 18 февраля 1789 г. главный судья Массачусетса Уильям Кашинг категорически отверг сформулированный в 1642 г. Эдвардом Куком принцип «общего права», по которому уголовная ответственность за пасквиль тем выше, чем правдивей порочащая публикация. Кашинг подчеркнул необходимость отхода от принципов «общего права», противоречащих ст. 6 гл. I конституции Массачусетса. Согласно этой статье сохраняют силу лишь те законы, которые не противоречат зафиксированным в конституции правам и свободам. «По смыслу и духу этой статьи,— писал он,— законы Англии, обычно не применявшиеся здесь, не должны иметь силы. Те же законы, которые практически действовали, но противоречат конституции, не имеют силы»¹⁰¹. Во всяком случае, писал Кашинг, нужно заново пересмотреть положения «общего права» о свободе печати, учитывая, что только ложность публикации может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности за пасквиль. В ответном письме Джон Адамс согласился, что в соответствии со статьями конституции Массачусетса следует признать правдивость публикации в качестве основания освобождения от ответственности за пасквиль¹⁰².

В этих письмах, однако, не было ничего противоречащего принципу ответственности за публикацию «ложных» и «скандальных» сведений против правительства, закрепленному в законе о подстрекательстве к мятежу

1798 г. Даже Т. Джефферсон, общепризнанный в Америке борец за демократию и религиозную свободу, никогда не выходил за рамки «зенгеровского» понимания свободы печати. Более того, в конституционный период он неоднократно подчеркивал необходимость ответственности за публикацию «ложных» сведений. Так, предлагая в 1783 г. новую конституцию Виргинии, Джефферсон заявил, что «печать должна быть освобождена от всяких ограничений, кроме уголовного преследования за уже напечатанные ложные сведения»¹⁰³. То же самое он говорил в 1788 г. Призывая Мэдисона поддержать федеральный Билль о правах, Джефферсон в письме от 31 июля 1788 г. писал: «Заявление, что федеральное правительство не будет ограничивать свободную публикацию любых высказываний, не снимает с издателей ответственности за опубликованные ложные сведения»¹⁰⁴. Ознакомившись же с проектом Билля о правах, Джефферсон нашел содержащуюся в нем формулировку свободы печати (см. выше) слишком широкой. Поэтому 28 августа 1789 г. он написал Мэдисону, что ему хотелось бы видеть статью о свободе печати измененной, а именно, чтобы она не распространялась на публикацию «ложных сведений... затрагивающих мир конфедерации с зарубежными нациями»¹⁰⁵.

И именно такая модифицированная (с учетом прецедента Зенгера) интерпретация положений английского «общего права» была положена в основу закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г. В своих ограничениях свободы печати этот закон включал все либеральные оговорки, выдвигавшиеся ведущими американскими теоретиками конституционного периода: он наказывал лишь за «ложные, скандальные и злоумышленные» писания против федерального правительства, обеих палат конгресса или президента, причем только при условии «умышленного намерения» опорочить их либо вызвать «ненависть или мятеж народа». При этом, что особенно важно, ст. 3 закона 1798 г. прямо предусматривала в качестве основания защиты и освобождения от ответственности «правдивость» опубликованной информации, а также разбирательство всех дел о мятежных пасквилях судом присяжных, который имел право решать дело как с точки зрения факта, так и закона¹⁰⁶. Что же касается определенного этим законом максимального наказания — штраф до 2 тыс. долл. и тюремное заключе-

ние до двух лет,— то по тем временам оно, несомненно, было весьма мягкой мерой.

Таким образом, с точки зрения содержания ограничений закон 1798 г. принципиально не отличался от рекомендаций, сделанных Джефферсоном, и, по словам Л. Леви, внешне выглядел как победа борцов за гражданские свободы¹⁰⁷, поскольку включал все основные либеральные поправки к нормам «общего права». И если Закон о подстрекательстве к мятежу вызвал бурное негодование республиканцев, то это объяснялось именно его политической направленностью, стремлением правящей «федералистской» партии ослабить «республиканскую» оппозицию. Многие лидеры «республиканцев» и не скрывали, что недовольны законом 1798 г. не потому, что принципиально не согласны с содержанием его положений, а потому, что он усиливал федеральную власть их противников и ослаблял их собственную власть в ряде ведущих штатов.

Так, один из лидеров «республиканцев» — Эдвард Ливингстон, поддержанный Натаниэлем Мэйконом из Северной Каролины, выдвинул против закона 1798 г. всего лишь один аргумент, а именно, что он нарушает содержащийся в I поправке к Конституции США запрет федеральной власти принимать подобные законы. Что же касается самого его содержания, то Ливингстон не только признал, что «преследование за пасквиль может осуществляться правительствами штатов», но и подчеркнул, что законодательство, наказывающее за «мятежный пасквиль», совершенно необходимо для всякой хорошо организованной республики и поэтому существует во всех штатах. Более того, злоупотребления свободой печати, по его мнению, совершенно недопустимы, и именно поэтому каждый штат располагает правовыми средствами борьбы против «мятежных пасквилей». «Репутация каждого,— сказал он,— защищена законом, и всякий, кто опубликует пасквиль на кого-либо из членов правительства, подлежит наказанию, но... не по законам, которые принимаем мы (т. е. федеральные законодатели.— В. К.), а по тем, которые приняты отдельными штатами»¹⁰⁸. Таким образом, согласно Ливингстону, Закон о подстрекательстве к мятежу 1798 г. нарушал федеральную конституцию не потому, что предусматривал наказание за пасквиль, а потому, что полномочие принимать такие законы и приводить их в исполнение

было сохранено за штатами и не делегировано федеральным властям.

Даже такой хорошо известный документ протеста, как знаменитые «Кентукские резолюции» от 16 ноября 1798 г., анонимным автором которых был сам Т. Джефферсон¹⁰⁹, основывались не столько на принципиальной концепции ценности свободы печати, сколько на идее, что регулирование периодической печати относится исключительно к компетенции штатов, а не федерального правительства. «Народ и штаты,— гласила ст. 3 этих резолюций,— сохраняют за собой право судить, в какой мере могут быть ограничены злоупотребления свободой слова и печати без уменьшения самой этой свободы и в какой мере следует терпеть те злоупотребления, которые не могут быть отделены от пользования ею, вместо того чтобы разрушить само пользование этой свободой»¹¹⁰. Позднее же в одном из писем к Абигэйл Адамс Джефферсон откровенно признал, что его возражения против закона 1798 г. были обусловлены сугубо политическими соображениями. «В то время как мы отрицаем за конгрессом право контролировать свободу печати,— писал он,— мы всегда подтверждали право штатов, причем как их исключительную прерогативу, осуществлять контроль такого рода»¹¹¹.

Естественно, что подобной аргументации было явно недостаточно, чтобы обеспечить успех в борьбе за отмену федерального Закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г. Более того, она скорее помогала «федералистам», которые приводили достаточно убедительные доводы в свою пользу, доказывая, что с точки зрения содержания этот закон нельзя рассматривать как ограничительную меру в отношении свободы печати, поскольку аналогичные, если не еще более жесткие, санкции против «мятежного пасквиля» действовали во всех штатах. Так, «федералист» Харрисон Отис из Массачусетса обвинил в непоследовательности «республиканцев» тех штатов, которые торжественно провозглашали свободу слова и печати в своих конституциях и одновременно устанавливали уголовную ответственность за «безнравственные» публикации и «мятежный пасквиль». При этом Отис обратил внимание на тот факт, что именно в «республиканской» Виргинии действовал закон о подстрекательстве к мятежу, а также был принят специальный законодательный акт, запрещающий

оказание помощи иностранцам и фактически идентичный федеральному Закону об иностранцах 1798 г. Защищая федеральный Закон о подстрекательстве к мятежу, «федералист» Джордж К. Тэйлор также подчеркнул, что «в каждом штате США (как и в Англии), несмотря на существование свободы печати (отсутствие предварительной цензуры), публикация лживых, скандальных и злоумышленных писаний наказывается в одной и той же манере. Если в каждом из отдельных штатов подобные наказания не считаются ограничением свободы печати, то как же можно говорить,— вопрошал он,— что свобода ограничивается, когда такое же наказание налагается за то же самое преступление против правительства всего народа?»¹¹². И если аналогичные действия всегда преследовались в Виргинии и никогда не считались нарушением ее Билля о правах, провозгласившего свободу печати «одним из величайших оплотов свободы, который никогда не может быть ограничен деспотическими правительствами»¹¹³, то федеральный конгресс, по мнению Тэйлора, также вправе принять закон о подстрекательстве к мятежу, не нарушая тем самым I поправку к Конституции США.

Эти же аргументы были приведены против «республиканцев» в 1799 г. в палате представителей, где ими был поставлен вопрос об отмене названного закона. Специальный комитет по рассмотрению петиций об отмене подготовил два доклада: один — в пользу закона — был одобрен 52 голосами палаты представителей, другой — за его отмену — всего 28 голосами. Доклад большинства, сделанный Чонси Гудричем, повторил утверждения других «федералистов» о необходимости этого закона для обеспечения задач стабильного и эффективного государственного управления в условиях осложнившейся международной обстановки, а также о его правомерности в силу того факта, что указанный закон лишь закрепил общепризнанную в США норму ответственности за «мятежный пасквиль», не внося в нее никаких дополнительных ограничений и нисколько не ухудшив ее содержание с точки зрения обеспечения гарантий свободы печати. Поскольку же I поправка запрещает только издание законов, ограничивающих свободу слова и печати, но не содержит прямых запретов регулирования конгрессом этих свобод, постольку, со-

гласно Гудричу, закон 1798 г. как регулирующий акт вполне конституционен¹¹⁴.

Против такой юридически отточенной аргументации «федералистов» возражения, подобные изложенным ранее Ливингстоном, были бы не только несостоятельными, но фактически прозвучали бы в пользу закона 1798 г. Обстоятельства требовали возражений совершенно иного характера — принципиального осуждения самого содержания статей этого закона, доказательства их антиконституционного характера по существу. Поэтому «республиканское» меньшинство поручило сформулировать свое особое мнение Джону Николасу из Виргинии, который нашел ряд новых аргументов, причем как сугубо юридического, так и более широкого, философско-теоретического и исторического характера.

Николас начал с критики утверждения «федералистов», будто проведенный ими закон наказывает только за публикацию «ложных сведений», а правдивая публикация освобождает от ответственности. Николас назвал это утверждение несостоятельным как с точки зрения здравого смысла, так и с точки зрения исторического опыта, поскольку всякая резкая критика правительства всегда истолковывалась и неизбежно будет истолковываться последним как «лживая». Более того, правдивая порочащая публикация обязательно вызовет большие репрессии, чем ложная, так как «выявление фактов плохого управления приведет к более длительной и устойчивой дискредитации правительства, чем предъявление ему ложных обвинений»¹¹⁵. Это, согласно Николасу, не плод чистой фантазии и теоретических размышлений, а урок истории, в том числе и Англии, где правда и ложь одинаково наказуемы, если публикация порождает неуважение к правительству. Поскольку же закон 1798 г. дает правительству широкие полномочия как раз с целью недопущения его дискредитации, естественным результатом действия этого закона будет полное запрещение обсуждения деятельности государственных должностных лиц и правительственных мероприятий, причем именно по жизненно важным для страны вопросам. Между тем сама природа американской формы правления не терпит таких ограничений, делает действительно необходимым распространение информации о состоянии общественных дел, и лишь через свободную прессу народ может получить информацию. Причем

он больше всего нуждается именно в информации о не-правильных действиях правительства, поскольку есть все основания опасаться, что лица, осуществляющие функции государственного управления, склонны абсолютизировать свою власть, противопоставлять ее всему обществу¹¹⁶.

В докладе Николаса впервые был поставлен под сомнение авторитет Блэкстона и английского «общего права». По мнению докладчика, концепция Блэкстона носила характер теории, приспособленной к условиям Англии, и поэтому никак не могла быть механически перенесена на почву США. Точно так же английская доктрина о пасквилях хотя и применялась в Америке, однако в видоизмененном, либерализованном виде. Поэтому якобы вообще не существует вопроса о рецепции английского «общего права» федеральной конституцией, по крайней мере тех ее норм, которые противоречат американской форме правления.

Представитель Пенсильвании Альберт Галлатин полностью солидаризировался с мнением Николаса, усилив, однако, политическую и философскую аргументацию против закона 1798 г. Он подчеркнул, что этот закон должен рассматриваться именно как политическое «орудие, используемое находящейся у власти партией для увековечивания ее господства и сохранения ею правительственных постов»¹¹⁷. Кроме того, согласно Галлатину, поскольку критика правительства всегда представляет собой смешение фактов и мнений, а истинность мнения вообще невозможно доказать, издатели в условиях действия этого закона будут воздерживаться от публикации не только каких-либо спорных материалов, но и вообще всякой объективной информации о государственных властях и политике.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в «докладе» Джеймса Мэдисона, сделанном в январе 1800 г. (о принятых 24 декабря 1798 г. законодательным собранием Виргинии резолюциях по поводу федеральных законов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу)¹¹⁸. В своем «докладе» Мэдисон заявил о принципиальном отличии американского понимания свободы печати от норм английского «общего права». Согласно Мэдисону, отсутствие предварительной цензуры при сохранении ответственности за пасквиль, т. е. то, на чем основан федеральный закон 1798 г., — сугубо англий-

ский, а не американский принцип. Последний же исходит, по мнению Мэдисона, из истины, что закон, налагающий ответственность после публикации на автора или издателя, имеет такой же пагубный для свободы печати эффект, что и закон, подвергающий печать предварительной цензуре. «Было бы насмешкой говорить, что нельзя издавать никаких законов, препятствующих публикации, но что можно принимать законы, наказывающие за публикации в случаях, когда они уже состоялись»¹¹⁹. Отмечая существенные различия между британской и американской формами правления, Мэдисон обратил особое внимание на тот факт, что в Англии парламент всемогущ, в Америке же законодательная власть ограничена в своих полномочиях не менее, чем исполнительная. Поэтому-то, подчеркивал Мэдисон, в США основные свободы граждан защищаются как от исполнительной, так и от законодательной власти, причем конституция имеет приоритет перед обычными законами. А I поправка к конституции совершенно недвусмысленно указывает, что власть над печатью не входит в число полномочий, делегированных штатами федеральному правительству. Но именно такую неконституционную власть присвоило себе федеральное правительство, добившееся от конгресса принятия закона о подстрекательстве к мятежу.

Мэдисон в своем «докладе» указал также на особую социальную ценность свободы печати и критики правительства при республиканской форме правления, требующей участия всех граждан в обсуждении общественных проблем. Он напомнил и о том большом значении, которое придавали свободе печати ратификационные акты Виргинии и других штатов, а также о том, что между этой свободой и свободой совести существует самая неразрывная связь и т. д.¹²⁰

Но при всей важности аргументации Николаса, Галлатина и Мэдисона против Закона о подстрекательстве к мятежу в ней все-таки доминировали юридические и политические соображения, а их было явно недостаточно для успешной борьбы за его отмену. Для этого требовалось что-то иное, выходящее за рамки привычных политико-правовых конструкций. И таким иным стало философское обоснование требования ничем не ограниченной свободы политических дискуссий, подсказанное либеральной английской мыслью начала 90-х годов XVIII в.

Дело в том, что английские либералы столкнулись с проблемой политических преследований за мятежный пасквиль на несколько лет раньше американцев. Английские тори были обеспокоены влиянием идей французской революции не меньше, чем американские «федералисты», и преследование печати, симпатизировавшей республиканской Франции, началось в Англии еще в 1793 г., причем, как это ни парадоксально, именно после принятия в 1792 г. либерального закона Фокса¹²¹, установившего разбирательство дел о пасквилях судом присяжных.

Самым шумевшим английским процессом после принятия этого закона было обвинение Томаса Пэйна за публикацию «Прав человека» — трактата, защищавшего французскую революцию от нападок Эдмунда Берка. Адвокатом Пэйна выступил общепризнанный лидер английских либералов Томас Эрскин, утверждавший, что в тесных рамках «общего права» печать не могла быть подлинно свободной. И именно в этом процессе он сформулировал совершенно новые принципы свободы выражения взглядов и убеждений. Признав, что взгляды Пэйна действительно отвергали британскую политическую систему, Эрскин тем не менее отстаивал точку зрения, что «мнение совершенно свободно и лишь одно поведение подлежит правовому регулированию». Причем данному утверждению предшествовало заявление, что каждый человек вправе свободно публиковать «все, что его разум или совесть, как бы ошибочны они ни были, диктуют ему в виде истины»¹²² по любым политическим вопросам.

Эта идея Эрскина легла в основу известного трактата Роберта Холла «Апология свободы печати и свободы вообще», опубликованного в Англии в 1793 г., когда десятки людей отправляли в тюрьму за высказывание политических взглядов. В названном трактате декларировалось безоговорочное право каждого на абсолютную свободу обсуждать «любой вопрос, который становится предметом размышления»¹²³. Подчеркивая различия между словами, чувствами и мнениями, с одной стороны, и «действием» или «поведением» — с другой, Холл категорически отрицал право правительства наказывать за простое выражение политических взглядов, признавая, как и Эрскин, лишь правомерность регулирования поведения, «открытых действий» (overt acts). При этом

тот факт, что в публикациях нередко содержится дезинформация, не может служить основанием каких-либо ограничений свободы печати, поскольку, «как все человеческое, они имеют смешанную природу, где правда часто переплетается с ложью» и «нет никакого иного способа отделить драгоценное от подлого, как терпеть всю совокупность высказываний»¹²⁴.

Именно в такого рода литературе, утверждавшей ценность абсолютной свободы выражения взглядов, остро нуждалась оппозиционная «республиканская» партия Америки, требовавшая признания права на ничем не ограниченную критику правящей партии «федералистов». «Партия, отстраненная от власти,— писал по этому поводу Л. Уиппл,— поверила в абсолютность свободы печати, чтобы отстранить от власти правящую партию»¹²⁵. И идеологи таких взглядов не замедлили появиться.

Одной из первых в США литературных публикаций (1799 г.), резко порывавших как с «общим правом» Блэкстона, так и с его «либерализованными» американскими вариантами, был трактат члена палаты делегатов Виргинии Джорджа Хэя «Очерк о свободе печати»¹²⁶, в котором автор впервые в истории американской общественно-политической мысли сформулировал понятие свободы печати как свободы абсолютной, не подлежащей ограничениям ни при каких обстоятельствах. Согласно Хэю, нелепо вносить в конституцию I поправку и одновременно допускать возможность законодательного регулирования свободы политической печати. Настаивая на абсолютном характере этой свободы, он распространил конституционные гарантии и на «безнравственные», «злоумышленные» и «вредные» политические публикации. «Человек вправе говорить все, что подсказывают ему его чувства, писал Хэй, и если он настолько безнравственен, что тратит все свое время и весь свой талант на лживые, скандальные и злоумышленные высказывания против правительства, то он вправе делать это без боязни быть подвергнутым каким-либо уголовным преследованиям»¹²⁷. Поэтому, полагал Хэй, правда и факты пользуются по I поправке не большей защитой, чем «худшая ложь» и ошибочные суждения: последние также не подлежат правительственному контролю, как и первые. Хэй призывал считаться с тем фактом, что, пока люди не будут уверены в существо-

вании абсолютных гарантий свободы мысли, они будут бояться высказывать даже те истины, которые могут доказать. Поэтому, хотя неограниченная свобода печати и может причинить определенный вред, зло от этого вреда несравненно меньшее, чем от попыток ограничить свободу политических высказываний вообще, подобно тому как вред, причиняемый терпимостью по отношению к ереси и атеизму, значительно меньший, чем вред, причиняемый обществу и людям преследованием за религиозные убеждения. Хэй, как и Мэдисон, считал также неправомерным перенесение на американскую почву английской концепции свободы печати в силу различия форм правления в этих странах и полагал, что «общее право» Англии не может действовать в Америке, что свобода печати здесь означает не просто отсутствие предварительной цензуры, но полное освобождение газет и журналов от какого бы то ни было законодательного контроля, вследствие чего закон 1798 г., представляющий собой акт именно такого контроля,— посягательство на свободу печати, запрещенное федеральной конституцией.

Важную роль в формировании радикально нового отношения к свободе слова и печати сыграл опубликованный в 1800 г. обширный «Трактат по поводу политических исследований и свободы печати» Таниса Уортмана¹²⁸, представлявший собой первое в американской истории сугубо философское сочинение по проблеме гражданских свобод. Исходный аргумент Уортмана в пользу неограниченной свободы печати — абсолютное право общества исследовать проблемы политического характера, обусловленное самой человеческой природой, тем фактом, что разум — естественное достояние человека и способность к познанию — «неотъемлемый атрибут ума»¹²⁹. Согласно Уортману, политические институты — всего лишь инструменты общества. Функции любого института — способствовать «всеобщему процветанию и счастью». Поэтому законы морали имеют абсолютный приоритет, обязательны для каждого правителя и должностного лица. Поскольку же любое правительство, как все человеческое, «не безгрешно и несовершенно»¹³⁰, единственным практическим средством предотвратить его злоупотребления и заставить служить обществу является совершенствование знания. Отсюда, согласно Уортману, следует, что неограниченная свобода мысли

не только неотъемлемое право каждого гражданского общества, но и абсолютное условие прогресса и счастья всего человечества.

Общество, однако, состоит из индивидов, и право общества не что иное, как совокупность индивидуальных прав его членов. Поэтому, полагал Уортман, если общество обладает абсолютным правом исследовать любую проблему, затрагивающую его интересы, было бы совершенно очевидным противоречием отрицать тот факт, что каждый индивид обладает тем же абсолютным и неограниченным правом.

Права правительства, согласно Уортману, не что иное, как права общества, делегированные ему в сугубо функциональных целях. Поэтому права, не делегированные правительству, полностью сохраняются за каждым членом общества. В своем трактате Уортман впервые в американской литературе раскрывает также содержание понятия «общественное мнение». С его точки зрения, общество не образует интеллектуального единства, не может выразить себя в какой-то одной идее: каждый из его членов сохраняет свою индивидуальность, собственное понимание тех или иных проблем. При этом многие вопросы неизбежно находятся на стадии осмысления, и формирование общественного мнения по ним возможно только при условии свободного мышления каждого индивида, отсутствии каких бы то ни было ограничений свободы дискуссий, «тиранического давления»¹³¹ на сознание человека.

Область, которая интересует каждого индивида,— это политика, поскольку все люди так или иначе испытывают на себе влияние политических институтов. Поэтому быть информированным о политических событиях, знать принципы осуществления государственного управления — одно из важнейших прав человека. А отсюда, естественно, и право каждого индивида свободно исследовать политические проблемы, обсуждать их и обмениваться своим мнением с другими людьми. Это право Уортман называет «самым священным и неоценимым»¹³², ограничение же его — «самой ужасной и пагубной тиранией»¹³³.

Уортман не отрицает, что возможно злоупотребление свободой слова и печати, что могут иметь место сознательные клеветнические выпады против правительства или отдельных его представителей. Он, однако, катего-

рически отвергает уголовное преследование как средство борьбы с клеветой. Уголовный закон, согласно Уортману, всегда используется для преследования тех лиц, мнение которых не нравится властям. При этом даже самая злобная клевета не может причинить вреда честному правительству, ставящему перед собой благородные цели. Считать иначе, полагает Уортман,— значит недооценивать народ, его способность отличать правду от лжи, ибо именно общественное мнение — важнейшая гарантия от злоупотреблений свободой печати, именно ему принадлежит прерогатива верховного контроля. Для этого, однако, оно не должно быть связано с властями: общественное мнение, будучи стражем общественной свободы, теряет свою силу сразу же, как только оказывается зависимым от правительства. Поэтому Уортман категорически отвергает концепцию Блэкстона в той ее части, которая трактует правду как преступную клевету, если она причиняет ущерб авторитету властей. Такая трактовка границ свободы печати означает, по мнению Уортмана, не что иное, как «открытое объявление войны политической мысли, полностью отменяет ответственность должностных лиц и устанавливает трон абсолютного деспотизма на развалинах гражданской свободы»¹³⁴.

В 1801 г. в Нью-Йорке вышла в свет небольшая книжка Джона Томсона «Исследование, касающееся свободы печати, злоупотреблений ею и неконтролируемой природы человеческого ума»¹³⁵. Проникнутая тем же философским духом, что и трактат Уортмана, выражая ту же точку зрения и дублируя ее во многих аспектах, брошюра Томсона, однако, не была заимствованием и дополняла ряд положений Уортмана новыми аргументами как философского, так и чисто исторического характера. Акцентируя внимание на социальной ценности свободы печати и на том историческом факте, что ее противниками всегда были те правители, которые боялись разоблачения злоупотреблений властью, Томсон, как и Уортман, категорически отверг уместность в демократическом обществе законов, преследующих за клевету на правительство. Эти законы, согласно Томсону, не только не соответствуют духу и букве конституции, но чрезвычайно пагубно сказываются на общественной морали, порождают такие отвратительные явления, как анонимные письма, шпионство и доносы, лицемерие и

обман в форме присяги о лояльности, в подтверждение чего Томсон приводит ряд исторических примеров.

Веря в прогресс, Томсон, однако, обращал внимание на относительность ценности политических институтов, в том числе и американской формы правления, конституции. Он категорически отрицал, что эта конституция — само совершенство. Такая идея, согласно Томсону, была бы равносильна утверждению, что человечество достигло пределов в области политической науки, и тогда свобода слова и печати действительно потеряла бы свое значение. Категорически отвергнув такое утверждение, он подчеркнул особую ценность свободы мысли в политической сфере, полагая, что правительство не вправе вмешиваться даже в случае самого серьезного злоупотребления и дезинформации, что принуждение может лишь заставить замолчать, но не убедить.

Проникнутые верой в силу человеческого разума трактаты Уортмана и Томсона были выдержаны в духе лучших европейских образцов эпохи Просвещения и гуманизма, буржуазно-демократических идеалов своего времени. В абсолютизации ими ценности свободы выражения взглядов четко прослеживаются идеи политического либертаризма. Их появление в США на рубеже XVIII — XIX вв. было обусловлено острой необходимостью внести серьезные изменения в принципы использования политическими партиями такого важнейшего орудия, как периодическая печать. Закон 1798 г. создал прецедент, опасность которого остро ощутили большинство идеологов «республиканской» оппозиции, сформулировавших новые принципы свободы печати и развернувших их активную пропаганду. В результате в общественном мнении постепенно сложилось отрицательное отношение к Закону о подстрекательстве к мятежу, что в конечном счете привело к поражению партии «федералистов» на выборах и избранию в 1800 г. Томаса Джефферсона президентом США.

Отменив этот закон, парализовавший печать республиканской партии, Джефферсон занял в целом отрицательную позицию по отношению к уголовному преследованию за клевету. В своем иногурационном обращении 4 марта 1801 г. он заявил, что хотя воля большинства — закон, однако необходимо придерживаться принципа, что эта воля должна быть «справедливой и разумной»¹³⁶, что меньшинство располагает равными права-

ми, пользующимися защитой закона, и что их нарушение означало бы угнетение. В этом обращении содержался также призыв терпеливо относиться к ошибочным политическим мнениям и преодолевать заблуждения исключительно с помощью разума. Вскоре в своем письме к Эдмунду Джефферсону от 29 марта 1801 г. Джефферсон заверил его, что правительство будет управлять страной строго по закону и не допустит никакого посягательства на право высказывания любых мнений¹³⁷. В письме же к министру юстиции Л. Линкольну от 24 марта 1802 г. он обещал «продолжать эксперимент политического управления без публичных преследований за клевету»¹³⁸, а в 1803 г. в письме к французскому корреспонденту Пикте заявил, что «очень трудно отграничить злоупотребление свободой печати от ее полезного использования»¹³⁹ и что именно поэтому его правительство «доверяется в разграничении истины и лжи разуму обществу, а не судей»¹⁴⁰.

Отдавая предпочтение политике терпимости к злоупотреблениям свободой печати, Джефферсон, однако, на практике нередко отступал от этой позиции, столкнувшись с острой и нередко действительно клеветнической критикой в свой адрес как президента. Подобную критику оппозиционной печати «федералистов» он воспринимал весьма болезненно. Возмущаясь такими злоупотреблениями, Джефферсон в письме к губернатору Пенсильвании Т. Маккину 19 февраля 1803 г. писал, что состояние дел в печати становится настолько опасным, что «некоторые судебные преследования клеветников были бы вполне уместны для устранения существующих безобразий» и что для таких преследований существующее законодательство штатов содержит все необходимые правовые основания¹⁴¹. Эту мысль он подтвердил и развил в уже упоминавшемся письме к Абигейл Адамс 11 сентября 1804 г., где писал, что хотя отрицает за федеральным конгрессом право контролировать свободу печати, однако всегда отстаивал существование этого права у штатов, законы которых предусматривают «ответственность за клевету как противоречащую социальному назначению пользования свободой, хотя те штаты, которые не признают правдивости публикаций как основания освобождения от ответственности издателя, зашли слишком далеко»¹⁴². Более того, Джефферсон не сделал ничего, чтобы положить конец ряду процессов над

критиками своей администрации, в частности над нью-йорским издателем Кросвеллом, обвиненным в 1804 г. в публикации пасквиля на президента.

Адвокатом Кросвелла выступил не кто иной, как Александр Гамильтон, бывший активный сторонник Закона о подстрекательстве к мятежу¹⁴³. В качестве оснований защиты он сформулировал следующие нормы, отражавшие его понимание свободы печати:

«1. Свобода печати состоит в праве безнаказанно публиковать с добрыми намерениями и в оправданных целях правдивые сообщения, даже если они бросают тень на правительство, государственных чиновников или отдельных лиц.

2. Предоставление этого права жизненно важно для сохранения свободной формы правления, отказ же в нем имеет для нее роковые последствия.

3. Злоупотребление этим правом может быть предотвращено путем критики и подчинения его осуществления контролю со стороны трибуналов правосудия, но этот контроль не должен полностью находиться в руках постоянных судебных коллегий и требует действенного сотрудничества суда и присяжных.

4. Сведение полномочий присяжных лишь к вопросу установления факта самой публикации и употребленных в ней выражений без права вникать в суть намерений и характера опубликованных сообщений и передача суду исключительного права толкования и суждения о намерениях и характере «пасквиля» свели бы на нет функции присяжных и дали бы суду возможность усматривать клевету в любых писаниях, даже самых невинных и достойных похвалы»¹⁴⁴.

Как можно заметить, суть этих норм в том, что правдивость публикации и отсутствие злого умысла освобождают от ответственности за клевету, а суд присяжных должен решить вопрос о виновности или невинности не только с точки зрения факта, но и права. Гамильтон, таким образом, по существу применил те либерализованные принципы прецедента Зенгера, которые формально признавались законом 1798 г., но фактически не действовали в силу запретительного характера этого законодательного акта, направленного на ограничение свободы печати. Теперь же они действительно были применены в интересах издателя оппозиционной газеты и

были направлены на обеспечение этой важнейшей конституционной свободы.

Судья-«республиканец» Морган Льюис отказался принять аргументы защиты и предоставить присяжным возможность вынести вердикт по существу дела. Это произвело столь отрицательное впечатление на общественное мнение, что уже в следующем, 1805 г. в штате Нью-Йорк был принят закон, закрепивший предложенные А. Гамильтоном основные гарантии свободы публикаций. С теми или иными модификациями они стали действующими правовыми нормами во всех других штатах, будучи включенными в тексты конституций, специальных законодательных актов или существуя в форме судебных precedентов¹⁴⁵.

Утверждение этих принципов в отдельных штатах не проходило гладко. Так, в 1805 г. в Массачусетсе палата представителей высказалась за все указанные гарантии. Но в 1807 г. по делу Клаппа¹⁴⁶ было вынесено решение, подтвердившее силу нормы английского «общего права», по которой правдивость публикации не признавалась основанием защиты от обвинений в пасквиле. В 1825 г. суд в решении по делу Клэндинга снова отверг принципы Гамильтона, приняв старое блэкстоновское толкование свободы печати. И лишь в 1826 г. либеральная доктрина Гамильтона стала основой действующего права в Массачусетсе.

Свободу слова и печати продолжали ограничивать также преследования за «богохульство» на основе «общего» английского права либо статутного права колоний, действовавшего в некоторых штатах. Например, в Нью-Йорке преследование за богохульство имело место в 1811 г., в Пенсильвании — в 1821 г. Последним делом о богохульстве был процесс над преподобным Абнером Нилэндом, посаженным в бостонскую тюрьму в 1838 г. Однако в целом к концу 20-х годов в американском праве утвердились новые, более либеральные принципы свободы слова и печати. Заметим, что эти принципы получили закрепление еще в 1803 г. в «комментариях» к Блэкстону, сделанных известным либеральным американским юристом Джорджем Таккером, где он дал толкование свобод I поправки к федеральной конституции, критиковал Закон о подстрекательстве к мятежу 1798 г. и противопоставлял американскую и английскую формы правления. Таккер по существу отвергал основ-

ные положения английского «общего права», изложенные в свое время Блэкстоном. И этот американизированный «Блэкстон» стал на многие годы стандартным справочником, которым в США руководствовались практикующие юристы и на котором формировалось сознание целого поколения американских студентов. Причем в 1812 г. в решении по делу Хадсона и Гудвина¹⁴⁷ Верховный суд США официально отказался от применения норм английского «общего права» против издателей, обвиняемых в пасквиле на правительство федерации.

*6. Проблема гражданских свобод
в условиях «джексоновской» демократии,
во время гражданской войны
и в период реконструкции*

Последующие десятилетия XIX столетия ознаменовались в развитии США демократизацией избирательного права, массовым притоком иммигрантов и освоением Запада. В новых штатах стали складываться анархические нравы мелкобуржуазной демократии, нетерпимой к инакомыслию и насаждавшей конформизм внеправовыми средствами морального и физического принуждения. Падкая на лесть и восприимчивая к демагогии новых политических лидеров типа президента Эндрю Джексона мелкобуржуазная масса, получив избирательные права, уверовала в свое могущество, абсолютную свободу третировать любое инакомыслящее меньшинство, игнорируя закон и конституционные гарантии¹⁴⁸.

Период с 1828 по 1855 г. известен в Америке как «эра толпы» (mob era). Именно в это время широкие масштабы приобрело антикатолическое движение, направленное главным образом против иммигрантов из Ирландии и имевшее свою полусекретную политическую организацию — партию «ничего не знающих» (know — nothing party). Члены этой партии учиняли физические расправы над католиками, погромы их монастырей, занимались запугиванием и политическим гангстеризмом. Не менее известно преследование мормонов, также сопровождавшееся массовыми погромами и физическим насилием.

На 30-е годы приходится усиление репрессий против участников аболиционистского движения. Тогда в боль-

шинстве южных штатов были приняты законы, запретившие свободное высказывание и распространение аболиционистских взглядов, которые квалифицировались как «подстрекательство к мятежу». С этими же целями была введена почтовая цензура, наделившая мировых судей «инквизиторской властью над почтовыми поступлениями и еще большими диктаторскими полномочиями судить о характере духовной пищи, дозволенной потреблять их соседям»¹⁴⁹.

Но эффективность всех этих антиаболиционистских мероприятий обеспечивалась прежде всего общественным мнением и деятельностью различных общественных организаций типа комитетов бдительности (*vigilance committees*) или комитетов безопасности (*committees of safety*), в компетенцию которых входило применение «любых энергичных средств по выявлению и розыску любого лица или лиц, посмевших распространять в общине какие-либо брошюры, трактаты или другие мятежные публикации»¹⁵⁰. По словам Р. Ная, «такие комитеты осуществляли более сильный контроль над жизнью белого человека, чем какие-либо иные органы власти на Юге»¹⁵¹. Но и на Севере, где не было комитетов бдительности и безопасности, свобода выражения аболиционистских взглядов также сильно ограничивалась. При этом в 30-е годы на Севере и в других «свободных штатах» случаи насилия толпы над аболиционистами были даже чаще, чем на Юге.

Гражданская война 1861—1865 гг. была радикальным средством решения проблемы рабства в США и, будучи ожесточенной и кровопролитной, потребовала от федерального правительства ряда чрезвычайных мер. Наиболее известна из них приостановка президентом Линкольном в 1861—1862 гг. действия гарантии «хабеас корпус». В послании конгрессу в марте 1863 г. Линкольн не скрывал, что превысил конституционные полномочия, однако настаивал, что подобные меры оправдывала чрезвычайная необходимость¹⁵².

К числу других чрезвычайных мер правительства Линкольна относятся введение в апреле 1861 г. цензуры на телеграфе, почтовой цензуры, временные приостановки издания отдельных газет и изъятие тиражей периодической печати, а также аресты отдельных издателей. Все эти меры, однако, носили частичный и весьма умеренный характер. Применялись же они еще мягче, и, по

свидетельству американского исследователя Дж. С. Рэндалла, в течение всей гражданской войны в печати постоянно публиковались военные данные секретного характера и критические статьи в адрес федерального правительства, нередко доводившие свою неприязнь к администрации Линкольна до поощрения нелояльности¹⁵³. Линкольн отличался также большой терпимостью по отношению к гражданам, отказывавшимся от службы в действующей армии в силу своих религиозных пацифистских убеждений. Особое сочувствие он проявлял к квакерам, среди которых у него было много искренних и преданных друзей, и известно немало случаев, когда он помогал тем из них, кто оказывался под арестом за отказ служить в армии. Линкольн поддерживал также тех конгрессменов, которые в феврале 1864 г. добились принятия специального закона, освобождающего от участия в боевых действиях американских граждан, чей пацифизм был обусловлен религиозными убеждениями¹⁵⁴.

Послевоенное десятилетие, известное в американской истории как период реконструкции, ознаменовалось рядом важных социально-политических реформ, оформленных соответствующими законодательными актами. XIII поправка к Конституции США, вступившая в силу 18 декабря 1865 г., официально запретила рабство в США и на территориях, куда распространялась их юрисдикция, а в 1866 г. конгресс принял Закон о гражданских правах, официально признавший за всеми гражданами США «любой расы и цвета кожи... в каждом штате и на любой территории... полное и равное с белыми гражданами пользование всеми законами и процедурами обеспечения личной безопасности и имущественной неприкосновенности»¹⁵⁵. В подтверждение и развитие положений этих законодательных актов была принята знаменитая XIV поправка, вступившая в силу два года спустя (28 июля 1868 г.). «Все лица, рожденные или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции,— гласил ее первый раздел,— являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат не должен издавать или применять законы, ограничивающие привилегии и вольности граждан Соединенных Штатов; ни один штат не вправе также лишить кого-либо жизни, свободы или имущества без должной законной процедуры

или отказать какому-либо лицу, подчиненному его юрисдикции, в равной защите закона»¹⁵⁶.

Этот раздел XIV поправки имел принципиальное значение с точки зрения конституционного закрепления института гражданских свобод в Америке. Дело в том, что в 1833 г. главный судья Джон Маршалл в решении по делу Баррона против Балтиморы¹⁵⁷ заявил о неприменимости V поправки и других гарантий федерального Билля о правах к отдельным штатам. «Конституция,— по словам Маршалла,— была установлена народом Соединенных Штатов для себя, для его собственного (федерального.— В. К.) правительства, а не для правительства отдельных штатов.

Каждый штат установил свою собственную конституцию и предусмотрел в ней ограничение полномочий его собственного правительства так, как это ему представлялось необходимым. Народ Соединенных Штатов сформировал для Соединенных Штатов такое правительство, какое он посчитал соответствующим своей собственной ситуации с расчетом на наилучшее удовлетворение своих интересов. Полномочия, которыми он наделил свое правительство, должны были осуществляться самим этим правительством; ограничения власти, если они выражены в общей форме, естественны и, мы полагаем, с необходимостью применимы именно к правительству, созданному этим документом. Они представляют собой ограничения власти, предоставленной самим этим документом, а не власти отдельных правительств, созданных различными людьми и в различных целях.

Если эти положения правильны, I поправку надо понимать как ограничение общего (федерального.— В. К.) правительства, а не штатов. В своих конституциях они наложили такие ограничения на собственные правительства, как им подсказывал их разум, такие, какие они считали необходимыми. Об этом предмете они судят исключительно сами, и другие должны вмешиваться в него не больше, чем это оправдано существованием общего интереса.

...Эти поправки (Билль о правах) не содержат выражений, указывающих на намерение применять их к правительствам штатов. И суд не может применить их... не имея юрисдикции в этом вопросе»¹⁵⁸.

Постановление Верховного суда по делу Баррона, признавшее существование противоречий между феде-

ральной Конституцией США и положениями конституций отдельных штатов вполне естественным и правомерным, стало действующим прецедентом. И в отмене этого прецедента и распространении гарантий федерального Билля о правах на отдельные штаты и заключался смысл второй части первого раздела XIV поправки к Конституции США.

О том, что смысл названного раздела был именно таков, свидетельствуют содержащиеся в материалах 39-го конгресса высказывания авторов XIV поправки — конгрессмена из Огайо Джона А. Бингхэма и сенатора от штата Мичиган Джэйкоба Хоуарда. Так, Бингхэм во время дебатов в конгрессе заявил, что именно существование прецедента Баррона в качестве нормы действующего права сделало необходимым принятие XIV поправки и что если бы 39-й конгресс имел в виду обязательность применения Билля о правах лишь к федеральному правительству, то так бы и записал в ч. I этой поправки. Что же касается сенатора Хоуарда, то он настаивал на том, что ч. I включает в себя не только «привилегии и вольности», предусмотренные параграфом 2 ст. 4 Конституции, но также все свободы, гарантированные первыми восемью поправками к ней. Он подчеркнул, что «великая цель первой части этой поправки (XIV.— В. К.) состоит поэтому в том, чтобы ограничить власть штатов и заставить их во все времена уважать эти основные гарантии»¹⁵⁹.

Характерно, что документы 39-го конгресса не содержат фактов, которые бы свидетельствовали о существовании каких-либо возражений против мнения Бингхэма и Хоуарда, из чего можно сделать вывод, что именно таков был смысл этого важнейшего конституционного закона периода реконструкции¹⁶⁰. Однако практика применения XIV поправки пошла в полном противоречии с тем смыслом, который вкладывали в нее Бингхэм и Хоуард¹⁶¹. Так, уже в 1873 г. постановлениями по ряду дел, известных под названием «дела о бойнях»¹⁶², Верховный суд не только подтвердил силу прецедента Баррона, но и открыто провозгласил, что положение о «привилегиях и вольностях» XIV поправки не защищает права, которые американцы имеют исключительно как граждане соответствующих штатов, и никогда не предназначалось для этого и что смысл названного положения — защита лишь тех прав, которыми они обладают

по отношению к федеральному правительству (например, право на занятия должностей в федеральном правительстве, на защиту жизни, свободы и собственности в открытом море, на гарантию «хабеас корпус», на мирные собрания и петиции).

Эти решения, фактически перечеркнувшие II ч. I раздела XIV поправки, были, по словам одного из основоположников современной американской политической науки — Джона У. Берджесса, «совершенно ошибочными», с какой бы точки зрения к ним ни подходить — «исторической, политической или юридической»¹⁶³. Они, однако, были вполне закономерны и явились откровенной уступкой тем реакционным силам, которые стремились свести на нет социально-политические реформы периода реконструкции¹⁶⁴.

---

¹ Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 182—184.

² Паррингтон В. Основные течения американской мысли. М.: Изд-во иностр. лит., 1962, т. I, с. 65.

³ Там же, с. 67.

⁴ Fundamental Orders of Connecticut. 1638, Jan. 14; 1639, Jan. 24.— In: Documentary Source Book of American History. 1606—1926 / Ed. by W. Macdonald. N. Y., 1968, p. 36—39.

⁵ Паррингтон В. Указ. соч., с. 105.

⁶ Gardiner S. History of the Great Civil War. L., 1891, vol. III, p. 607—609; Whipple L. Our Ancient Liberties. The Story of the Origin and Meaning of Civil and Religious Liberty in the U. S. N. Y., 1927, p. 28.

⁷ См.: Rossiter C. The Seedtime of the Republic. The Origin of the American Tradition of Political Liberty. N. Y., 1953, p. 174.

⁸ The Bloody Tenent, of Persecution for Cause of Conscience.— In: Puritan Political Ideas / Ed. by E. S. Morgan. Indianapolis, 1965, p. 203—218.

⁹ Цит. по: Rossiter C. Op. cit., p. 197.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., p. 198.

¹² Паррингтон В. Указ. соч., с. 120.

¹³ В 1701 г. Пенн издал «Хартию привилегий», в которой торжественно обещал жителям Пенсильвании соблюдать принцип свободы совести в качестве «неизменной и нерушимой» конституционной нормы. См.: The Pennsylvania Charter of Privileges. Oct. 28, 1701.— In: Settlements to Society: 1584—1763 / Ed. by Jack P. Greene. N. Y., 1966, p. 169—171.

¹⁴ См.: Swift L. B. How We Got Our Liberties. Indianapolis, 1928, p. 276—284.

¹⁵ См.: Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. М.: Наука, 1980, с. 300—308.

¹⁶ См.: The Massachusetts Body of Liberties, 1641.— In: Puritan Political Ideas. 1558—1794 / Ed. by E. S. Morgan, p. 177—203.

- ¹⁷ См.: *Dargo G. Roots of the Republic: A New Perspective on Early American Constitutionalism.* N. Y., 1974, p. 61.
- ¹⁸ См.: *Аптекер Г.* История американского народа. Колониальная эра. М.: Изд-во иностр. лит., 1961, с. 143—144.
- ¹⁹ См.: *Каримский А. М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М.: Мысль, 1976, с. 62—64.
- ²⁰ См.: *Puritan Political Ideas 1558—1794* / Ed. by E. S. Morgan, p. 251—267.
- ²¹ Английская корона первоначально держала в своих руках всю печать. Она не позволяла никому печатать без специального на то разрешения и подчинила все типографии правилам, составленным «Звездной палатой» в силу королевской прерогативы. Преступления против законов о печати составляли особый вид преступлений, подлежавших ведению исключительно «Звездной палаты», которая судила без присяжных и налагала жестокие наказания. Но даже после упразднения в 1641 г. «Звездной палаты» цензура продолжала существовать в виде системы разрешений, выдаваемых парламентом на публикацию и распространение печатных изданий.
- ²² Статья 11 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.
- ²³ *Дэйси А. В.* Основы государственного права Англии. М., 1907, с. 298. См. также: *Macaulay Th.* History of England. L., 1883, vol. IV, p. 541—542.
- ²⁴ См.: там же, с. 273—274.
- ²⁵ При этом даже искреннее убеждение и добрые намерения высказывающегося не могут быть законным оправданием его поведения.
- ²⁶ Цит. по: *Дэйси А.* Указ. соч., с. 277—278.
- ²⁷ Там же, с. 278.
- ²⁸ «The greater the truth, the greater the scandal against the government».
- ²⁹ *Phillips O. H.* A First Book of English Law. L., 1965, p. 264—265.
- ³⁰ Freedom of Speech, Cato's Letter N 15.—Цит. по: Freedom of the Press from Zenger to Jefferson / Ed. by L. Levy. Indianapolis, 1966, p. XXIV.
- ³¹ Reflections upon Libelling, Cato's Letter N 32.—Freedom of the Press from Zenger to Jefferson / Ed. by L. Levy, p. 14—17.
- ³² The Writings of Benjamin Franklin / Ed. by A. H. Smyth. N. Y., 1905, vol. II, p. 172—179.
- ³³ Цит. по: Freedom of the Press from Zenger to Jefferson / Ed. by L. Levy, p. 51.
- ³⁴ См. подробнее: *Аптекер Г.* История американского народа. Колониальная эра, с. 157—161.
- ³⁵ См.: *Clarke M. P.* Parliamentary Privilege in the American Colonies. New Haven, 1943, p. 117.
- ³⁶ Цит. по: Freedom of the Press from Zenger to Jefferson / E. by L. Levy, p. XI.
- ³⁷ *Pound R.* The Development of Constitutional Guarantees of Liberty. New Haven, 1957, p. 64.
- ³⁸ Цит. по: Freedom of the Press from Zenger to Jefferson / Ed. by L. Levy, p. 104.
- ³⁹ Ibid., p. 103.
- ⁴⁰ Отис настаивал на том, что политические права и гражданские свободы поселенцев отнюдь не основаны только на даровании их английским правительством и парламентом, и даже Великая хар-

тия вольностей, какой бы древней она ни казалась, «не была началом всех вещей». «Быть может,— писал он,— наступит время, когда парламент объявит недействительной каждую американскую хартию, но естественные, прирожденные и неотчуждаемые права колонистов как людей и граждан останутся, и, что бы ни случилось с хартиями, эти права не могут быть уничтожены до Страшного Суда». Цит. по: *Bancroft S. History of the United States from the Discovery of the American Continent. L., 1861, vol. IV, p. 145—146.* В этом памфлете слова «природа» и «Бог» употреблялись как синонимы. Однако содержание естественных прав раскрывалось главным образом через Локка и то толкование английской конституции, которое дал ей Эдуард Кук. См.: *Wright B. F., Jr. American Interpretations of Natural Law: A Study of History of Political Thought. N. Y., 1962, p. 70.*

⁴¹ См.: *Whipple L. Our Ancient Liberties, p. 38.* Другая известная декларация, принятая в том же году,— «Обращение к жителям Квебека» также была в основном выдержана в традиционном английском ключе, хотя и включала в перечень требуемых прав неизвестную английским декларациям свободу печати. См.: *ibid., p. 39.*

⁴² *Паррингтон В. Указ. соч., с. 409.*

⁴³ См.: *Paine Th. Common Sense.— In: The American Age of Reason. Moscow, 1977, p. 136.*

⁴⁴ *Паррингтон В. Указ. соч., с. 408.*

⁴⁵ Там же, с. 409.

⁴⁶ См.: *Аптекер Г. История американского народа. Американская революция. 1763—1783. М.: Изд-во иностр., лит., 1962, с. 134—136.*

⁴⁷ См.: *Wills G. Inventing America: Jefferson's Declaration of Independence. N. Y., 1979.*

⁴⁸ См.: *Jefferson Th. Writings / Ed. by P. Ford. N. Y., 1899, vol. X, p. 343.* Не случайно сама американская революция рассматривалась во Франции именно как providенциальное подтверждение идей, давно общепризнанных, но изложенных лишь в теоретических трактатах. См.: *Becker C. The Declaration of Independence: A Study in the History of Political Ideas. N. Y., 1942, p. 407.*

⁴⁹ Цит. по: *Rossiter C. Op. cit., p. 352.*

⁵⁰ Текст Декларации прав Виргинии см.: *Colonies to Nation, 1763—1789. A Documentary History of the American Revolution / Ed. by J. P. Greene. N. Y., 1975, p. 332—334.*

⁵¹ Именно ее (а не Декларацию независимости, как было принято считать) К. Маркс назвал «первой декларацией прав человека» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 17.*)

⁵² *Whipple L. Our Ancient Liberties, p. 42.*

⁵³ *Founding Principles of American Government. Two Hundred Years of Democracy on Trial / Ed. by G. J. Graham, S. G. Graham. Bloomington, 1977, p. 175 ff.; Wood G. S. Creation of the American Republic. 1776—1787. N. Y., 1972, p. 271; Fundamental Laws and Constitutions of New Jersey. 1664—1964 / Ed. by J. B. Boyd. Princeton, 1964, p. 27.*

⁵⁴ *Whipple L. Our Ancient Liberties, p. 50.*

⁵⁵ Цит. по: *Rossiter C. Op. cit., p. 378.*

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895, т. 1, с. 594.*

- ⁵⁸ См.: там же, с. 595, 604—611.
- ⁵⁹ См. подробно: *Еллинек Г.* Декларация прав человека и гражданина. М., 1905, с. 12—13.
- ⁶⁰ См.: там же, с. 19—31.
- ⁶¹ См.: *Олар А.* Политическая история французской революции. Пг. 1918, с. 15. Олар приводит в этой связи слова докладчика конституционной комиссии (27 июля 1789 г.) о том, что в проекте декларации прав учредительное собрание следовало в данном случае примеру Америки. «Эта благородная идея, возникшая на другом полушарии,— говорил докладчик,— должна быть перенесена прежде всего к нам. Мы содействовали событиям, вернувшим Северной Америке ее свободу, она указывает нам, на какие основные принципы мы должны опереться для сохранения нашей свободы; этот Новый Свет, куда мы принесли когда-то только окопы, теперь поучает нас, как нам оградить себя от несчастья самим носить их». См.: там же, с. 16.
- ⁶² См.: *Аптекер Г.* История американского народа. Американская революция, с. 162—175; *Он же.* О природе демократии, свободы и революции. М.: Прогресс, 1970, с. 24—25.
- ⁶³ См.: *Levy L.* Jefferson and Civil Liberties. The Darker Side. Cambridge (Mass.), 1963, p. 25—33.
- ⁶⁴ См.: *Паррингтон В.* Указ. соч., с. 352.
- ⁶⁵ См.: *Beard Ch. A.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1913; *Smith J. A.* The Spirit of American Government. N. Y., 1907; *Benson A. L.* Our Dishonest Constitution. N. Y., 1933.
- ⁶⁶ См.: *Jensen M.* The American Revolution Within America. N. Y., 1974, Chs. 3—4.
- ⁶⁷ См.: *Каленский В. Г.* Методологическая несостоятельность экономической интерпретации Конституции США.— В кн.: Методология историко-правовых исследований. М., 1980, с. 99—109.
- ⁶⁸ См.: *Aptheker H.* Early Years of the Republic: From the End of the Revolution to the First Administration of Washington (1783—1793). N. Y., 1976, p. 74.
- ⁶⁹ Ibid., p. 55.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Джефферсон не только был уверен, что «конституция, бесспорно, самая мудрая из всех, когда-либо представленных людям», но и что «пример изменения конституции путем собрания мудрых государственных мужей вместо мобилизации армии будет столь же ценным для мира, как и более ранние примеры, которые мы ему показали». Цит. по: *ibid.*, p. 56.
- ⁷² См.: *The Complete Madison / Ed. by S. Padover.* N. Y., 1953, p. 253—254.
- ⁷³ *The Federalist Papers.* N. Y., 1961, N 84, p. 514.
- ⁷⁴ *The Complete Madison*, p. 254.
- ⁷⁵ Ibid., p. 255.
- ⁷⁶ *The Mind of the Founder: Sources of the Political Thought of James Madison / Ed. by M. Meyers.* Indianapolis, 1973, p. 216.
- ⁷⁷ Ibid., p. 217.
- ⁷⁸ Ibid., p. 218.
- ⁷⁹ Ibid., p. 219—220.
- ⁸⁰ Сенат предложил заявить о естественных правах, от которых народ не может отказаться при заключении общественного договора, о том, что правительство установлено для общественной поль-

зы и что поэтому доктрина несопротивления произволу властей вредна и абсурдна.

- ⁸¹ Об истории принятия федерального Билля о правах подробнее см.: *Rutland R. A. The Birth of the Bill of Rights. 1776—1791.* N. Y., 1962; *Brant I. The Bill of Rights: Its Origin and Meaning.* N. Y., 1965, p. 44—67.
- ⁸² Кук, действительно, отстаивал идею независимости судебной власти и выступал против расширения королевской прерогативы. Тем самым он был одним из основоположников идеи «господства права», справедливого судебного разбирательства. Паунд, однако, преувеличивает либерализм Кука, считая, что «нельзя было найти лучшего борца за свободу, обеспеченную правом» (*Pound R. Op. cit.*, p. 43). Утверждая, что с 1791 г. до второй декады XX столетия американцы всего лишь развивали «применение конституционных гарантий в том виде, как они выросли из средних веков и были изложены Куком в XVII столетии» (*Ibid.*, p. 2), он явно принижает значение конституционного опыта своей собственной страны.
- ⁸³ См.: *Konvitz M. Fundamental Liberties of a Free People.* N. Y., 1957, p. 361.
- ⁸⁴ См.: *McDonald F. We, The People. The Economic Origins of the Constitution.* Chicago, 1958; *The Antifederalists* / Ed. by C. Kenyon. Indianapolis, 1966.
- ⁸⁵ См.: *Swift L. B. Op. cit.*, p. 196; *Rutland R. A. The Ordeal of the Constitution: the Antifederalists and the Ratification Struggle of 1787—1788.* Norman (Okla.), 1966.
- ⁸⁶ Цит. по: *Паррингтон В.* Указ. соч., с. 398.
- ⁸⁷ Там же, с. 399.
- ⁸⁸ Цит. по: *Swift L. B. Op. cit.*, p. 197.
- ⁸⁹ Цит. по: *Swisher C. B. The American Constitutional Development.* Boston, 1943, p. 91.
- ⁹⁰ Сразу же после неудавшегося роялистского переворота был принят закон (18 фруктидора V года — 4 сентября 1797 г.), полностью отменивший действие во Франции конституционных гарантий свободы периодической печати. Был издан приказ об аресте и ссылке сотрудников и типографщиков 31 газеты по обвинению «в заговоре против внутренней и внешней безопасности республики». Вскоре был принят специальный закон, на основании которого ссылке подлежали собственники, издатели и сотрудники еще 42 газет, причем их имущество подлежало временной конфискации. Директория получила также полномочие запрещать всякие иные газеты и проводить обыски. В результате все независимые газеты были запрещены и «сколь угодно серьезная политическая оппозиция путем печатного слова стала невозможной» (*Олар А.* Указ. соч., с. 419—420, 436).
- ⁹¹ См.: *Олар А.* Указ. соч., с. 472.
- ⁹² Sedition Act, 1798.
- ⁹³ Political and Civil Rights in the United States: A Collection of Legal and Related Materials / Ed. by Th. I. Emerson, D. Haber. Buffalo, N. Y., 1958, p. 276—277; *Documentary Source Book of American History*, p. 266.
- ⁹⁴ Alien Act, 1798.
- ⁹⁵ *Documentary Source Book of American History*, p. 261—263.
- ⁹⁶ См.: *Smith J. M. Freedom's Fetters. The Alien and Sedition Laws and Civil Liberties.* N. Y., 1956, p. 10—12, 94—105, 176—177.

- ⁹⁷ Pennsylvania and the Federal Constitution 1787—1788 / Ed. by J. McMaster, F. Stone. Philadelphia, 1888, p. 308—309.
- ⁹⁸ *Respublica v. Oswald*, 1788.
- ⁹⁹ Освальд сначала был осужден за клевету против частного лица. Несогласный с решением суда, он выступил в печати с критикой судей, с обвинением их в предвзятости. Результатом и явилось решение Маккина, осудившего Освальда за неуважение к суду (*Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 140).
- ¹⁰⁰ См.: *ibid.*, p. 141—142.
- ¹⁰¹ *Ibid.*, p. 149.
- ¹⁰² *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 149, 153.
- ¹⁰³ *The Papers of Thomas Jefferson* / Ed. by J. Boyd, Princeton, 1952, vol. VI, p. 304.
- ¹⁰⁴ *Ibid.*, vol. XIII, p. 442.
- ¹⁰⁵ *Ibid.*, vol. XV, p. 367.
- ¹⁰⁶ *Documentary Source Book of American History*, p. 266.
- ¹⁰⁷ *Levy L. Jefferson and Civil Liberties. The Darker Side*, p. 5.
- ¹⁰⁸ Цит. по: *Berns W. Freedom of the Press and the Alien and Sedition Laws: a Reappraisal.*— *Supreme Court Review*, Chicago, 1970, p. 122.
- ¹⁰⁹ *Kentucky Resolutions. 1789, Nov. 16.*— *Documentary Source Book of American History*, p. 268—271. Джефферсон скрывал свое авторство по тактическим соображениям, ибо в то время был вице-президентом США.
- ¹¹⁰ *Jefferson Th. 1789 Resolutions Relative to the Alien and Sedition Laws* (draft of so called famous Kentucky Resolutions).— *Thomas Jefferson and American Democracy* / Ed. and with an introduction by H. C. Dethloff. Lexington, 1971, p. 24.
- ¹¹¹ Цит. по: *Berns W. Op. cit.*, p. 135.
- ¹¹² *Ibid.*, p. 132.
- ¹¹³ *Ibid.*
- ¹¹⁴ См.: *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 172—176.
- ¹¹⁵ *Ibid.*, p. 177.
- ¹¹⁶ См.: *ibid.*, p. 179.
- ¹¹⁷ См.: *Levy L. Freedom of Speech and Press in Early American History: Legacy of Suppression.* N. Y., 1963, p. 259.
- ¹¹⁸ *Virginia Resolutions. 1798, Dec. 24.*— *Documentary Source Book of American History*, p. 274—276.
- ¹¹⁹ *Madison's Report on the Virginia Resolutions, endorsed in January 1800.*— *The Mind of the Founder*, p. 329.
- ¹²⁰ *Ibid.*, p. 337—345.
- ¹²¹ *Fox's Libel Act of 1792.*
- ¹²² Цит. по: *Levy L. Legacy of Suppression. Freedom of the Press in Early American History.* Cambr. (Mass.), 1960, p. 256.
- ¹²³ *The Miscellaneous Works and Remains of the Reverend Robert Hall* / Ed. by John Foster. L., 1846, p. 172.
- ¹²⁴ Цит. по: *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. LXIII.
- ¹²⁵ *Whipple L. The Story of Civil Liberty in the U. S.*, p. 31.
- ¹²⁶ *Hay G. An Essay on the Liberty of the Press.* Phil., 1799.
- ¹²⁷ *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 191.

- ¹²⁸ *Wortman T. A Treatise Concerning Political Enquiry, and the Liberty of the Press.* N. Y., 1800.
- ¹²⁹ *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 231.
- ¹³⁰ *Ibid.*, p. 232.
- ¹³¹ *Ibid.*, p. 237.
- ¹³² *Ibid.*, p. 242.
- ¹³³ *Ibid.*, p. 243.
- ¹³⁴ *Ibid.*, p. 277—278.
- ¹³⁵ *Thomson J. An Enquiry, Concerning the Liberty, and Licentiousness of the Press, and the Uncontroulable Nature of the Human Mind.* N. Y., 1801.
- ¹³⁶ *The Writings of Thomas Jefferson* / Ed. by P. Ford. N. Y., 1899, vol. VIII, p. 2.
- ¹³⁷ См.: *ibid.*, p. 42.
- ¹³⁸ *Ibid.*, vol. VIII, p. 139.
- ¹³⁹ *The Writings of Thomas Jefferson* / Ed. by A. Lipscomb, A. Bergh. Washington, D. C., 1905, vol. X, p. 357.
- ¹⁴⁰ *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 360—361.
- ¹⁴¹ См.: *The Writings of Thomas Jefferson* / Ed. by P. Ford, vol. VIII, p. 218—219.
- ¹⁴² *Ibid.*, p. 310. На этот исторический факт обратил внимание Г. Аптекер. См.: О природе демократии, свободы и революции, с. 26.
- ¹⁴³ См.: *Pancake J. S. Thomas Jefferson and Alexander Hamilton.* N. Y., 1974, p. 252.
- ¹⁴⁴ Цит. по: *Freedom of the Press from Zenger to Jefferson* / Ed. by L. Levy, p. 385—386.
- ¹⁴⁵ К числу таких прецедентов относится решение по делу Дени, вынесенное в Пенсильвании в 1805 г. и признавшее недопустимым отождествление критики формы правления с подстрекательством к мятежу. Суд подтвердил право каждого гражданина свободно обсуждать политические проблемы и критиковать существующий строй и правительство. Причем судья подчеркнул, что именно присяжные уполномочены решать вопрос о намерениях и характере публикации, склоняясь в пользу обвиняемого в сомнительных случаях (*Respublica v. Dennie*, 1805).
- ¹⁴⁶ *Commonwealth v. Clapp*, 1807.
- ¹⁴⁷ *U. S. v. Hudson and Goodwin*, 1812.
- ¹⁴⁸ *Whipple L. The Story of Civil Liberty in the U. S.*, N. Y., 1927, p. 50.
- ¹⁴⁹ *Eaton C. The Freedom-of-thought Struggle in the Old South.* N. Y., 1964, p. 199. В 1836 г. в Виргинии был принят закон, обязавший почтмейстеров уведомлять мировых судей о всех фактах получения печатных материалов, «отрицающих за хозяевами право собственности на своих рабов и убеждающих в необходимости сопротивления такому праву». Мировые же судьи были уполномочены не только сжигать эти материалы, но и подвергать аресту их адресатов, если последние подписались на ту или иную книгу или брошюру с намерением оказать помощь абolicционистам или их обществам (см.: *Freedom of the Press from Hamilton to the Warren Court* / Ed. by H. L. Nelson, Indianapolis, 1967, p. 175—177).

Во всех южных штатах началось движение за установление «санитарного кордона» против «проникновения поджигательской

пропаганды», причем власти этих штатов постоянно оказывали давление на президента и федеральный конгресс с целью узаконить почтовую цензуру в национальном масштабе. В декабре 1835 г. президент Э. Джексон высказался в пользу закона о почтовой цензуре с намерением пресечь поступление в южные штаты публикаций, «подстрекающих рабов к мятежу». Был создан специальный комитет под председательством сенатора Дж. Кальхуна, подготовивший в июне 1836 г. соответствующий законопроект. Этот законопроект, правда, был отвергнут конгрессом, и 2 июля в подтверждение гарантий доставки почты аболиционистов конгресс принял закон, запретивший задержание почтовыми отделениями любой корреспонденции, включая брошюры и газеты. Однако этому федеральному закону никто не подчинялся, и вплоть до гражданской войны он не имел юридической силы. Более того, федеральный департамент почт нередко попустительствовал его нарушениям и даже содействовал им.

В южных штатах также действовали законы, запрещающие издание аболиционистской литературы. Правда, по свидетельству американского историка Р. Ная, «толкование судами этих законов было повсеместно сдержанным, а уголовные преследования издателей-южан относительно редким явлением». К тому же «издатели-южане большей частью принимали ограничения свободы печати и приветствовали их, а вместо протестов занимались выявлением противников рабства и стремились вызвать к ним враждебные настроения» (*Nye R. B. Fettered Freedom. Civil Liberties and Slavery Controversy. 1830—1860. Ann Arbor, Michigan, 1963, p. 155—157*).

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Ibid., p. 192.

¹⁵² *Hirschfield R. Constitution and the Court. The Development of the Basic Law Through Judicial Interpretation. N. Y., 1962, p. 135.*

Эти меры привели к острым коллизиям между военными и гражданскими властями, а также вызвали резкую критику в адрес самого президента Линкольна. Наиболее широкую известность получил конфликт между генералом Джорджем Кэдваладером и федеральным судьей Роджером Б. Тэнеем в связи с арестом военными властями 25 мая 1861 г. в графстве Балтимор (Мэриленд) Джона Мерримэна, одного из известных лидеров сепаратистов. Федеральный суд посчитал этот арест незаконным, поскольку военный офицер не вправе арестовывать или задерживать гражданское лицо за нарушение гражданских законов США. Подчеркнув, что такое право принадлежит исключительно гражданским судам, судья Тэней подверг критике также действия самого президента. Сославшись на то, что по законам Англии лишь парламент вправе приостанавливать действие гарантии «хабеас корпус» и что в США положение о приостановке «хабеас корпус» содержится в ст. I федеральной конституции, предусматривающей полномочия законодательной, а не исполнительной власти, и что такие выдающиеся комментаторы американской конституции, как Маршалл и Стори признавали право приостановки «хабеас корпус» только за конгрессом, судья Тэней высказал убеждение, что президент Линкольн нарушил конституцию, явно превысив свои полномочия. В этой связи Тэней потребовал немедленного освобождения Мерримэна, издав приказ «хабеас корпус». Однако генерал не подчинился этому приказу,

а попытка Тэнея привлечь его к ответственности за неуважение к суду не увенчалась успехом.

Но постановление судьи Тэнея получило поддержку в ряде штатов, недовольных мероприятиями Линкольна. Так, законодательное собрание Висконсина официально одобрило это постановление, а Делавэр принял специальный закон, запрещающий произвольные аресты, хотя губернатор этого штата отказался признать за ним юридическую силу. Причем обращалось внимание на тот факт, что действие гарантии «хабеас корпус» было приостановлено в районах, где гражданские суды функционировали нормально и не было непосредственной опасности мятежа или вторжения неприятеля. Раздавались также отдельные голоса против «узурпации» президентом полномочий конгресса.

¹⁵³ См.: *Randall J. C. Constitutional Problems under Lincoln*. Urbana (Ill.), 1951, p. 481—520.

¹⁵⁴ Такие граждане поступали в распоряжение министра обороны для работы в госпиталях и с бывшими рабами. Однако за 300 долл. они могли получить освобождение и от этой службы.

¹⁵⁵ Цит. по: *Hirschfield R.* Op. cit., p. 62.

¹⁵⁶ *Ibid.*, p. 209.

¹⁵⁷ *Barron v. Baltimore*, 1833.

¹⁵⁸ Цит. по: *Abraham H. J. Freedom and the Court. Civil Rights and Liberties in the United States*. N. Y., 1972, p. 30—31.

¹⁵⁹ Цит. по: *ibid.*, p. 40—41.

¹⁶⁰ К такому выводу пришли ряд видных американских исследователей (см., например: *Flack H. The Adoption of the 14th Amendment*. Baltimore, 1908, p. 94; *James J. B. The Framing of the 14th Amendment*. Urbana (Ill.), 1956, p. 85, 130 ff.; *Kelly A. H., Harbison W. A. The American Constitution: Its Origin and Development*. N. Y., 1970, p. 463), а также члены Верховного суда Джон Маршалл Харлан (1833—1911) и Хьюго Лафайет Блэк (1886—1971).

¹⁶¹ У некоторых исследователей это вызвало серьезные сомнения в том, что 39-й конгресс действительно хотел отменить прецедент Баррона и распространить ограничения власти, содержащиеся в федеральном Билле о правах, на правительства штатов. Такой скептицизм проявлял и верховный судья Феликс Франкфуртер. См.: *Abraham H.* Op. cit., p. 35—36, 38—39, 41.

¹⁶² *The Slaughterhouse Cases of 1873.*

¹⁶³ *Burgess J. W. Political Science and Comparative Constitutional Law*. Boston, 1890, vol. 1, p. 3.

¹⁶⁴ К другим реформам этого периода относятся XV поправка к конституции и специальный закон 1870 г., направленные на защиту избирательных прав негров, закон 1871 г. по борьбе с террористическими организациями (типа ку-клукс-клана) и лицами, противившимися осуществлению гражданских прав, и закон 1875 г., закрепивший (формально юридически) за всеми гражданами право на «свободное и равное» пользование общественным транспортом, гостиницами, театрами и другими местами общественного пользования. Эти законы были мерами, направленными на реализацию провозглашенного расового равенства, а также на пресечение тех бесчинств, которые чинили расисты над неграми в некоторых южных штатах (например, в Луизиане, где в 1868 г. было убито и ранено около 2 тыс. цветных граждан). О фактах ку-клукс-клановского террора см.: *Лисневский Э. В.* Клановское движение в США в период реконструкции Юга в 1865—1877 гг. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977, с. 103, 107—110.

Ослабление конституционных гарантий свободы пропаганды и агитации в период между двумя мировыми войнами

1. Нарушения гражданских свобод после завершения периода реконструкции

После завершения периода реконструкции отличительной чертой общественной жизни США стало резкое обострение противоречий между трудом и капиталом, сопровождавшееся массовыми нарушениями гражданских свобод. В борьбе с рабочими монополии применяли все средства — от судебных запретов и разгона демонстраций до незаконных арестов, избиений участников забастовок и использования против них платных шпионов и провокаторов. При этом с начала 900-х годов широкое распространение получила система частного сыска и полиции, известная под названием пинкертоновщины.

В эти годы реакция уделяла особое внимание борьбе с радикальной социалистической идеологией. Принятый еще в 1873 г. закон о цензуре над непристойными публикациями (так называемый закон Комстока) стал применяться против радикальной, атеистической и всякой иной неортодоксальной печати. По этому закону подверглись уголовному преследованию 3648 человек, из которых 2682 были признаны виновными и приговорены к разным мерам наказания. Распространена была также антиконституционная санкционированная местными властями практика полицейских рейдов на газетные издательства и временного закрытия газет. После же убийства в 1901 г. президента Маккинли был принят не только иммиграционный закон (1903 г.), закрывший анархистам въезд в страну и предусматривавший их высылку за пределы США, но почти повсеместно были запре-

щены также публикации анархистской доктрины. Так, в 1902 г. в штате Нью-Йорк был издан закон о «преступной анархии», послуживший образцом для многочисленных аналогичных законов, принятых во время и вскоре после окончания первой мировой войны более чем в 30 штатах (см. ниже)¹. Статья 468 этого закона определяла «преступную анархию» как доктрину, пропагандирующую насильственное свержение законного правительства, убийство главы исполнительной власти и иных должностных лиц. Пункт «б» указанной статьи предусматривал тюремное заключение до десяти лет и штраф до 5 тыс. долл. тому, кто «устным словом либо в письменной форме занимается пропагандой преступной анархии... печатает, издает, редактирует, распространяет... или публично рекламирует любую книгу, газету, документ или иной письменный либо печатный материал»², содержащий анархистские идеи. Пункт «д» той же статьи закона запретил собрания анархистов.

С 90-х годов возобновилось уголовное преследование за публикацию «пасквилей». К 1900 г. в верховных судах штатов было рассмотрено свыше 100 таких дел, а одно из них в 1907 г. поступило на рассмотрение Верховного суда США³. Обжалование издателем «Денвер таймс» и «Рокки маунтин ньюз» Томасом Е. Паттерсоном решения суда низшей инстанции, по которому он был признан виновным в неуважении к суду и присужден к уплате большого штрафа за публикацию статьи, содержавшей критику членов верховного суда штата Колорадо, не дало положительного результата: апелляция была отклонена большинством в семь голосов против двух. При этом, формулируя мнение большинства, главный судья Оливер Уэнделл Холмс заявил, что гарантии XIV поправки не распространяются на свободу слова и печати и поэтому якобы ограничение этой свободы властями штатов не противоречит Конституции США.

В 1910 г. были обвинены в публикации «мятежного пасквиля» издатели пенсильванской газеты «Нью-Касл фри пресс», а президент Теодор Рузвельт в 1908—1909 гг. пытался привлечь к уголовной ответственности за пасквиль нью-йоркскую «Уорлд» и индианопольскую «Ньюз»⁴.

С 80-х годов участились также случаи нарушений традиционной академической свободы. Так, в 1884 г.

профессор естественных наук из Южной Каролины Джеймс Вудро был вынужден оставить кафедру за преподавание дарвиновской теории эволюции. В 90-е годы случаи увольнения профессоров участились, особенно на факультетах государственного управления и экономики. Это было реакцией крупного бизнеса на те разоблачения, которые несла новая общественная наука, ориентированная на эмпирические исследования. Однако далеко не все университеты уступали давлению монополий и властей. Так, в 1894 г. регентский совет университета штата Висконсин в ответ на требование суперинтенданта системы просвещения штата уволить профессора Ричарда Т. Элли за его якобы еретические сочинения в защиту профсоюзного движения принял резолюцию, получившую известность хартии академической свободы в Америке. В этой резолюции утверждалась социальная ценность научных исследований общественных явлений и процессов в целях поиска истины и путей преодоления социальной несправедливости. Поэтому, подчеркивалось в ней, академические исследования во всех своих аспектах должны быть абсолютно свободными и долг университета Висконсина всячески содействовать этой свободе⁵. В 1905 г. была также образована Лига свободного слова — первая общественная организация США, выступившая в защиту конституционной свободы слова и печати. За ней последовало образование ряда других общественных организаций, активно вступивших в борьбу с реакцией, наступление которой на радикальную оппозицию приняло к концу первой мировой войны угрожающий характер.

2. Первая мировая война и подавление гражданских свобод пацифистов и противников империалистической внешней политики

Вступление США в первую мировую войну и усиление настроений в пользу консолидации «военных усилий» страны, дополненные ксенофобией и страхом перед возможностью радикальных социально-экономических перемен, породили чрезвычайное законодательство, неизвестное в этой стране со времен законов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу 1798 г. Предприня-

тая же федеральным правительством кампания по подавлению несогласных и активных критиков внешней политики не имела себе равных в политической истории США как по масштабу, так и по суровости применяемых санкций.

Первой из этих мер был Закон о шпионаже 1917 г.⁶, запретивший (ст. 3) всякие сознательные действия, совершаемые с целью затруднить успешное ведение войны (в частности, дезинформацию о военных операциях), попытки вызвать неповиновение, мятежные и нелояльные настроения или отказ от службы в вооруженных силах, а также создание препятствий рекрутированию и набору на военную службу. За совершение любого из этих запрещенных действий предусматривалось суровое наказание — штраф до 10 тыс. долл. или тюремное заключение до 20 лет, либо и то и другое⁷.

Поправка к этому закону — Закон о подстрекательстве к мятежу (1918 г.)⁸ — носила еще более репрессивный характер. Она была принята под давлением западных сенаторов и составлена по образцу реакционного закона штата Монтана, направленного против организации «Индустриальные рабочие мира». Закон о подстрекательстве к мятежу 1918 г. объявил преступлением создание препятствий продаже военных облигаций и призывы к сокращению военного производства, а также всякие устные, письменные и печатные высказывания нелояльного или непочтительного содержания, сделанные с намерением вызвать неуважение к форме правления Соединенных Штатов, их конституции, флагу или военной форме. Кроме того, он запретил пропаганду подобных действий, а также любое выражение (словом или действием) поддержки или сочувствия делу противника⁹. Этот закон вышел далеко за пределы того проекта поправки к закону о шпионаже, который был предложен конгрессу министром юстиции, и «как по своим формулировкам, так и по репрессивному воздействию на индивидуальные гражданские свободы был самой суровой мерой в американской истории»¹⁰, превзойдя в этом отношении закон о подстрекательстве к мятежу 1798 г. Кроме того, в том же, 1918 г. был принят Закон об иностранцах¹¹, предусматривавший депортацию анархистов и всех тех проживающих в США иностранных граждан, которые занимаются пропагандой насильственного свержения правительства, убийства

должностных лиц государства, незаконного уничтожения имущества, не верят в необходимость организованного правления или противятся ему, а также состоят членами любой организации, пропагандирующей или проповедующей насильственное свержение правительства, либо связаны с такой организацией¹². В дополнение к этим федеральным законам и под давлением реакционных сил во время войны в ряде штатов были приняты свои законы, ограничившие свободу слова и политической пропаганды. При этом предусмотренные ими ограничения нередко носили еще более суровый характер.

Практика применения рассматриваемого законодательства исключала всякие сомнения относительно подлинных его целей. На основании Закона о шпионаже министерство юстиции возбудило уголовное преследование 2 тыс. человек, 900 из которых были осуждены за выражение мнений о характере и способе ведения войны. Радикалы-иностранцы, члены союза «Индустриальные рабочие мира», лидеры социалистической партии, включая Юджина В. Дебса, анархисты и активные пацифисты оказались осужденными на основании этих федеральных законов и законов штатов, преследовавших аналогичные цели¹³. Кроме того, в отношении 100 газет была установлена почтовая цензура¹⁴.

Шесть дел, связанных с осуждением по этим законам, поступили в Верховный суд США вскоре после окончания первой мировой войны — три весной 1919 г. и три зимой 1919—1920 гг. И решение по первому же из них (дело Шенка против США)¹⁵ санкционировало уголовные преследования социалистов и пацифистов, занимавшихся активной антивоенной пропагандой.

Чарльз Шенк, генеральный секретарь социалистической партии, и Элизабет Баер, член исполнительного комитета той же партии, были обвинены в совершении трех преступлений по Закону о шпионаже 1917 г. Основное обвинение состояло в том, что они призывали к неповиновению в вооруженных силах США, а также чинили препятствия деятельности комиссий по воинскому призыву. Конкретно же их преступление определялось как «заговор», выразившийся в печатании и рассылке призывникам листовки с целью побудить их к неповиновению Закону о воинской повинности в то время, когда США находились в состоянии войны с Германией.

На первой странице разосланной ими листовки вос-

производился текст 1-й части XIII поправки к конституции и высказывалась идея, что положения этой поправки нарушались Законом о воинской повинности, что призывник немногим лучше каторжника и что воинская повинность — «деспотизм в его худшей форме, чудовищная нечеловеческая несправедливость в интересах горстки избранных Уолл Стрита»¹⁶. В ней говорилось: «Не подчиняйтесь запугиванию», однако никаких призывов к конкретным действиям неповиновения (уклонению от регистрации, дезертирству и др.) не было. В качестве же меры борьбы предлагалось обращаться с петициями об отмене Закона о воинской повинности.

На другой стороне листовки, озаглавленной «Отстаивайте свои права», излагались соображения о том, что отказ признать право на оппозицию воинской повинности был бы нарушением конституции, а неиспользование этого права означало бы игнорирование гражданского долга, сотрудничество с теми, кто нарушает конституционные свободы граждан. В листовке говорилось о несостоятельности аргументов тех, кому выгоден Закон о воинской повинности, а также о том, что политики, заинтересованные в этом законе, не имеют права посылать американцев за океан убивать граждан других национальностей. Заканчивалась же листовка призывом «оказать помощь народу своей страны в отстаивании и сохранении конституционных прав»¹⁷.

Главный судья Оливер Уэнделл Холмс, сформулировавший решение по делу Шенка и подробно изложивший текст этой листовки, признал, что содержащееся в ней обращение к призывникам осуждало Закон о воинской повинности с точки зрения юридической, политической и морально-этической, что осуждение это было высказано в спокойных выражениях, а в качестве меры борьбы предлагалось лишь использование петиций с требованием отмены этого закона. Поэтому сами по себе высказывания в листовке Шенка представлялись Холмсу не противоречащими принципу свободы слова и печати, закрепленному в I поправке к конституции. Холмс, однако, поддержал решение суда низшей инстанции, осудившего Шенка и Баер на основании Закона о шпионаже, и сформулировал принцип, получивший в последующем известность «доктрины явной и реально существующей опасности» (clear and present danger rule).

Обосновывая свое решение, Холмс признал, что «во многих местах обвиняемые, говоря в обычное время то, что содержится в листовке, действовали бы в рамках своих конституционных прав. Однако характер каждого действия зависит от обстоятельств, при которых оно совершается. Самая строгая защита свободы высказываний не оправдала бы человека, кричащего в театре «пожар» с целью вызвать панику. Она не защищает человека даже в том случае, если он произносит слова, которые по своим последствиям будут иметь эффект силы. Проблема каждый раз состоит в том, сказаны ли эти слова при таких обстоятельствах и носят ли они такой характер, что создают явную и реально существующую опасность, которую конгресс вправе предотвратить. Это вопрос близости опасности и ее степени»¹⁸. «Когда нация находится в состоянии войны,— продолжал Холмс,— многое из того, что правомерно говорить в мирное время, становится настолько серьезной помехой ее военным усилиям, что такие высказывания не могут быть допущены, пока идут военные действия, и никакой суд не вправе рассматривать их как действия, пользующиеся защитой конституции. Очевидно, надо признать, что если будет доказана фактическая помеха деятельности службы призыва, то ответственность за слова, вызвавшие этот эффект, должна быть возложена на того, кто их высказал. Параграф 4 закона 1917 г. наказывает заговор с целью вызвать помеху, равно как и саму помеху. Если действие (устное высказывание или распространение печатного текста), его фактическая направленность и намерение, с которым оно совершается, совпадают, мы не видим никаких оснований утверждать, что лишь успех действия делает его преступлением»¹⁹.

Оказала ли листовка фактическое влияние на призывников, затруднила ли она в действительности осуществление воинского призыва — все это не имело значения для Холмса. Главное — те реальные отрицательные последствия, которых можно было ожидать от действий Шенка и Баер в данных обстоятельствах военного времени. При этом под незаконным «действием» он понимал политические высказывания, вполне правомерные в условиях мирного времени.

В основе этих рассуждений Холмса лежит его концепция уголовной ответственности, изложенная во второй лекции курса «общего права», прочитанного им

в институте Ловелла в Бостоне и опубликованного в 1881 г.²⁰ Согласно Холмсу, одно намерение еще не есть преступление, поскольку «закон имеет дело лишь с поведением». «Попытка», однако, является поведением, «открытым действием»²¹ (overt act). Поэтому, если совершено действие, естественным и вероятным результатом которого при данных обстоятельствах будет совершение преступления, уголовный закон не может его не наказывать. Причем о действиях следует судить по их тенденции при известных обстоятельствах, а не по действительному намерению, с которым они совершаются: учет намерения в таком случае заключается не в том, чтобы показать злоумышленность действия, а лишь в доказательстве того, что существует вероятность вредных последствий. Близость опасности, степень ожидаемого вреда должны быть положены и в основу государственной политики, в частности законодательной деятельности.

Эти общетеоретические рассуждения Холмса имели для своего времени прогрессивное значение, так как отражали либеральный подход к политике в области уголовного законодательства, ориентировали на реалистическое понимание проблемы состава преступления и оснований уголовного преследования. Однако в них было немало спорных мест и откровенных уступок сторонникам «жесткого подхода» к преступникам. Применение же Холмсом этих рассуждений к обоснованию решения по делу Шенка и Баер не выдерживает никакой критики, ибо здесь отсутствует важнейший элемент доктрины, а именно требование тщательной всесторонней оценки обстоятельств для определения реальной близости и серьезности опасности.

Ни Холмс, ни его коллеги не потрудились разобраться в вопросе о том, представляло ли «явную опасность» для страны распространение антивоенной листовки, осуждающей систему воинской повинности. От социолога, реалиста и либерала, каким считал себя и, хотя бы отчасти, несомненно, был Холмс, следовало также ожидать более трезвой оценки влияния первой мировой войны на состояние национальной безопасности США, не говоря уже об империалистических целях участия Америки в этой войне. Между тем несправедливый характер войны, очевидная неоправданность участия в ней США с точки зрения объективных национальных интересов и были основной причиной антивоенной агитации и пропа-

ганды, которую вели Шенк и его партия. Кроме того, Закон о шпионаже 1917 г. содержал явно антиконституционные положения, ограничивающие свободу политических высказываний. Однако послевоенные настроения в США были далеко не в пользу либерального подхода к данной проблеме, и Холмс не был склонен идти против течения, о чем свидетельствуют два последующих решения Верховного суда (по делу Фроверка, а затем Ю. Дебса).

Всего лишь через неделю после дела Шенка Верховный суд, мнение которого сформулировал Холмс, снова единогласно подтвердил приговор по Закону о шпионаже²². Фроверк был обвинен в заговоре, направленном на подстрекательство к мятежу и отказу от службы в армии. Основанием для этого обвинения послужила публикация 12 статей в одной из газет, издававшихся на немецком языке в штате Миссури. В этих статьях посылка войск во Францию называлась ошибкой, утверждалось, что участие Америки в войне отвечает лишь интересам Уолл Стрита, что Германия непобедима, а Америка идет на поводу у Англии. К оценке обстоятельств дела Фроверка Холмс, на первый взгляд, подошел с более объективных позиций, чем в деле Шенка. Так, опасность публикаций статей Фроверка Холмс не связывал только с обстоятельствами военного времени. Более того, он допустил правомерность содержащихся в публикациях высказываний даже в условиях военного времени. «Мы не теряем нашего права обсуждать правительственные мероприятия... лишь по причине, что страна находится в состоянии войны», — подчеркнул он²³. Однако Фроверка необходимо осудить потому, что газета распространялась в таком районе, «где малейшего дыхания достаточно, чтобы разжечь пламя»²⁴, что факт этот был известен распространителю газеты и что именно на него он и рассчитывал. Однако детального разбора реальной опасности ситуации, конкретных возможных последствий публикаций так и не последовало.

В тот же день Верховный суд единогласно, к тому же снова в виде постановления, сформулированного Холмсом, утвердил приговор Юджину В. Дебсу²⁵. Дебс, социалист и пацифист, произнес речь, главной темой которой были рост социализма и предвидение его окончательного успеха. В этой части речь Дебса, по признанию

Холмса, не носила незаконного характера. Но хотя в ней и не было прямых призывов к неповиновению Закону о шпионаже 1917 г., однако якобы все-таки содержались высказывания, сделанные с целью затруднить работу органов воинского набора и призыва, что запрещено этим законом.

Если бы, сказал Холмс, речь шла только о высказывании пацифистской доктрины, действия Дебса были бы ненаказуемы. Но в данном случае, подчеркнул он, имела место открытая оппозиция конкретной войне, и слова, осуждающие ее, могли иметь своим последствием отказ от сотрудничества с органами воинского призыва. При этом, однако, Холмс даже не упомянул о «явной и реально существующей опасности», говоря лишь о «естественной тенденции и последующем возможном эффекте»²⁶ высказываний Дебса.

Таким образом, во всех трех решениях — Шенка, Фроверка и Дебса — Холмс не только не сформулировал четких правовых принципов применения доктрины «явной и реально существующей опасности» к делам о свободе слова и печати, но откровенно попустительствовал консервативным настроениям своих коллег, отказав пацифистам, социалистам и другим критикам войны в свободе политических высказываний. Вскоре, однако, Холмс почувствовал необходимость как-то отмежеваться от других членов Верховного суда и проявить более либеральное отношение к свободе антивоенной пропаганды, придав своей доктрине качество конституционного принципа. Это произошло через восемь месяцев после решения по делу Дебса, когда суд принял к рассмотрению дело Эйбрамса²⁷.

Джейкоб Эйбрамс и четыре других лица были признаны виновными в «заговоре» по Закону о шпионаже 1917 г. Обвиняемые напечатали 5 тыс. экз. двух листовок и распространили их в Нью-Йорке. Одна из них под заголовком «Лицемерие Соединенных Штатов и их союзников» осуждала правительство за посылку американских войск в Россию и разоблачала «лицемерие шайки плутократов в Вашингтоне». Листовка заканчивалась словами поддержки революции в России, убеждением в том, что именно капитализм является врагом рабочих всего мира. Поэтому, говорилось в ней, воевать с пролетарской республикой было бы преступлением со стороны рабочих Америки, Германии, Японии и других

стран. Призывая рабочих всего мира «пробудиться ото сна»²⁸, авторы листовки подчеркивали абсурдность обвинения их в прогерманских настроениях, поскольку им ненавистен германский империализм и у них больше оснований обвинять его, чем у трусливого лицемера президента Вильсона.

Вторая листовка, написанная на идише, также осуждала Соединенные Штаты и их союзников за посылку войск в Россию. В ней говорилось: «Деньги американских рабочих идут на пули не только против немцев, но и против рабочих Советов России». Листовка призвала иммигрантов из России не помогать подавлению русской революции и провести всеобщую забастовку, чтобы правительство США знало: «Не только русские рабочие борются за свободу, но и в Америке жив дух революции». Заканчивалась же она словами, что «рука революции не дрогнет в борьбе» и «горе тем, кто окажется на пути прогресса»²⁹.

Как и в предыдущих делах, Верховный суд утвердил приговор Эйбрамсу и его четырем товарищам, определив их действия как направленные на подрыв военных планов США, ибо их целью было парализовать страну всеобщей забастовкой. Хотя не было никаких доказательств действительного влияния листовок на кого-либо или даже, что они попали в руки рабочих оборонной промышленности, суд нашел, что эффект мог быть именно таким. Более того, верховные судьи усматривали в листовках Эйбрамса подстрекательство к беспорядкам, мятежу и революции. В решении даже не упоминалось о доктрине «явной и реально существующей опасности», а были лишь отсылки к прецедентам Шенка и Фроверка. Причем если Шенк и Дебс были осуждены на десять лет тюремного заключения, а президент Вильсон смягчил наказание Шенку до одного года, то Эйбрамс и его товарищи были осуждены на 20-летний срок. Однако на этот раз решение Верховного суда не было единогласным. С ним не согласился Холмс, к которому присоединился Луис Брандейз. Это был первый случай, когда концепция «явной и реально существующей опасности» была использована ее создателем в интересах защиты свободы слова и печати.

По мнению Холмса, в намерение Эйбрамса и других осужденных не входило нарушение специфических положений закона о шпионаже. Их намерением было не до-

пустить вмешательства в русскую революцию, а не создавать какие-либо помехи военным усилиям США. Об этом свидетельствует само содержание листовок. Формулируя же свое понимание пределов конституционной гарантии свободы слова, Холмс отметил, что ограничение ее допустимо лишь в том случае, если высказывания создают явную и реальную опасность или если они делаются с таким намерением. Ни того, ни другого в листовках Эйбрамса и его товарищей Холмс не обнаружил. При этом он специально подчеркнул, что и в условиях войны принцип свободы слова неизменен и «лишь реальная опасность непосредственного причинения вреда или намерение причинить такой вред дают основания конгрессу устанавливать пределы выражения мнений», причем конгресс «не вправе запретить стремление изменить общественное сознание в стране».

Что же касается рассматриваемого дела, то, по мнению Холмса, это тот случай, когда «людей осудили на 20 лет тюрьмы за распространение двух листовок, публикация которых была таким же конституционным правом обвиняемых, каким является право правительства США публиковать свою конституцию»³⁰. И в заключение Холмс произнес фразу, которую американские авторы часто цитируют как образец либерального понимания свободы слова и печати. «Когда люди поняли,— сказал он,— что время опровергло правильность многих мировоззрений и убеждений, они пришли к выводу..., что конечные желаемые цели добра достигаются свободным обменом идей, а именно, что наилучшее испытание истинности суждения — его признание в ходе открытой конкуренции идей и что истина — единственно надежная основа осуществления желаний. Такова по крайней мере теория нашей конституции. Это эксперимент, как и сама жизнь... И пока этот эксперимент — часть нашей системы, я думаю, мы должны быть постоянно бдительными к попыткам ограничить выражение ненавистных нам мнений... Эти мнения можно выражать до тех пор, пока они не станут настолько непосредственно угрожать законным и настоятельно необходимым целям права, что потребуются их срочное ограничение для спасения страны... Только чрезвычайные обстоятельства... могут служить основанием для отмены настоятельного требования, что конгресс не должен принимать законов, ограничивающих свободу слова»³¹.

Эта заключительная часть особого мнения Холмса — первая попытка сформулировать критерий «явной и реально существующей опасности» в форме теоретического принципа, конкретно ориентированного на рассмотрение дел о свободе слова и печати. И многие буржуазные авторы оценивают именно приведенные высказывания как «самую яркую защиту свободы слова и мысли»³², как «самую красноречивую и трогательную защиту свободы слова со времен „Ареопагетики“ Милтона»³³. Холмс, однако, был далек от принципиальной позиции защиты свободы пропаганды радикальных политических взглядов. Он, правда, присоединился к особому мнению Брандейза, высказавшегося против консервативного большинства Верховного суда по делам Шефера и Пирса, осужденных в 1920 г. по Закону о шпионаже. Но уже в решении по делу Джилберта в том же, 1920 г. Холмс поддержал вынесенный по закону штата Миннесота приговор, запрещающий пропаганду несотрудничества с комиссиями по вербовке военнослужащих.

В своем особом мнении Брандейз совершенно справедливо отметил, что закон Миннесоты еще более сурово ограничивал конституционную свободу слова, чем федеральный Закон о шпионаже 1917 г., поскольку распространялся также и на высказывания, сделанные в мирное время. Этот закон, сказал Брандейз, «ограничивает свободу слова и печати не в условиях чрезвычайного положения, не в целях предотвращения явной и реально существующей опасности, но при любых обстоятельствах. Налагаемое им ограничение касается пропаганды самой доктрины пацифизма, и законодатель запрещает ее фактически на все время... При этом запрет налагается независимо от мотива, намерения или цели человека, высказывающего эту доктрину. Он применяется в равной степени к проповеднику в молельном доме, профессору в университете, оратору на политическом митинге, лектору в обществе или на клубном собрании. Независимо от характера собрания, публичного или сугубо частного его характера, запрет абсолютен... Согласно этому закону мотив, по которому оратор призывает не поступать в армию, не имеет значения»³⁴.

И Холмс поддержал приговор по такому явно антиконституционному закону, обойдя молчанием аргументацию Брандейза. Буржуазные исследователи обращают

внимание на это неожиданное изменение позиции Холмса, но не находят ему объяснения. «Что изменилось в сознании Холмса, когда он разошелся здесь во мнении с Брандейсом, мы не можем сказать,— писал профессор М. Конвиц.— Но действительно странно видеть Брандейса строящим свою аргументацию на основе доктрины Холмса, тогда как его учитель оказался в противоположном лагере»³⁵. Профессор Пол А. Фройнд высказал предположение, что в этом деле Холмс отдал предпочтение «ценности свободы государственного экспериментирования», тогда как Брандейз высказался в пользу ценности экспериментирования в идеях³⁶. Однако, как Холмс мог увидеть в реакционном законе Миннесоты социально значимый эксперимент, понять трудно. Скорее можно предположить другое, а именно, что либерализм и теоретические принципы Холмса пошатнулись в условиях, когда реакционные силы, страшась успехов революции в России, начали наступление на радикалов и их организации.

3. Кампания против радикалов в обстановке страха перед «красной угрозой»

Период 1919—1920 гг. получил в американской литературе известность именно как период «великого страха перед красной угрозой»³⁷. Этот страх, очевидно, передался и Холмсу, который столь поспешно «забыл» высказанную им по делу Эйбрамса идею об особой ценности и незыблемости свободы слова и печати в политической системе США. В конце 1919—начале 1920 г. законодательные собрания штатов провели в книги статуты огромное количество законов—о «подстрекательстве к мятежу», «о преступном синдикализме», о запрещении красного флага и другие³⁸, сменившие федеральный Закон о шпионаже, принятый в условиях военного времени. В Нью-Йорке, Иллинойсе, Калифорнии и Нью-Джерси по этим законам были арестованы и преданы суду такие известные радикалы, как Бенджамин Гитлоу, Чарльз Рутенберг, Большой Джим Ларкин, Роуз Пастор Стоукс, Большой Билл Хейвуд, Уильям Бросе Ллойд и Шарлотта Уитни. Типичной для того периода была деятельность комитета Ласка в Нью-Йорке, важ-

нейшей функцией которого стали рейды на штаб-квартиры радикалов и конфискация документации и публикаций различных организаций, считавшихся подрывными³⁹.

Не желая уступать инициативу штатам, федеральный конгресс также принялся за разработку законодательства против «подстрекательства к мятежу». Министр юстиции А. Митчел Палмер, избрав борьбу с радикализмом главным направлением деятельности своего министерства, предпринял ряд репрессивных акций против критиков политики правительства, завершившихся серией ночных рейдов на штаб-квартиры различных групп, подозреваемых в радикализме. Такие рейды проводились по всей стране, причем жертвами только одного рейда 2 января 1920 г. оказалось свыше 4 тыс. человек, некоторым из которых пришлось без суда провести долгое время в переполненных тюрьмах. Рейды совершались без ордеров на арест и при почти полном игнорировании элементарных процессуальных гарантий прав личности⁴⁰. Министр почт Берельсон также проявлял чрезвычайную активность в борьбе с радикализмом, установив ничем не ограниченную цензуру, практически прекратившую доставку по почте многих печатных материалов радикального содержания⁴¹. К этому же времени небывалых масштабов достиг расистский террор⁴². Причем на Юге ку-клукс-клан стал самой массовой организацией, действовавшей совершенно открыто, принадлежность к которой считалась не только признаком «респектабельности», но была обязательным условием для участия в политической жизни южных штатов.

Однако беспрецедентные масштабы массового насилия над радикалами настолько возмутили широкие слои американского общества, что даже Палмер был вынужден отступить от взятого им курса. Он не только прекратил рейды, но и отказался от своей основной идеи — разработки федерального законодательства о подстрекательстве к мятежу в условиях мирного времени. Реализация этих идей позорно провалилась, столкнувшись с оппозицией либералов и умеренных консерваторов, объединившихся вокруг Американского союза борьбы за гражданские свободы⁴³, организованного в 1920 г. на базе Национального бюро по защите гражданских свобод⁴⁴.

Национальное бюро было создано в 1917 г., во время первой мировой войны, Роджером Н. Булдуином с целью оказания юридической помощи пацифистам и всем, кто критиковал правительственную политику участия США в военных действиях в Европе. Союз борьбы за гражданские свободы объединил многих противников социальной несправедливости и развернул широкую кампанию за освобождение политических заключенных, осужденных за «шпионаж» и «подстрекательство к мятежу». Особое внимание было уделено борьбе со злоупотреблениями властей штатов и кампании за отмену штатных законов «о подстрекательстве к мятежу» и «преступном синдикализме»⁴⁵.

Естественно, что при таком резком изменении общественных настроений Холмс также считал для себя возможным осудить действия министра юстиции, назвав их грубым нарушением гражданских прав. Более того, формулируя постановление Верховного суда по делу Силвертона, он не только выступил против палмеровской практики незаконных захватов и арестов, но подчеркнул также, что материалы, незаконно захваченные во время рейдов, не могут быть использованы против радикальных организаций и их членов ни в какой форме. Однако Верховный суд в некоторых вопросах защиты гражданских свобод был непоследователен и по-прежнему не решался пресечь антиконституционные мероприятия властей штатов, которые они продолжали проводить, опираясь на местное реакционное законодательство⁴⁶. Решением по делу миннесотской газеты «Лидер» (март 1921 г.) Верховный суд санкционировал также антиконституционную практику федерального министерства почт.

Хотя к концу 1920 г. палмеровские рейды прекратились и прогрессивным силам удалось одержать победу, реакция по-прежнему делала все возможное для ограничения свободы радикальной политической оппозиции и, используя все еще сохранившийся у некоторых граждан «страх перед красной угрозой», проводила жестокие репрессии. Так, позором для Америки был нашумевший процесс над Сакко и Ванцетти, длившийся несколько лет и закончившийся в 1927 г. их казнью на электрическом стуле, хотя эти радикалы-иммигранты из Италии были совершенно не виновны в инкриминированном им преступлении. Такое беззаконие стало возможным имен-

но вследствие давления на присяжных со стороны обывателей, которые, находясь в плену предрассудков, создали обстановку, несовместимую с элементарными требованиями справедливого судебного разбирательства. Как отметили в свое время американские исследователи Дж. Джогхэн и Е. Морган, дело Сакко и Ванцетти показало несовершенство американской системы правосудия, и именно американский «общественный порядок» вынес неформальный вердикт, закончившийся трагедией⁴⁷.

Время от времени продолжалось также судебное преследование социалистов и других радикалов на основании законодательства штатов против анархо-синдикализма и «подстрекательства к мятежу». Когда же некоторые из этих дел попали на рассмотрение Верховного суда США, он опять отказал радикалам в защите их гражданских свобод. Причем большинство судей пошли по пути консервативного пересмотра доктрины «явной и реально существующей опасности», подменив ее концепцией «опасной тенденции» (bad tendency).

4. Эволюция доктрины «явной и реально существующей опасности» в 20-е годы

Такая подмена произошла еще в 1920 г., когда большинство судей утвердили приговор Шеферу за перепечатку на немецком языке статей, якобы подрывавших военные усилия США⁴⁸. Суд решил, что реальное действие этих статей не имеет значения, поскольку их «тенденция» (направленность) была «отрицательной» (опасной).

Не соглашаясь с мнением большинства, Л. Брандейз предостерег от опасности переносить такое жесткое отношение к оппозиционным высказываниям на послевоенный период, настаивая на том, что критерий «явной и реально существующей опасности» может и должен служить «нормой разума», что «при правильном применении он защитит право на свободные высказывания как от посягательств со стороны тиранического большинства, так и от злоупотреблений, чинимых безответственным фанатичным меньшинством»⁴⁹. Брандейз подчеркивал,

что правительственное вмешательство в осуществление свободы слова и печати должно быть строго ограничено ситуациями, при которых взаимосвязь между выражением мнения и незаконным действием носит непосредственный, а не отдаленный или косвенный характер, при которых само высказывание создает очевидную и прямую опасность совершения незаконного действия. Большинство Верховного суда, однако, отвергло эти аргументы и в своем решении по делу Гитлоу (1925 г.)⁵⁰ взяло на вооружение прецедент Шефера с его концепцией «опасной тенденции», признав основанием для привлечения к уголовной ответственности наличие косвенной связи между высказыванием и возможными отрицательными политическими последствиями, на предотвращение которых направлено соответствующее законодательство штатов.

Бенджамин Гитлоу, лидер левого крыла социалистической партии, был осужден на основании нью-йоркского закона о преступной анархии 1902 г. Как уже отмечалось (см. выше), закон этот был направлен не столько против террористических актов, сколько против самой пропаганды насильственного свержения правительства. Причем пропаганда объявлялась преступной независимо от подлинных намерений лица, высказывающего анархистские взгляды. По этому закону Гитлоу был осужден за публикацию в 1919 г. революционного «Манифеста» в официальном органе левой фракции социалистической партии «Революционер Эйдж». В «Манифесте» обосновывалась закономерность и необходимость борьбы против буржуазии и капиталистического государства, конечная цель которой — установление диктатуры пролетариата. В этом документе подчеркивалось, что время для революции еще не наступило и речь идет лишь о необходимости развертывания массового забастовочного движения, сама же по себе революционная эпоха может продолжаться годы или даже десятилетия. Короче говоря, это был типичный политический документ радикально-программного характера, причем ранее подобные материалы беспрепятственно публиковались и распространялись в штате Нью-Йорк (в том числе и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса). И тем не менее приговор Гитлоу за публикацию названного документа был утвержден большинством Верховного суда, причем сам

нью-йоркский закон о преступной анархии был признан конституционным.

Формулируя мнение большинства, судья Сэнфорд заявил, что применение этого закона против Гитлоу не означало осуждения за публикацию абстрактной доктрины или за академическую дискуссию. Согласно Сэнфорду, наказываются лишь «слова, пропагандирующие или проповедующие свержение организованного правительства незаконными средствами» и означающие «побуждение к действию», а именно к массовым беспорядкам в промышленности и политическим забастовкам, направленным на подрыв республиканского парламентского правления⁵¹. Сэнфорд признал: «Результат того или иного конкретного высказывания не может быть с точностью предвиден». В то же время, по мнению суда, «нельзя требовать, чтобы правительство штатов измеряло опасность каждого высказывания», поскольку «единственная революционная искра может разгореться до гигантского пожара, в котором все погибнет»⁵². Правительство поэтому вправе своевременно погасить искру: не следует бездействовать до тех пор, пока угроза разрушения не станет неизбежной или непосредственной. Напротив, подчеркнул Сэнфорд, «штат вправе предотвратить угрожающую опасность в самом ее зарождении» и может запретить любые высказывания, если их «естественной тенденцией и возможным эффектом будет причинение существенного вреда, который законодатель вправе не допустить»⁵³. При этом не дело суда решать вопрос о вероятности отрицательных последствий конкретных высказываний, коль скоро определенный тип высказываний (пропаганда насильственного свержения правительства) запрещен законом.

На этот раз, однако, Холмс не согласился с мнением большинства. Формулируя свое особое мнение, к которому присоединился и Брандейз, он заявил, что решение это противоречит критерию, единогласно принятому судом при рассмотрении дела Шенка. Причем свое особое мнение Холмс сформулировал еще более либерально, чем в деле Эйбрамса в 1919 г.

Согласно Холмсу, правильное применение критерия прецедента Шенка делает очевидным отсутствие опасности насильственного свержения правительства в деле Гитлоу. «Говорят,— сказал Холмс,— что этот манифест был более, чем теория, что это было подстрекательство.

Каждая идея — подстрекательство. Она предлагается для веры, и, если в нее поверят, на ее основе и действуют, пока другая вера не окажется сильнее ее или какая-либо ошибка не заглушит движение при его рождении. Единственная разница между выражением мнения и подстрекательством в узком смысле заключается в том, с каким энтузиазмом стремится высказывающийся добиться результата... Но, размышляя о тексте манифеста, мы не можем не прийти к выводу, что там не было попытки разжечь пожар в данной ситуации. Если в конечном счете вере в пролетарскую диктатуру суждено быть принятой большинством членов общества, то единственным смыслом свободы слова должно быть признание за этими убеждениями права найти способ своей реализации. Если бы публикация названного документа могла быть расценена как попытка подстрекательства к немедленному восстанию против правительства, а не как пропаганда восстания в неопределенное время в будущем, тогда другое дело. Тогда бы речь шла о предмете, действительно подлежащем правовому регулированию, но и в этом случае необходимо было бы убедиться в реальности опасности данной публикации, в том, что ее отрицательные последствия, если они вообще возможны, не столь отдаленны. В рассматриваемом же деле обвинение направлено против публикации как таковой»⁵⁴.

Не согласившись с мнением большинства, Холмс, однако, не решился объявить неконституционным сам нью-йоркский закон о преступной анархии. Более того, через два года при разборе дела Уитни против Калифорнии⁵⁵, где речь шла об обжаловании приговора, вынесенного коммунистке Аните Уитни на основе штатного закона о синдикализме 1919 г. лишь за помощь в организации калифорнийской коммунистической рабочей партии и за участие в ее собраниях, и Холмс, и Брандейз присоединились к мнению большинства, отказавшегося признать неконституционным этот реакционный закон. Они, правда, не согласились с его аргументацией, которая сводилась к утверждению, что если разумный человек мог прийти к тому же выводу, что и законодатель, то суд обязан признать действительным и сам закон. Кроме того, Брандейзу, по мнению большинства американских исследователей, удалось наиболее четко сформулировать в этом деле критерий «явной и реаль-

но существующей опасности». Причем Брандейз блеснул здесь не меньшим либеральным красноречием, чем Холмс в своем особом мнении по делам Эйбрамса и Гитлоу.

1. Согласно Брандейзу, в «фундаментальных правах», таких как право на свободу слова, право преподавать и право на собрание, не может быть отказано и в принципе они не могут быть ограничены. В то же время эти фундаментальные права «по своей природе не абсолютны»⁵⁶. Их осуществление подлежит ограничению, если предлагаемая ограничительная мера нужна для спасения государства от гибели или устранения серьезного политического, экономического или морального вреда. Однако в таком законном ограничении нет необходимости, если высказывание не создает явной и реальной опасности причинения какого-либо существенного зла, для предотвращения которого государство имеет все конституционные основания.

2. В отличие от судьи Сэнфорда (см. выше его мнение по делу Гитлоу) Брандейз подчеркивал, что при оценке того или иного статута, ограничивающего свободу слова или собрания, суд не должен слепо идти на поводу у законодателя. Сам по себе факт принятия такого закона никак не может служить доказательством существования реальной опасности, оправдывающей ограничения. Суд должен самостоятельно решить, действительно ли необходимо данное ограничительное законодательство. Для суда не имеет значения убежденность большинства граждан в лице своих представителей, что распространение определенных доктрин чревато пагубными последствиями и потому должно быть запрещено. По мнению Брандейза, ссылка на мудрость общественного мнения и его выразителей в законодательных собраниях неосновательна, ибо людям свойственно заблуждаться. Одно время «они боялись ведьм и поэтому сжигали женщин»⁵⁷, функцией же свободы высказываний является именно освобождение людей от пут «иррационального страха»⁵⁸.

3 Для конституционного обоснования ограничения свободы высказываний должно быть разумное основание опасаться серьезного вреда, который может последовать, если свободное высказывание будет и дальше осуществляться, разумное основание считать, что ожидаемая опасность близка и вред, который необходимо

предотвратить, достаточно серьезен. Одной лишь опасности причинения вреда, по мнению Брандейза, недостаточно для ограничения свободы высказываний или наказания за высказывания: необходимо также доказать, что вред, которого опасаются, относительно серьезен, поскольку общество не вправе ограничивать свободу слова с целью предотвращения относительно тривиального ущерба.

4. При оценке законодательства, ограничивающего свободу высказываний, необходимо различать «пропаганду» (advocacy) противозаконных действий и «подстрекательство» (incitement) к нарушению того или иного закона. Причем «даже пропаганда правонарушений, какого бы морального осуждения она ни заслуживала, не оправдывает запрещения свободы слова, если пропаганда эта не доходит до подстрекательства и нет оснований полагать, что за ней немедленно последуют действия. Необходимо учитывать принципиальные различия между пропагандой и подстрекательством, между подготовкой и попыткой совершения преступного действия, между собранием и заговором»⁵⁹.

5. Согласно Брандейзу, лишь чрезвычайное положение может оправдать ограничение свободы слова и печати. При этом он не остановился на логических и сугубо юридических аргументах в пользу своих положений, а сослался по традиции на политическую философию отцов-основателей, которые «не боялись политических изменений», «не превозносили порядок за счет свободы»⁶⁰.

Основная идея Брандейза, таким образом, заключалась в следующем. Обвиняемый вправе оспаривать правомерность статута на том основании, что этот статут нарушает его конституционные права на свободу слова, печати и собраний. Он вправе также требовать от суда и присяжных доказательств того, что явная и реальная опасность действительно существовала, причем ожидаемый вред был настолько серьезен, что оправдывал законодательное ограничение перечисленных конституционных свобод. Мнение Брандейза по делу Уитни представляет собой изложение доктрины «явной и реально существующей опасности» в ее «классической» и наиболее либеральной форме. Однако сам Брандейз не воспользовался своей классической формулировкой для защиты коммунистки Аниты Уитни, которая в дан-

ном случае наиболее в этом нуждалась. Расхождение с большинством членов суда в принципиальном отношении к законам об ограничении свободы высказываний и ассоциаций не помешало Брандейзу быть солидарным с ними в главном — признании конституционным реакционного закона о синдикализме, на основании которого калифорнийским коммунистам было отказано в их законном праве на свободу собраний и политических ассоциаций.

Позиция Брандейза по делу Уитни, равно как и непоследовательность Холмса, свидетельствуют об ограниченности либерализма этих двух крупных фигур американской социологической юриспруденции. Несмотря на все оговорки относительно ценности свободы высказываний, значение политической свободы в сформулированной ими доктрине «явной и реально существующей опасности» все-таки настолько принижено, что из абсолюта естественноправовой концепции она превратилась лишь в одну из социальных ценностей и в противоречие I поправке к конституции может быть ограничена федеральным конгрессом и законодательными собраниями штатов. Предложенный же ими критерий правомерности ограничений нельзя назвать определенным, к тому же он допускает весьма произвольное толкование, о чем и свидетельствует применение его Верховным судом⁶¹. Поэтому нельзя не согласиться с теми американскими авторами, которые утверждают, что «критерий явной и реально существующей опасности, признаваемый в теории, не применялся на практике»⁶² и фактически использовался для ограничения гражданских свобод, а не для их защиты⁶³. «Я думаю,— писал известный американский педагог, гуманист и защитник свободы слова и печати Александр Майклджон,— что философствование мистера Холмса ... скорее привело к аннулированию первой поправки к конституции, нежели к ее интерпретации»⁶⁴.

5. Некоторые прогрессивные тенденции в развитии конституционной доктрины

Формирование концепции «предпочтительных свобод». С социологической юриспруденцией и школой правового реализма связаны также и некоторые прогрес-

сивные тенденции в развитии конституционной доктрины гражданских свобод. Брандейз, например, еще в 1900 г. выступил в защиту личности от беззастенчивого вмешательства бульварной прессы в интимную жизнь человека, сформулировав принцип «права прайваси» (right of privacy). Холмс и Брандейз были ярыми сторонниками «инкорпорации» федерального Билля о правах, т. е. распространения его гарантий на взаимоотношения граждан с властями штатов. С именем Брандейза связано также такое, несомненно, прогрессивное нововведение, как использование данных социологии, психологии, экономики и других общественных наук в адвокатской и судебной практике. Брандейз ввел это с целью защиты фабричного законодательства, направленного против злоупотреблений хозяйской властью⁶⁵.

Видный представитель школы «правового реализма» Карл Н. Льюеллин горячо осудил вопиющие факты нарушения законности в деле Сакко и Ванцетти. Раскрывая абсолютную юридическую несостоятельность вердикта присяжных и решения судей по этому делу, Льюеллин подчеркнул, что подобное решение ставит под угрозу не только радикалов, но и гражданские свободы мелкобуржуазных масс, равно как и сами основы американских демократических институтов⁶⁶. В борьбе против палмеровских рейдов, в деятельности Американского союза борьбы за гражданские свободы и в кампании защиты Сакко и Ванцетти принимали активное участие и другие «реалисты», в частности будущий член Верховного суда Феликс Франкфуртер⁶⁷.

В 30-е годы важную роль в прогрессивном развитии конституционной доктрины гражданских свобод сыграл член Верховного суда Бенджамин Н. Кардозо. Как представитель школы «правового реализма» он отрицательно относился к фетишизации правовых принципов и призывал к реалистической оценке правовых норм, считая обязательным отказаться от тех из них, которые не соответствуют новым условиям и противоречат интересам общества. «Я думаю,— писал он, что, если норма права после ее надлежащего испытания опытом оказалась не соответствующей чувству справедливости, следует, не колеблясь, признать этот факт и полностью от нее отказаться»⁶⁸. В этой связи Кардозо высказал идею о необходимости закрепить за государственной властью право «балансировать» социальные интересы, отдавая

при этом предпочтение тому из них, который в данных условиях имеет бóльшую социальную ценность⁶⁹.

Признавая важность изменений в пользу социального прогресса, Кардозо в определенной степени распространил свою концепцию и на сферу политической свободы, высказываясь за возможность некоторого ее ограничения. «Свобода, обеспеченная нам,— писал он,— не есть свобода действия. Это свобода мысли и слова, которые при определенном их содержании могут быть эквивалентны поступкам. Когда достигнута эта граница, достигнут также и предел этой свободы»⁷⁰. Кардозо, однако, подчеркивал большую социальную ценность гражданских свобод и допускал лишь очень осторожное их «балансирование» с интересами государства, причем если результат такого «балансирования» сомнителен, должна действовать презумпция «приоритета свободы»⁷¹. При этом он сформулировал доктрину, известную в литературе как принцип «двойного стандарта» («Double Standard»)⁷².

В последнем высказанном им в стенах Верховного суда мнении по делу Палко⁷³ Кардозо предложил различать две категории конституционных прав: а) без которых немыслима концепция свободы и б) которые имеют для нее относительно второстепенное значение. Смысл такой дифференциации, получившей в последующем название «иерархии высших прав», в подчеркивании особой социальной ценности предусмотренной I поправкой свободы слова и убеждений. Согласно Кардозо, именно эти свободы — «сердцевина» конституционного правления, необходимое условие существования «почти всякой иной формы свободы»⁷⁴, при ликвидации которых не могут существовать ни свобода, ни правосудие.

Аналогичной точки зрения придерживался и судья Х. Стоун. Выступая за судебскую «сдержанность» (self-restraint) при оценке социального законодательства, он считал ее неуместной, когда речь идет о законодательстве, затрагивающем или ограничивающем политическую свободу граждан. В этой связи он сформулировал концепцию «предпочтительных свобод» (preferred freedoms)⁷⁵, к которым отнес свободы, содержащиеся в первой поправке, — свободу совести, слова, печати, собраний и петиций.

Именно им (хотя и не всему Биллю о правах) сле-

дует, согласно Стоуну, отдавать предпочтение при их коллизии как с другими правами граждан, так и с интересами государства⁷⁶.

Концепция Кардозо—Стоуна, несомненно, выигрышно отличается от изложенной доктрины «явной и реально существующей опасности», хотя, как мы увидим ниже (при рассмотрении проблемы инкорпорации), и она далека от подлинно реалистического понимания всей сложности проблемы. Сама ее установка — защита свободы слова и убеждений — была обусловлена не столько индивидуальной философской позицией авторов, сколько общей либерализацией политического режима в США в середине 30-х годов, чему в немалой степени способствовало установление в 1933 г. дипломатических отношений с СССР и проведение прогрессивных социально-экономических мероприятий «нового курса» Ф. Д. Рузвельта. Реализм и либерализм Кардозо и Стоуна просто оказались своевременными, нашли благодатную почву, что и получило свое отражение в их доктрине об особой социальной ценности свободы слова и убеждений.

Изменение политической обстановки положительно сказалось и на позиции Верховного суда в целом. В двух своих постановлениях 1937 г.⁷⁷ он встал на защиту конституционных свобод слова и ассоциации, в которых было отказано двум активистам американской коммунистической партии. В первом случае — дело Де Йонга — суд признал неконституционным приговор, вынесенный оратору на митинге протеста, созванном по инициативе компартии в связи с незаконными антизабастовочными действиями полиции. Во втором — Верховный суд освободил негритянского активиста компартии Анджело Херндона, осужденного судами Джорджии на 18 лет тюремного заключения за попытку мятежного подстрекательства, выразившуюся в организации собраний и выступлений в поддержку идеи создания парторганизации коммунистов в г. Атланте. В решении по делу Де Йонга главный судья Хьюз подчеркнул, что безопасность республики и самих основ конституционного правления заключена в обеспечении свободы политических дискуссий, с тем чтобы заставить правительство прислушиваться к «голосу народа и тем самым сделать возможным проведение необходимых социальных изменений мирными средствами»⁷⁸. В решении по делу

Херндона судья Робертс признал, что в своих основных положениях статут Джорджии, предусматривавший уголовную ответственность за любые попытки ассоциации в оппозиционных политических целях, отличается от федерального Закона о шпионаже 1917 г. и Закона о преступной анархии штата Нью-Йорк лишь еще большей неопределенностью и расплывчатостью своих положений, несовместимых с принципом ответственности на основании критерия «явной и реально существующей опасности»⁷⁹. Эти постановления Верховного суда свидетельствовали о смягчении репрессивной политики федерального правительства по отношению к радикальным элементам, о восстановлении хотя бы в принципе конституционной свободы слова, убеждений и ассоциаций.

Частичная инкорпорация федерального Билля о правах. Положительной чертой эволюции конституционной доктрины гражданских свобод в 20—30-е годы явилась частичная инкорпорация федерального Билля о правах. Как уже говорилось (см. параграф 6 гл. 1), в период реконструкции Верховный суд категорически отверг эту идею. И лишь в середине 20-х годов, т. е. спустя почти 60 лет после вступления в силу XIV поправки к федеральной конституции, наконец-то наметились серьезные сдвиги в этом принципиальном вопросе конституционного права. Первый шаг в направлении инкорпорации был сделан, как это ни странно, в решении Верховного суда по делу Гитлоу, утвердившем приговор, вынесенный судами штата Нью-Йорк этому лидеру левых социалистов за распространение программного революционного «Манифеста» (см. выше, параграф 3). Формулируя мнение большинства, судья Сэнфорд сказал: «В интересах рассматриваемого нами дела мы вправе исходить и исходим из того, что свобода слова и печати, которые в настоящее время защищены I поправкой от ограничения конгрессом, принадлежат к числу фундаментальных личных прав и «свобод», защищаемых от нарушений со стороны штатов положением XIV поправки о должной законной процедуре»⁸⁰. Спустя два года в постановлении по делу Фиске⁸¹ Верховный суд снова словами Сэнфорда единогласно подтвердил «национализацию» свободы слова. Причем в этом деле суд поддержал свободу высказываний, подчеркнув, что канзасский статут о преступном синдикализме (кстати, очень похожий на нью-йоркский Закон о преступной анархии,

примененный против Гитлоу) действительно противоречит положению XIV поправки о «привилегиях и вольностях» граждан США, включающему и гарантии свободы слова, предусмотренные федеральным Биллем о правах.

В 1931 г. постановлением по известному делу Нира против Миннесоты⁸² была инкорпорирована также свобода печати. Выступая от имени большинства, главный судья Хьюз объявил неконституционным закон штата Миннесота, допускавший при определенных обстоятельствах введение предварительной цензуры печати, усматривая в этом нарушение свободы печати, гарантированной XIV поправкой⁸³.

Менее чем через год доктрина инкорпорации, наконец, вышла за рамки свобод I поправки и была распространена на некоторые процессуальные гарантии, а именно на гарантию права адвокатской защиты по делам о преступлениях, караемых смертной казнью. Речь идет об одном из печально известных дел о «преступлениях в Скотсборо», по которому Верховный суд вынес постановление, ставшее первым прецедентом применения требования справедливого судебного разбирательства по отношению к обвиняемым-неграм⁸⁴. Формулируя мнение большинства (семь судей) и отменяя приговор одному из негров-подростков, вынесенный судом Алабамы на основании ложных показаний, в спешке и без участия в деле адвоката, верховный судья Джордж Сатерленд подчеркнул, что отказ в «праве на защиту... предусмотренном VI поправкой ... был бы нарушением тех фундаментальных принципов свободы и правосудия, которые лежат в основе американских гражданских и политических институтов»⁸⁵.

Четвертым аспектом инкорпорации федерального Билля о правах была свобода религии⁸⁶, а в 1937 г. постановлением по уже упомянутому делу Де Йонга против Орегона были инкорпорированы также свобода собраний и свобода петиций к правительству. Формулируя единогласное мнение суда, главный судья Хьюз указал, что «мирное собрание, преследующее законные цели политической дискуссии, не может быть запрещено»⁸⁷, как бы ни были непопулярны его организаторы. Объявив, что право на мирное собрание родственно свободам слова и печати и является в той же степени основным конституционным правом, он специально от-

метил, что свобода собраний — один из тех фундаментальных принципов свободы и справедливости, действие которых распространяется на штаты положением о справедливом судебном разбирательстве, содержащемся в XIV поправке⁸⁸.

Таким образом, в 1937 г. вся I поправка и право на адвокатскую защиту (по крайней мере по делам, караемым смертной казнью), предусмотренное VI поправкой, были прочно инкорпорированы. Поэтому, когда Кардозо в своем мнении по делу Палко объявил свободу мысли и слова сердцевиной свободы, без которой немыслима никакая другая свобода, он фактически подвел лишь философскую основу под уже сложившуюся систему прецедентов, инкорпорировавших I поправку⁸⁹. При этом подчеркивание особой ценности свободы мысли и слова по существу явилось обоснованием для отказа инкорпорировать другие, преимущественно процессуальные гражданские права.

Согласно Кардозо, в Билле о правах есть такие «формальные» права, без которых «правосудие не погибнет». Например, право на разбирательство судом присяжных и на иммунитет против уголовного преследования без официально предъявленных обвинений. Эти права, возможно, «ценны и важны», но «не составляют сущности системы организованной свободы». Их устранение якобы не нарушает «принцип справедливости, укоренившийся в традициях и сознании нашего народа», поскольку их «нельзя отнести к категории фундаментальных прав». Обратившись затем к другому процессуальному праву, а именно к праву не давать показаний против самого себя (V поправка), Кардозо утверждал, что без него также можно обойтись. «Правосудие не погибло бы, если бы обвиняемого обязали отвечать на законно поставленный вопрос»⁹⁰.

Кардозо настаивал, что в отношении процессуальных прав в целом и гарантии от повторного привлечения к ответственности за одно и то же преступление (а именно о неприменении этой гарантии в Коннектикуте шла речь в деле Палко) Верховный суд всегда должен конкретно решать, нарушает неприменение той или иной процессуальной гарантии фундаментальные принципы свободы и справедливости или нет. При этом штатам также должно быть дозволено руководствоваться своей собственной практикой и по своему усмотре-

нию выбирать процедуры и надлежащие гарантии судебного разбирательства.

Так было подведено теоретическое «основание» под отказ инкорпорировать главные процессуальные гарантии свободы личности, предусмотренные федеральным Биллем о правах⁹¹. Реализм, которым Кардозо, несомненно, обладал, явно не помог ему оценить адекватно эту важнейшую форму гарантии столь высоко ценимой им свободы мысли и слова. Практически же это означало санкционирование в уголовном судопроизводстве штатов более низких стандартов обеспечения прав личности, чем в федеральных судах.

6. Первые признаки нового кризиса института гражданских свобод (1938—1941 гг.)

В самом конце 30-х годов политический климат снова стал меняться не в пользу гражданских свобод. Обострение ситуации в Европе явилось предлогом для активизации реакционных антикоммунистических кругов. Эти круги стали оказывать давление на администрацию Рузвельта, вынудив ее пойти на проведение и санкционирование мероприятий, которые в конечном счете сыграли на руку реакции.

Особенно активную деятельность реакционные силы развернули в конгрессе США. В годы «Нового курса» большое значение придавалось различным старым и новым расследовательским комитетам этого высшего органа законодательной власти. Причем важнейшей функцией ряда комитетов стало расследование злоупотреблений, совершаемых частными компаниями (например, практика использования лоббистов, шпионов и штрейк-брехеров против рабочего движения). Функцией этих комитетов было также выявление более глубоких пороков существующих социальных институтов, нуждающихся в серьезных реформах. Однако, по мере того как мероприятия «Нового курса» шли на убыль, порожденные ими методы управления стали все чаще применяться в ущерб самой правительственной политике. При этом в качестве основной линии наметилось использование расследовательской деятельности комитетов конгресса против прогрессивных организаций, что и полу-

чило свое официальное оформление в 1938 г. Тогда в палате представителей конгресса США был создан комитет по расследованию антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee), которому суждено было сыграть особую роль в подавлении свободы убеждений и ассоциаций в послевоенный период⁹².

Однако и до войны его деятельность, особенно методы и техника расследований, вызвали серьезное беспокойство тех, кому были дороги гражданские свободы. Возглавляемый реакционером конгрессменом из Техаса Мартином Дайесом, этот комитет видел свою миссию в «избавлении правительства от коммунистов, радикалов, фашистов и интернационалистов»⁹³. Эту деятельность он начал с демагогических нападок на президента Рузвельта, обвинив его в пассивном отношении к Германо-американскому бунду — организации, объединившей профашистские элементы внутри США. Однако сам комитет Дайеса активизировался лишь в одном направлении — расследовании деятельности левых групп и организаций, игнорируя проблему нацистского движения внутри США. Раздраженный демагогией комитета, Рузвельт поручил все расследования подрывной деятельности Федеральному бюро расследования (ФБР), руководство которого также не отличалось политической беспристрастностью. Это решение Рузвельта еще больше ухудшило отношения между ним и комитетом Дайеса, которые, по характеристике некоторых американских исследователей, вылились в настоящую войну⁹⁴.

Работа Комитета по расследованию антиамериканской деятельности способствовала усилению антикоммунистических настроений в стране, обострила идеологическую борьбу внутри различных общественных организаций. Так, уже в начале 1939 г., когда в международных отношениях возникла опасная напряженность, а комитет Дайеса все шире развешивал «охоту за ведьмами», вопрос о коммунистах все чаще и чаще стал привлекать внимание совета директоров такой авторитетной организации, как Американский союз борьбы за гражданские свободы (АСБГС). В его совете образовалась небольшая группа, возглавляемая социалистом Норманом Томасом, настаивавшая на том, чтобы АСБГС занял твердую позицию в отношении государств с «антидемократическими формами правления», в число которых был включен и СССР. Когда же совет подав-

ляющим большинством голосов провалил это реакционное предложение, подчеркнув, что «Союз не участвует в обсуждении преимуществ той или иной политической и экономической системы» и «защищает права всех, кто обращается к нему, каковы бы ни были их политические или экономические взгляды», группа раскольников повела закулисные переговоры с Дайесом и при его поддержке начала кампанию чистки этой организации от коммунистов — мероприятие, от которого, по словам Корлиса Ламонта, «АСБГС лихорадило все последующие 15 лет»⁹⁵ и которое привело к исключению из Союза одного из самых активных его членов, единственного к тому времени коммуниста в совете директоров Элизабет Герли Флинн⁹⁶. Разбирательство дела Флинн, состоявшееся 7 мая 1940 г., было, по словам Ламонта, самым настоящим средневековым судом над еретиком, поскольку преследовало цель расследовать не только действия человека, но и его неортодоксальные убеждения. При этом даже «самые злобные противники Флинн не смогли привести ни одного случая, когда бы она писала, выступала или действовала в нарушение Билля о правах или принципов гражданских свобод, которых придерживался АСБГС». «Единственный довод против Флинн был тот, что она член коммунистической партии»⁹⁷. Именно резолюция о чистке АСБГС от коммунистов была причиной изгнания Флинн. Эта резолюция, принятая в нарушение демократической процедуры, задала тон политике АСБГС на последующие 15 лет, привела к тому, что в составе его руководства все чаще оказывались лица с откровенно антикоммунистическими взглядами, а сам Союз по многим принципиальным вопросам стал принимать половинчатые решения и занимать «стыдливую позицию при защите Билля о правах»⁹⁸.

Конец 30-х годов также ознаменовался рядом мероприятий, ограничивших гражданские свободы государственных служащих. Вплоть до 1939 г. в США действовало постановление, принятое Комиссией по делам гражданской службы еще в 1884 г., согласно которому ни в анкетах, ни во время бесед не разрешалось задавать вопросы о политических или религиозных убеждениях либо связях лиц, поступающих на службу федерального правительства. Запрещалось также проведение каких-либо расследований с целью выяснения ха-

рактера этих убеждений и связей, причем в случае получения какой-либо информации на этот счет ее не должны были принимать во внимание. В 1939 г., однако, положение резко изменилось. Желая умиловить комитет Дайеса, ополчившийся против мероприятий «Нового курса», правительство внесло поправку в законопроект Хэтча, находившийся на рассмотрении конгресса. Этот законопроект был направлен на то, чтобы оградить служащих госаппарата от политического влияния их начальства. Поправка, однако, запрещала правительственным чиновникам «быть членами любых политических партий или организаций, занимающихся пропагандой свержения существующей в США конституционной формы правления»⁹⁹. В ней содержались также и более общие положения, ограничившие свободу активной политической деятельности служащих федерального правительства.

«Закон Хэтча» положил начало проверке лояльности государственных служащих. Основанием для такой проверки послужил один-единственный критерий — пропаганда изменения существующего политического строя или даже простое высказывание об этом. Из практики комитета Дайеса была позаимствована и «техника» проверки лояльности, заключающаяся в расследовании политических убеждений служащих. Эта техника, правда, служила, как правило, дополнением к весьма традиционной для американской истории практике принесения присяги в лояльности. Как уже отмечалось, начало этой практике было положено еще в годы войны за независимость, причем в Пенсильвании был принят специальный закон, направленный против квакеров, отказывавшихся присягать в лояльности исключительно по своим религиозным убеждениям. Принесение такой присяги получило широкое распространение в годы гражданской войны и в период реконструкции, когда ряд штатов приняли законы, требовавшие присяги от всех государственных служащих, включая учителей, а федеральное правительство заставляло конгрессменов присягать в том, что они никогда не поднимали оружие против США и не оказывали помощь врагу¹⁰⁰.

Первым штатом, принявшим специальный закон о присяге в лояльности для учителей, была Невада. Это произошло в 1866 г., т. е. два года спустя после включения Невады в состав США¹⁰¹. Закон 1866 г. и прак-

тика принесения присяги получили осуждение в либеральных кругах, причем в 1868 г. апелляционный суд США постановил, что такая практика является «тяжким наказанием, ущемляющим права гражданина ... задевающим его человеческое достоинство и положение в обществе, унижающим в глазах окружающих и ставящим его ниже тех, из кого избирается правительство»¹⁰². Однако реакционным силам по-прежнему удавалось сохранять действие подобных законов, число которых с конца первой мировой войны стало резко возрастать. Так, в 1917 г. такой же закон для учителей был принят в Род-Айленде, в 1919 г. — в Огайо, в 1921 г. — в Нью-Йорке. Семь других штатов также приняли в 20-е годы подобные законы, а к 1940 г. общее число таких штатов достигло 21. Большинство из них следовали образцу закона Невады, а именно требовали от учителей заверений в том, что они будут поддерживать и защищать конституцию штата и США¹⁰³. Однако, как показало специальное исследование, проведенное АСБГС в 1940 г., требование конформизма зашло столь далеко, что учителям стало опасно обсуждать в классах, а нередко и за их пределами, такие темы, как коммунизм, Советская Россия, пацифизм, профсоюзы, общественная собственность в промышленности, правительственное регулирование экономики, нечестная финансовая практика, гражданские свободы для радикалов, расовое равенство, контроль над рождаемостью и др.

Школьные учителя и профессора университетов решительно выступили против этих законов, усматривая в них посягательство на академическую свободу и, что особенно важно, дискриминацию самой профессии педагога, ибо преподаватели оказывались в невыгодных условиях идеологических ограничений. Аргументы против законов о присяге в лояльности для учителей содержались, в частности, в специальном заявлении Американской ассоциации университетских профессоров (1936 г.), которые считали подобные законы уступкой политическим настроениям, несовместимым с демократическими принципами американской формы правления. В документе подчеркивалось, что кампания за такое законодательство была прежде всего «проявлением явно неамериканского духа у определенной части граждан», стремившейся насадить «культ лояльности» и взять на себя миссию «цензоров над убеждениями других»¹⁰⁴.

В таких настроениях авторы заявления усматривали также опасную тенденцию тоталитарного перерождения политического режима, подрыва принципов свободы слова, печати и научных исследований в США ¹⁰⁵.

Тенденция эта все чаще стала приобретать официальную форму, причем, как и прежде, особым рвением отличались законодатели штата Нью-Йорк. Так, в 1934 г., 11 лет спустя после отмены законов Ласка, они снова приняли закон о присяге в лояльности во всех государственных, а также частных школах, освобожденных в Нью-Йорке от уплаты налогов. В 1939 г. был принят также так называемый закон Девани, запретивший найм на работу в государственные учреждения и в освобожденные от уплаты налогов учебные заведения лиц, которые пропагандировали или проповедовали доктрину насильственного и всякого иного незаконного свержения правительства. Под давлением реакционных кругов, обвинивших государственные школы и колледжи г. Нью-Йорка в аморальной, безбожной и антиамериканской деятельности, сенат штата принял резолюцию, запретившую Бертрану Расселу читать лекции по математике и философии в городском колледже Нью-Йорка. Эта резолюция была поддержана Верховным судом штата. Причем судья Макгин объявил Рассела опасным и аморальным человеком, присутствие которого «оскорбляет» достоинство жителей Нью-Йорка и противоречит нормам и критериям «естественного права и права божьего» ¹⁰⁶.

Нью-йоркские законодатели создали также специальный орган по расследованию «нравов и убеждений» в учебных заведениях. Известный под названием комитета Раппа-Кудерта, он функционировал в 1940—1941 гг., сконцентрировав свою работу на Союзе учителей. Комитет проводил как открытые, так и закрытые заседания, стремясь выявить факты «подрывной деятельности» в государственных школах Нью-Йорка. Критерием «причастности» к такой деятельности было членство в компартии. Поэтому комитет занялся собиранием информации о коммунистической партии и ее «попутчиках», составив на основе сомнительных свидетельских показаний список учителей и других служащих учебных заведений, подозреваемых в связях с коммунистами. Однако и эти меры показались властям штата недостаточными. В 1941 г. Комиссия по высшему образованию г. Нью-

Йорка приняла резолюцию, запретившую членам «любой коммунистической, фашистской или нацистской группы или общества»¹⁰⁷ и всем, кто пропагандирует подрывные доктрины или каким-либо иным образом содействует подрывной деятельности, преподавать в колледжах. Указанная резолюция была немедленно приведена в действие, причем в 1941—1942 гг. были уволены все преподаватели, подозреваемые в принадлежности к коммунистической партии, но отрицавшие это.

Все перечисленные выше антикоммунистические мероприятия в области кадровой политики штатов, очевидно, не были бы возможны, если бы в 1940 г. конгресс США не принял первый с 1798 г. федеральный закон, направленный против подрывной деятельности в условиях мирного времени,— Закон Смита. Этот акт, в значительной мере послуживший прототипом для последующего репрессивного законодательства, был проведен через конгресс всего лишь как небольшая часть пространного Закона о регистрации иностранцев¹⁰⁸, что явилось своеобразной маскировкой его подлинной цели — запрещения всех радикальных политических организаций, и прежде всего коммунистической партии¹⁰⁹. Закон Смита объявлял преступной деятельность, которая могла быть истолкована как действие, направленное на свержение власти. Он карал штрафом до 10 тыс. долл. и тюремным заключением сроком до десяти лет тех, кто «сознательно и преднамеренно пропагандирует, поощряет, советует или проповедует обязательность, необходимость, желательность или уместность насильственного свержения правительства США», «организует или помогает организовать любое общество, группу или собрание лиц», пропагандирующих такое свержение, становится членом подобных организаций или сознательно вступает с ними в связь, «пытается совершить любое из перечисленных незаконных действий или вступает с этой целью в сговор»¹¹⁰.

Преступлением, таким образом, объявлялась не только деятельность радикальных политических организаций, но и само намерение вступить в объединение с целью пропаганды революционных идей. Как отметил в свое время У. З. Фостер, закон Смита «явно нарушает Конституцию Соединенных Штатов», посягая на свободу слова и ассоциаций. Этот закон, по словам Фостера, «неконституционен также потому, что является Биллем

об опале, направленным против определенной группы лиц, в данном случае против коммунистической партии»¹¹¹. При этом в нем содержался «новый и злове- щий элемент явно фашистского характера»¹¹². Однако реакционная сущность закона Смита проявилась в пол- ной мере несколько позже, уже после окончания второй мировой войны, когда империалистическая реакция США повела тотальное наступление на свободу полити- ческих убеждений и ассоциаций.

7. Состояние гражданских свобод в условиях второй мировой войны

Во время войны закон Смита был применен только дважды. В 1941 г. правительство Ф. Д. Рузвельта обви- нило 29 членов Социалистической рабочей партии (троцкистов) в тайном заговоре для пропаганды на- сильственной революции. 18 из них были осуждены и обратились в Верховный суд США с апелляцией, кото- рую Верховный суд отклонил без разъяснения причин отказа. В 1942 г. были предъявлены обвинения 28 про- нацистски настроенным американцам за нарушение ст. I закона Смита, запрещавшей «умышленный подрыв лояльности, морали и дисциплины в вооруженных си- лах». Однако этот процесс не был завершен и по истечении почти трех лет был прекращен.

В двух решениях¹¹³ Верховный суд поддержал со- мнительные с точки зрения гарантий V поправки к кон- ституции чрезвычайные мероприятия военного времени, осуществленные правительством Рузвельта в Калифор- нии в октябре 1942 г.¹¹⁴ В то же время в ряде других вопросов он отдал предпочтение защите индивидуаль- ных свобод, отказавшись, в частности, от дальнейшего санкционирования законов, ограничивающих свободу убеждений членов религиозной секты «свидетелей Иеговы».

С начала 30-х годов эта секта все чаще стала под- вергаться нападкам со стороны ортодоксальных като- ликов и протестантов за отрицание всякой церковной организации и особенно за активизм в пропаганде своих религиозных взглядов. Согласно документу, составлен- ному министерством юстиции США совместно с АСБГС

осенью 1940 г., лишь за шесть месяцев жертвами насилия со стороны толпы стали 1488 иеговистов в 335 общинах 44 штатов. Подобного массового насилия не было со времен разгула ку-клукс-клана в начале 20-х годов, и с периода гонения на мормонов ни одна из религиозных сект в США не страдала так сильно от преследований, как секта «свидетелей Иеговы». Главная причина нападков — убежденность иеговистов в греховности поклонения символам земной власти — государственному флагу. Этот момент и придал нападкам особо острый политический характер в силу активизации консервативных «защитников патриотизма», добившихся принятия в 1939 г. специальных статут о салюте флагу¹¹⁵ и одновременно выступавших за законодательство о проверке лояльности учителей.

Согласно этим статутам ученики, отказывающиеся салютовать флагу, временно отстранялись от занятий, после чего их родителям предъявлялись обвинения в нарушении законов о всеобщем школьном обучении. В Массачусетсе, Нью-Йорке и Нью-Джерси такие законы были признаны конституционными. Однако в Калифорнии и Джорджии суды издали приказы о возвращении детей в школу. Причем даже там, где эти законы поддерживались судами, решения принимались далеко не единогласно. Так, в деле, рассмотренном нью-йоркским апелляционным судом, судья Ирвин Леман, не соглашаясь с мнением большинства, заявил, что «салют ребенка, который под страхом подчиняется приказу, несовместимому с требованиями его совести, бесчестит флаг»¹¹⁶.

Верховный суд США первоначально занял иную позицию по этому вопросу. Решением по делу Гобитиса в 1940 г.¹¹⁷ суд подавляющим большинством голосов (восемь против одного) поддержал школьные власти Пенсильвании, исключившие семь детей-иеговистов из общественных школ Майнерсвиля за отказ салютовать флагу на ежедневных церемониях. Формулируя мнение большинства, судья Франкфуртер сказал, что требование этой церемонии является мерой, необходимой для обеспечения «национального единства» — общественного интереса, перед которым религиозный интерес должен отойти от части своей свободы.

Единственным членом Верховного суда, не согласившимся с таким решением, был судья Стоун. По его мне-

нию, это решение поддержало закон, беспрецедентный в истории англо-американского законодательства, поскольку при помощи школьного управления Майнерсвиля правительство стремилось принудить детей Гобитиса выражать чувство, которое они не разделяли и которое противоречило их глубоким религиозным убеждениям. Стоун не отрицал возможности конфликта между интересом свободы, гарантированным Биллем о правах, и интересом правительственной власти. Однако, подчеркивал он, должно быть согласование этих интересов, но не утверждение одного в ущерб другому. И суд обязан решить, обеспечено такое согласование на практике или нет. Согласно Стоуну, помимо принуждения, есть другие способы воспитания лояльности и патриотизма. Кроме того, он выразил сомнение, что лояльность детей имеет столь большое значение для обеспечения национального единства, чтобы школьные советы могли считать себя полномочными добиваться этого, игнорируя конституционную гарантию религиозной свободы.

Мнение судьи Стоуна неожиданно получило поддержку Комитета защиты Билля о правах (Bill of Rights Committee) Американской ассоциации адвокатов, равно как многих комментаторов права. Когда же судьи Хьюз и Макрейнольдс уступили место Джексону и Рутледжу, а сам Стоун стал главным судьей, появилась возможность реализовать эту поддержку в новом постановлении. Причем решение по делу Барнета¹¹⁸, отменившее прецедент Гобитиса, было принято в 1943 г., т. е. в условиях военного времени, когда (по сравнению с 1940 г.) проблема обеспечения национального единства приобрела, казалось бы, большее значение при оценке отказа салютовать государственному флагу.

Формулируя мнение большинства, судья Джексон решил, что в этом деле не было конфликта свободы одного гражданина с правом другого и отказ «свидетелей Иеговы» салютовать флагу не нарушал права других участвовать в этой церемонии. По мнению Джексона, единственным конфликтом в данном случае был конфликт между действиями властей и правами индивида. Он сказал: «Мы имеем здесь факт принуждения учеников высказывать определенное убеждение. Сам по себе салют флагу — это форма выражения. Западная Виргиния и требовала от индивида признать политические идеи, выраженные флагом. Однако Билль о правах за-

ищаает индивида от принудительного выражения или подтверждения той или иной веры или отношения. Что же касается национального единства, то оно должно быть обеспечено исключительно убеждением, но отнюдь не принуждением. Те, кто начинает принудительное устранение несогласия, скоро заканчивает уничтожением самих инакомыслящих. Принудительная унификация мнения дает лишь один результат — единодушие кладбища»¹¹⁹. Предназначение же конституции, согласно Джексону, — «избежать этого результата», и в США власть «должна контролироваться общественным мнением, а не наоборот»¹²⁰. И далее Джексон произнес фразу, которую обычно приводят как образец либерального подхода к проблеме свободы убеждений. Конституционные гарантии должны соблюдаться «без боязни, что свобода интеллектуального и духовного разнообразия и несогласия приведет социальную организацию к распаду... Мы можем иметь интеллектуальный индивидуализм и богатое культурное разнообразие... только ценой некоторой эксцентричности и ненормального отношения. Когда они столь безобидны для других и для государства, как в этом случае, цена не слишком велика. Но свобода расхождения во взглядах не ограничивается малозначащими вопросами. Это было бы лишь тенью свободы. Суть свободы заключается в праве расходиться во взглядах на вещи, которые затрагивают сердцевину существующего порядка. И если есть в нашем конституционном созвездии немеркнущая звезда, то это убеждение, что никакое должностное лицо, высокое или малозначительное, не может предписывать гражданам ортодоксальные представления о политике, национализме, религии и т. д. либо принуждать их высказывать свои убеждения словом или делом»¹²¹.

Это ставшее классическим выражение американского либерального понимания проблемы гражданских свобод действительно выдержано в лучших традициях американской мысли. И то, что оно появилось в годы второй мировой войны, не случайность, поскольку Соединенные Штаты Америки именно в это время стремились представить свою страну как оплот свободы в борьбе с тоталитарными фашистскими диктатурами. Не удивительно, что решение по делу Барнетта было сформулировано Джексон — либералом, который вскоре после окончания войны выступил обвинителем нацист-

ских преступников на судебном процессе в Нюрнберге. Однако в последующем события развивались таким образом, что институт гражданских свобод в США оказался в тисках самого жестокого за всю свою историю кризиса, когда некоторые политические лидеры Америки стали усматривать «красную опасность» в либеральной вере в конституцию и Билль о правах.

-
- ¹ В 1902—1905 гг. законы против анархистской пропаганды были приняты еще в трех штатах. Подробней см.: *Громаков Б. С.* Очерки по истории антидемократического законодательства США. М.: Госюриздат, 1958, с. 143—145.
  - ² *Political and Civil Rights in the United States: A Collection of Legal and Related Materials* / Ed by T. Emerson, D. Haber, Buffalo, New York, 1958, p. 298.
  - ³ *Patterson v. Colorado*, 1907.
  - ⁴ *Freedom of the Press from Hamilton to the Warren Court* / Ed. by H. Nelson. Indianapolis, 1967, p. 130—132.
  - ⁵ См.: *Metzger W. P.* et al. *Dimensions of Academic Freedom*. Urbana (Ill.), 1969, p. 69—70.
  - ⁶ *The Espionage Act of 1917. Documentary Source Book of American History. 1606—1926* / Ed. by W. Macdonald. N. Y., 1968, p. 668—669.
  - ⁷ *Emerson Th. I.* *The System of Freedom of Expression*. N. Y., 1971, p. 62; *Political and Civil Rights in the U. S.*, p. 286—287.
  - ⁸ *The Sedition Act of 1918*.
  - ⁹ *Political and Civil Rights in the U. S.*, p. 288.
  - ¹⁰ *Hirschfield R.* *The Constitution and the Court*. N. Y., 1962, p. 94.
  - ¹¹ *The Alien Act of 1918*.
  - ¹² *Chafee Z., Jr.* *Freedom of Speech*. N. Y., 1920, p. 231.
  - ¹³ См.: *Murphy P.* *The Constitution in Crisis Times. 1918—1969*. N. Y., 1972, p. 23; *Громаков Б. С.* Указ. соч., с. 148—153.
  - ¹⁴ *Freedom of the Press from Hamilton to the Warren Court* / Ed. by H. Nelson, p. LII.
  - ¹⁵ *Schenck v. United States*, 249 U. S. 47 (1919).
  - ¹⁶ *Hirschfield R.* *S. Op. cit.*, p. 95.
  - ¹⁷ *Ibid.*, p. 95—96.
  - ¹⁸ *Ibid.*, p. 96.
  - ¹⁹ *Ibid.*
  - ²⁰ *Holmes O. W.* *The Common Law*. Boston, 1881; Cambr., 1963.
  - ²¹ *Ibid.*, p. 54.
  - ²² *Frohwerk v. U. S.*, 1919.
  - ²³ Цит. по: *Konvitz M.* *Fundamental Liberties of a Free People: Religion, Speech, Press, Assembly*. Ithaca, 1957, p. 287.
  - ²⁴ *Ibid.*
  - ²⁵ *Debs v. U. S.*, 1919.
  - ²⁶ *Konvitz M.* *Op. cit.*, p. 288.
  - ²⁷ *Abrams v. United States*, 250 U. S. 616 (1919).
  - ²⁸ *Konvitz M.* *Op. cit.*, p. 289.
  - ²⁹ *Ibid.*, p. 290.
  - ³⁰ *Ibid.*, p. 293.
  - ³¹ *Ibid.*, p. 294.

- ³² *Hirschfield R. Op. cit.*, p. 97.
- ³³ *Kelly A., Harbison W. The American Constitution: Its Origin and Development.* 4th ed. N. Y., 1970, p. 678.
- ³⁴ Цит. по: *Konvitz M. Op. cit.*, p. 296.
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ *Freund P. A. On Understanding the Supreme Court.* Boston, 1949, p. 69.
- ³⁷ *Murray R. K. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919—1920.* N. Y., 1964.
- ³⁸ Всего с 1917 по 1921 г. подобные законы были приняты в двух третях штатов. См.: *Emerson T. The System of Freedom of Expression*, p. 102.
- ³⁹ См.: *Murphy P. L. The Constitution in Crisis Times*, p. 28.
- ⁴⁰ См.: *Murray R. Op. cit.*, p. 112 ff.; *Murphy P. Op. cit.*, p. 28; *Громаков Б. С. Указ. соч.*, с. 155—156.
- ⁴¹ *Eaton C. The Freedom-of-thought Struggle in the Old South.* N. Y., 1964, p. 215.
- ⁴² Активизация Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в конце первой мировой войны вызвала волну насилия со стороны расистов. При этом лишь с 1917 по 1919 г. случаи внесудебной расправы над неграми удвоились. См.: *Murphy P. Op. cit.*, p. 93; *Фостер У. Очерк политической истории Америки.* М.: Изд-во иностр. лит., 1953, с. 505.
- ⁴³ American Civil Liberties Union.
- ⁴⁴ National Civil Liberties Bureau.
- ⁴⁵ *Johnson D. The Challenge to American Freedoms: World War I and the Rise of the ACLU.* Lexington, 1963, p. 176 ff.
- ⁴⁶ *Murphy P. Op. cit.*, p. 29—32; *Eaton C. Op. cit.*, p. 215.
- ⁴⁷ *Joughin C. L., Morgan E. M. The Legacy of Sacco and Vanzetti.* N. Y., 1948, p. 196—197.
- ⁴⁸ *Schaefer v. U. S.*, 1920.
- ⁴⁹ Цит. по: *Hirschfield R. Op. cit.*, p. 98.
- ⁵⁰ *Gitlow v. New York*, 268 U. S. 652 (1925) — Political and Civil Rights in the United States, p. 297—305.
- ⁵¹ *Ibid.*, p. 300.
- ⁵² *Ibid.*, p. 302.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 303.
- ⁵⁴ *Ibid.*, p. 305.
- ⁵⁵ *Whitney v. California*, 274 U. S. 357 (1927).— In: *ibid.*, p. 305—315.
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 312.
- ⁵⁷ *Ibid.*
- ⁵⁸ *Ibid.*, p. 313.
- ⁵⁹ *Ibid.*, p. 313.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ См.: *Konefsky S. J. The Legacy of Holmes and Brandeis.* N. Y., 1956, p. 196—223.
- ⁶² *Emerson T. The System of Freedom of Expression*, p. 65.
- ⁶³ *Konvitz M. Op. cit.*, p. 295, 400.
- ⁶⁴ *Meiklejohn A. Political Freedom.* N. Y., 1960, p. 2.
- ⁶⁵ Брандейз, в частности, известен тем, что, выступая адвокатом защиты по делу Муллера против штата Орегон (1908 г.), представил в Верховный суд записку, где на 111 страницах перечислил многочисленные статистические данные и привел мнения известных врачей, экономистов, социологов, специалистов в области трудовых отношений (в частности, Беатриссы Уебб), производ-

- ственных комитетов, а также заключения фабричных инспекторов в пользу законодательства об охране труда женщин. Все эти данные были обращены против фабриканта Муллера, отказывавшегося подчиниться закону штата Орегон о десятичасовом рабочем дне для работниц прачечных. Записка Брандейса сыграла важную роль в изменении негативного отношения Верховного суда к фабричному законодательству и явилась, по словам американского исследователя А. Т. Мейсона, «первой адвокатской запиской, когда-либо основанной на внеюридических данных» (*Mason A. T. Brandeis: Lawyer and Judge in Modern State. Englewood Cliffs (N. J.), 1933, p. 107; см. также: Rosen P. The Supreme Court and Social Science. Urbana, 1972, p. 78).*
- 66 См.: *Joughin G. H., Morgan E. M. Op. cit., p. 179—183.*
- 67 *Murphy P. Op. cit., p. 193.*
- 68 *Cardozo B. The Nature of Judicial Process. New Haven, 1960, p. 150.*
- 69 *Cardozo B. The Paradoxes of Legal Science. N. Y., 1930, p. 72.*
- 70 *Ibid., p. 112.*
- 71 *Ibid., p. 115.*
- 72 *Abraham H. J. Freedom and the Court. N. Y., 1972, p. 14, 319 (1937).* Кардозо скончался от тяжелой болезни в 1938 г.
- 73 *Palko v. Connecticut, 302 U. S. 319 (1937).*
- 74 *Murphy W. F., Pritchett C. H. Courts, Judges and Politics. N. Y., 1961, p. 438.*
- 75 В решении по делу *United States v. Caroline Products Company, 304 U. S. 144 (1938).*
- 76 См.: *Murphy W., Pritchett C. Op. cit., p. 630—632.*
- 77 *De Jonge v. Oregon, 299 U. S. 353 (1937); Herndon v. Lowry, 301 U. S. 242 (1937).*
- 78 *Political and Civil Rights in the United States, p. 327.*
- 79 *Ibid., p. 329.*
- 80 Цит. по: *Abraham H. Op. cit., p. 53.*
- 81 *Fiske v. Kansas, 274 U. S. 380 (1927).*
- 82 *Near v. Minnesota, 283 U. S. 697 (1931).*
- 83 *Political and Civil Rights in the United States, p. 317—322.*
- 84 *Powell v. Alabama, 287 U. S. 45 (1932).*
- 85 Цит. по: *Abraham H. Op. cit., p. 55.*
- 86 *Hamilton v. Regents of the Univ. of Calif., 293 U. S. 245 (1934).*
- 87 *Political and Civil Rights in the United States, p. 327.*
- 88 *Ibid., p. 326.*
- 89 Об этом свидетельствует сам перечень свобод, объявленных Кардозо «инкорпорированными» XIV поправкой. Это свобода слова, печати, религии, мирных собраний и право обвиняемого на адвокатскую защиту.
- 90 Цит. по: *Abraham H. Op. cit., p. 58—59.*
- 91 Исклучением, никак не объясненным самим Кардозо, была инкорпорация права обвиняемого на услуги адвоката. Вполне возможно, что если бы это право уже не было инкорпорировано постановлением по делу Пауэлла против Алабамы, то в классификации Кардозо и оно оказалось бы в числе «второразрядных».
- 92 См.: *Emerson T. The System of Freedom of Expression, p. 247.*
- 93 *Murphy P. Constitution in Crisis Times, p. 214.*
- 94 См.: *Ibid., p. 215.*
- 95 *Ламонт К. Свобода должна быть свободной на деле. М.: Изд-во иностр. лит., 1958, с. 306.*

- ⁹⁶ С самого основания АСБГС в 1902 г. в состав его Национального комитета входил Уильям З. Фостер (вплоть до 1930 г.). Коммунистка Анна Рочестер была избрана в совет директоров в 1928 г. Э. Г. Флинн была переизбрана в совет в 1937 г., после того как официально уведомила его членов о своем вступлении в коммунистическую партию. См.: там же, 310.
- ⁹⁷ Там же, с. 313.
- ⁹⁸ Там же, с. 314.
- ⁹⁹ См.: *Political and Civil Rights in the U. S.*, p. 255.
- ¹⁰⁰ См.: *Hyman H.* Era of the Oath: Northern Loyalty Tests during the Civil War and Reconstruction. Philadelphia (Penns.), 1954.
- ¹⁰¹ См.: *Linville H. R.* Oaths of Loyalty for Teachers. N. Y., 1935.
- ¹⁰² Цит. по: *Ламонт К.* Указ. соч., с. 199.
- ¹⁰³ Так называемые «законы Ласка» (Нью-Йорк, 1921 г.), предусматривавшие увольнение учителей за пропаганду революционной доктрины в любой форме, были столь одиозны, что были отменены через два года после их принятия. См.: *Political and Civil Rights in the U. S.*, p. 1108.
- ¹⁰⁴ *Konvitz M.* Op. cit., p. 232—233.
- ¹⁰⁵ См.: *Ibid.*, p. 234.
- ¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 234.
- ¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 236.
- ¹⁰⁸ The Alien Registration (Smith) Act, 1940.
- ¹⁰⁹ См.: *Громаков Б. С.* Указ. соч., с. 157—158; *Гришаев П. И.* Репрессия в странах капитала. М.: Юрид. лит., 1970, с. 103—110.
- ¹¹⁰ *Political and Civil Rights in the United States*, p. 343.
- ¹¹¹ *Foster W.* History of the Communist Party of the U. S. N. Y., 1951, p. 510.
- ¹¹² *Фостер У.* Усиление фашистских тенденций в США.— *Коммунист*, 1955, № 1, с. 85.
- ¹¹³ *Hirabayashi v. United States*, 320 U. S. 81 (1943); *Korematsu v. United States*, 323 U. S. 214 (1944).
- ¹¹⁴ Речь идет о временном принудительном выселении из района тихоокеанского побережья 112 тыс. лиц японского происхождения. Трое верховных судей — Робертс, Мэрфи и Джексон — не согласились с мнением большинства, осудив всю правительственную программу эвакуации как грубое нарушение конституции и очевидную акцию расовой дискриминации, лишившую определенную этническую группу права на равную защиту законом, предусмотренную V поправкой. Эта акция была признана неконституционной в 1946 г. в решении, касающемся введения чрезвычайное положения на Гавайских островах с декабря 1943 г. по октябрь 1944 г. [*Duncan v. Kahanamoku*, 327 U. S. 304 (1946)].
- ¹¹⁵ Первый такой закон был принят в штате Канзас еще в 1907 г.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Konvitz M.* Op. cit., p. 111.
- ¹¹⁷ *Minersville School District v. Gobitis*, 1940.
- ¹¹⁸ *West Virginia State Board of Education v. Barnette*, 1943.
- ¹¹⁹ Цит. по: *Konvitz M.* Op. cit., p. 115.
- ¹²⁰ Цит. по: *ibid.*, p. 116.
- ¹²¹ *Ibid.*

*Наступление реакции
на Билль о правах
и борьба за восстановление
конституционных гарантий
свободы политических убеждений
и ассоциаций (50-е—60-е годы)*

Коренные изменения в соотношении сил социализма и капитализма, происшедшие в результате второй мировой войны,—возникновение мировой социалистической системы, рост национально-освободительного движения и распад колониальной системы, усиление влияния коммунистических партий в ряде ведущих капиталистических стран—означали углубление общего кризиса капитализма. Единственной страной капиталистического мира, которая не только не пострадала от военных действий, но нажила на войне огромный капитал, были Соединенные Штаты Америки, и правящие круги именно этого государства взяли на себя роль «спасителя» мирового капитализма и основное «бремя» борьбы с коммунизмом. Эта «миссия» выразилась прежде всего в различных внешнеполитических акциях. Важнейшие из них—принятие «плана Маршалла» и создание НАТО, функцией которых было экономическое и военное «сдерживание мирового коммунизма». Но антикоммунизм, ставший основной линией политического курса США после второй мировой войны, выразился также и в целой серии мероприятий по так называемому обеспечению внутренней безопасности (internal security).

Многое в этом направлении было сделано еще в конце 30-х годов, когда реакции удалось создать Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и провести через конгресс закон Смита. Уже тогда складывался новый «стиль» борьбы с «коммунистической опасностью», заключающийся в соперничестве и одно-

временном взаимодополнении и взаимодействии правительства и представителей реакционных сил в конгрессе, стремившихся заручиться поддержкой наиболее влиятельных общественных организаций. После второй мировой войны реакция, таким образом, располагала целым арсеналом законодательных, административных и иных средств, которые она сразу же направила против сил мира и социализма. Противники прогресса, однако, не ограничились уже существующими средствами и организовали беспрецедентное по своим масштабам и формам наступление на гражданские свободы американцев.

1. Первые послевоенные мероприятия, направленные на ограничение гражданских свобод

Одной из таких мер было придание в 1945 г. статуса постоянного комитета Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Специально принятая по данному вопросу резолюция палаты представителей предоставила комитету столь широкие полномочия, что сразу же поставила его на первое место в системе органов подавления свободы оппозиционной политической пропаганды. В резолюции определялся статус комиссии, перечислялись ее функции, среди которых значилось расследование «масштабов, характера и целей антиамериканской пропаганды в Соединенных Штатах»¹, инспирированной как из-за границы, так и изнутри и направленной против принципа, на котором основана американская форма правления. Основной задачей комиссии, таким образом, была борьба против свободного высказывания неортодоксальных политических взглядов и убеждений, гарантированного I поправкой к Конституции США и традиционно рассматриваемого либеральной доктриной как «сердцевина» американской формы правления (см. выше мнение верховного судьи Джексона по делу Барнетта). Итак, комиссия была уполномочена действовать в нарушение важнейшего принципа Билля о правах — свободы дискуссий по любым политическим вопросам, в том числе и об изменении формы правления.

Антиконституционность полномочий комиссии была отмечена всеми либералами, в том числе и теми орга-

низациями, чье руководство, подобно руководству Американского союза борьбы за гражданские свободы, было заражено духом антикоммунизма и всячески пыталось доказать комиссии свою лояльность². Однако реакционеры из самой комиссии по расследованию тут же воспользовались этими неконституционными полномочиями, начав вызывать на допросы деятелей различных прогрессивных организаций. Одними из первых были допрошены руководители Национального совета советско-американской дружбы Корлис Ламонт и Ричард Морфорд. Оба они были обвинены в неуважении к конгрессу за отказ отвечать на вопросы, причем Морфорд осенью 1950 г. отбыл трехмесячное заключение в нью-йоркской тюрьме.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности повела свои атаки и на некоторые другие прогрессивные организации, в том числе на Объединенный комитет помощи беженцам-антифашистам и на Национальную федерацию защиты конституционных свобод. Руководители названных организаций также подверглись тюремному заключению за «неуважение к конгрессу». При этом Верховный суд отказался рассмотреть апелляцию осужденных. Отклонена была также просьба о пересмотре дела десяти актеров и режиссеров Голливуда, которые в 1947 г., ссылаясь на I поправку, отказались отвечать на вопрос об их принадлежности к коммунистической партии.

Если Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности занялась преследованием руководителей прогрессивных организаций, то администрация федерального правительства сконцентрировала свои усилия на проверке лояльности служащих государственного аппарата. Еще во время избирательной кампании 1946 г. реакционные круги подняли большой шум о подрывных элементах в правительстве. В ответ на это президент Трумэн в ноябре 1946 г. создал временную комиссию по проверке лояльности государственных служащих. Однако консерваторы истолковали названную меру как слабость президента, усмотрев в этом признание собственной вины и средство прикрытия «либерализма». Критика администрации, усиленная требованием руководства ФБР начать массовую кампанию против коммунистов, по-прежнему продолжалась³.

Испытывая это давление и желая снять с себя обви-

нение республиканцев в «заигрывании с коммунистами», президент Трумэн в марте 1947 г. издал приказ № 9835, установивший развернутую систему проверки лояльности всех кандидатов на государственные должности и свыше 2 млн. служащих федерального государственного аппарата⁴. Этим приказом было учреждено Управление по проверке лояльности служащих федеральных учреждений, наделенное правом выносить решения в спорных случаях. В качестве же общего критерия нелояльности приказ Трумэна предусматривал следующее: «членство в любых иностранных или местных организациях, обществах, движениях, группах, союзах, отнесенных министром юстиции к разряду тоталитарных, фашистских, коммунистических и подрывных, связь с ними либо сочувствие им; или связь с организациями, которые проповедают либо одобряют совершение насильственных актов, лишаящих других лиц прав, предоставленных им Конституцией США; или же стремление изменить форму правления в США неконституционными методами»⁵. Соответственно министру юстиции было поручено подготовить список подрывных организаций, связь с которыми давала повод для «разумного сомнения» в лояльности служащего. На практике именно контакт с «подрывными организациями» стал единственным основанием для увольнения служащих по указанной программе, хотя официально это отрицалось. К тому же принцип ответственности за такие связи получил обратную силу, и в 1948 г. некоторые служащие пострадали за действия, совершенные до войны, когда они считались законными.

Федеральная программа проверки лояльности государственных служащих послужила сигналом для активизации сторонников реакционных реформ в отдельных штатах. При этом законы штатов, как правило, объявляли связи с подрывными организациями единственным критерием нелояльности. Так, закон Файнберга, принятый в 1949 г. в штате Нью-Йорк с целью устранения подрывных элементов из государственной школьной системы, обязывал школьный совет штата составлять список подрывных организаций и следить за тем, чтобы членство в любой такой организации служило *prima facie* основанием для отказа в приеме на работу или для увольнения в каждой частной или государственной школе штата. При этом рекомендовалось поль-

зоваться списками подрывных организаций, составленными любыми федеральными ведомствами США⁶.

Еще более реакционный характер носил Закон о подрывной деятельности, принятый в том же, 1949 г. в штате Мэриленд и известный как закон Обера — по имени председателя специальной комиссии, разработавшей его проект. Этот документ объединил в себе реакционные положения закона Смита, Федеральной программы проверки лояльности и даже законопроекта Мундта-Никсона, положенного в основу будущего Закона о внутренней безопасности (закона Маккарэна). Как и закон Смита, закон Обера объявлял преступлением пропаганду свержения правительства США или штата Мэриленд, поддержку в этом, подстрекательство или побуждение к таким действиям, равно как и заговор для достижения названных целей. Членство в «подрывных» организациях рассматривалось как преступление, наказуемое тюремным заключением до 5 лет или штрафом до 5 тыс. долл. Кроме того, осужденный по указанному закону терял избирательное право и допуск на службу в учреждения штата Мэриленд. Законом этим введена была также процедура особой присяги в лояльности для всех кандидатов на государственные должности и чиновников государственных учреждений штата, включая преподавателей государственных школ, а также тех частных учебных заведений, которые, подобно университету имени Джонса Гопкинса, получали финансовую поддержку от властей штата. Причем от служащего или поступающего на государственную службу требовали не только заявление о преданности американской конституции, но и присягу в непричастности к совершению любых действий подрывного характера и в отсутствии каких-либо связей с организациями, ставящими своей целью насильственное (включая и революционное) свержение существующей в США и штате Мэриленд формы правления. Под страхом наказания за лжесвидетельство необходимо было также заверение в правильности всего сказанного и в том, что присягнувший «ничего не скрыл, ничего существенного не упустил и не сделал никаких ложных заявлений»⁷.

Первая реакция американской юстиции на введение обязательной присяги в лояльности в штате Мэриленд

была резко отрицательной. Так, вскоре после вступления в силу закона Обера окружной суд Балтимора признал его неконституционным, подчеркнув, что он противоречит I и XIV поправкам к Конституции США, нарушает процедуру справедливого судебного разбирательства и по существу возрождает запрещенное законом парламентское судебное разбирательство. Однако высшие судебные инстанции отменили это решение. Более того, целый ряд других штатов последовали примеру Мэриленда, приняв аналогичные законы о присяге в лояльности. Среди них печальную известность приобрел калифорнийский закон Леверинга 1950 г., который не только ввел присягу, но и объявил всех государственных служащих Калифорнии бойцами гражданской обороны, предписав им выполнение любых поручений, связанных с ее мероприятиями⁸.

Все эти законы были направлены против коммунистов. Однако принадлежность к коммунистической партии или ассоциация с ней не являлись прямым поводом для отказа в приеме на государственную службу. В этом отношении законодатели штата Джорджия были более откровенны, и принятый ими в 1949 г. в этом штате закон о лояльности учителей прямо требовал присяги в том, что преподаватели не состоят в коммунистической партии, не симпатизируют доктрине коммунизма, ни в какой форме не оказывают и никогда не будут оказывать помощь компартии или способствовать распространению коммунистической доктрины⁹.

Среди реакционных мероприятий первых послевоенных лет особое место занимает принятый в 1947 г.¹⁰ антипрофсоюзный закон Тафта-Хартли. Закон этот наряду с многочисленными положениями, ограничивающими право на забастовку, предоставленное американским профсоюзам законом Вагнера (1935 г.)¹¹, содержал раздел 9 (h), посягнувший на политическую свободу участников профсоюзного движения. Этот раздел включал требование, что профсоюзными правами могут пользоваться только те должностные лица, которые дали письменные заверения Национальной комиссии по трудовым отношениям в том, что они «не являются членами коммунистической партии и не связаны с ней, не состоят членами какой-либо иной организации, считающей необходимым насильственное или иное не-

законное и неконституционное свержение правительства США или проповедующей такое свержение, а также не оказывают поддержки подобным организациям и не разделяют их идеи»¹².

Если сравнить эту статью с положениями уже изложенных законов, ограничивающих гражданские свободы, то нельзя не обратить внимания на следующие ее особенности. Прежде всего указанная статья впервые вводила своеобразную присягу в лояльности для членов общественных организаций. Далее, раздел 9 (h) закона Тафта-Хартли опять-таки впервые и на федеральном уровне отказывал членам коммунистической партии в праве занимать руководящие должности, причем не в государственных учреждениях, а в добровольных объединениях. Наконец, этот раздел лишал указанных прав и тех лиц, которые не являлись членами компартии, но придерживались радикальных политических взглядов, разделяли убеждения коммунистов в правомерности и необходимости революционного изменения существующего строя. Таким образом, федеральный закон впервые провозгласил политическую дискриминацию как за ассоциацию с коммунистической партией, так и за разделение коммунистических и иных радикальных убеждений, причем в сфере, никак не связанной с деятельностью государственного аппарата. При этом дискриминация оформлялась как аффидевит — письменное показание под присягой, являющееся принудительной формой публичного выражения гражданином характера своих политических убеждений. С юридической точки зрения такая концентрация в одной статье положений, подрывающих основные конституционные гарантии свободы убеждений и ассоциаций, была беспрецедентной в федеральном законодательстве США. И именно по этой причине особое значение приобретало отношение к данному вопросу высшего органа конституционного надзора — Верховного суда США.

2. Решение по делу Доудса

Решение, определившее отношение Верховного суда к ст. 9 (h) закона Тафта-Хартли, состоялось в 1950 г. и известно как прецедент по делу Доудса¹³. Специфика этого решения в том, что оно было принято неполным составом суда. В нем участвовало всего шесть судей —

главный судья Винсон, судьи Рид, Бартон, Франкфуртер, Джексон и Блэк. Не приняли же участия Кларк, Минтон¹⁴ и, что особенно важно, Дуглас, отличавшийся уже в то время либеральными взглядами по проблеме гражданских свобод.

Особенность прецедента Доудса также в том, что он представлял собой фактически два решения, а это — крайне редкое явление в практике Верховного суда США. Первое решение, вынесенное большинством в пять голосов против одного¹⁵, признало конституционной ту часть ст. 9 (h), которая предусматривала affidavit об отсутствии связи с коммунистической партией. Мнение большинства было сформулировано главным судьей Винсоном и представляло собой образец юридического крючкотворства и политической демагогии.

Согласно Винсону, формулировкой положения о некоммунистическом affidavite конгресс преследовал лишь одну цель — защиту междуштатной торговли от помех, которые могли возникнуть вследствие политических забастовок, якобы планируемых коммунистами в поддержку политического курса СССР. Винсон признал, что это положение закона Тафта-Хартли ограничивает свободу ассоциации, но якобы лишь косвенно и в самой незначительной степени, ибо речь идет об ограничении свобод нескольких лиц, причем не в связи с пропагандой ими политической доктрины, а в связи с планируемыми «действиями» — политическими забастовками в промышленности. В речи Винсона были демагогические заявления, что «против слова можно бороться лишь словом», «ложные представления и заблуждения следует разоблачать, но не подавлять», что ст. 9 (h) сохраняет незыблемой свободу убеждений и ассоциаций, угрожая коммунистам «лишь возможной потерей постов» в профсоюзах, которыми согласно выводам конгресса они «злоупотребляют в ущерб интересам большинства членов общества»¹⁶.

На несостоятельность этих утверждений указал в своем особом мнении судья Блэк. Им он противопоставил классическую либеральную интерпретацию I поправки как абсолютной гарантии свободы убеждений и выражения взглядов инакомыслящего меньшинства, подчеркнув недопустимость ее ограничения конгрессом США. В этой связи Блэк подверг особой критике доктрину, согласно которой считаются допустимыми «мини-

мальные» ограничения Билля о правах. «Суд заверяет нас,—сказал он,—что сегодняшнее посягательство на свободу незначительно, так как данная статья „затрагивает лишь горсточку лиц определенных политических связей и убеждений...“. Но не меньшим достоинством первой поправки является защита, предоставленная ею каждому члену самого незначительного и неортодоксального меньшинства»¹⁷. Более того, подчеркнул судья Блэк, законы, направленные против какого-либо меньшинства, порождают ненависть, которая быстро выходит из-под контроля, и логика суда в пользу законодательных актов, запрещающих коммунистам занимать руководящие должности в профсоюзах, с очевидной вероятностью распространится и на законы, исключающие возможность избрания коммунистов на государственные посты, их членство в профсоюзах и, в конце концов, «получение или сохранение ими любой работы в целях обеспечения средств существования»¹⁸.

Блэк подверг также критике мнение большинства в той его части, которая допускала особое отношение к коммунистам со стороны конгресса ввиду якобы существующих доказательств их действий по указке иностранной доржавы. Такое отношение к инакомыслящим, согласно Блэку, можно сравнить лишь с отношением к католикам в Англии XVI в. либо с обвинениями в подрывной деятельности в пользу Франции, предъявленными в свое время «федералистами» Джефферсону и его последователям. Категорически отвергая правомерность подобных обвинений, Блэк подчеркнул, что «лицо подлежит наказанию только за его собственное поведение, но не за его убеждения или поведение тех, с кем оно связано»¹⁹, что, какими бы неприемлемыми ни были пропагандируемые той или иной политической партией или организацией идеи, одна лишь ассоциация с такими организациями не может служить основанием для обвинения конкретного лица²⁰.

Как уже отмечалось, четверо судей полностью согласились с мнением Винсона относительно «правомерности» запрещения коммунистам занимать руководящие должности в профсоюзах. Однако относительно ч. II ст. 9 (h) закона Тафта-Хартли, не допускающей к профсоюзному руководству лиц, разделяющих радикальные политические взгляды и убеждения, мнение судей разделилось поровну. Решение, поддерживающее

названное положение, было принято лишь в силу особой позиции по этому вопросу главного судьи Винсона. Суть этой позиции заключалась в том, что конгресс якобы располагает доказательствами, будто некоторые профсоюзные лидеры, не являясь членами коммунистической партии, придерживаются радикальных взглядов и рассматривают забастовки как средство достижения конечных революционных целей. И если эти лидеры займут руководящие посты в профсоюзах, то смогут официально определять политику профсоюзного движения, вследствие чего количество таких забастовок, по мнению Винсона, естественно, возрастет. При этом он подчеркнул, что при определенных обстоятельствах общественность вправе учитывать убеждения того или иного лица, поскольку убеждения — источник действия²¹.

С такой аргументацией, кроме Блэка, не согласились еще двое судей — Франкфуртер и Джексон. Остановившись специально на ч. II ст. 9 (h), касающейся политических убеждений, Франкфуртер признал, что конгресс «забросил свою сеть слишком неразборчиво»²². Пояснение этой мысли, однако, носило крайне путанный характер и сводилось к тому, что требование аффидевита сформулировано в слишком общей форме. По существу же Франкфуртер не отрицал правомерности постановки конкретных вопросов относительно политических взглядов профсоюзных активистов.

Что же касается судьи Джексона, то он выдвинул против этой части ст. 9 (h) не менее принципиальные и категоричные возражения, чем судья Блэк. Конгресс, сказал он, не вправе запрещать никакое мнение или убеждение, не проявившееся в открытом действии, в том числе и политическое. Но ч. II ст. 9 (h) делает это. Даже когда речь идет о государственной измене, заметил Джексон, никакое лицо не может быть осуждено иначе, как в случае совершения им открытых действий в пользу неприятеля (ч. 3 ст. III Конституции США). «Только в самые темные периоды человеческой истории западные правительства занимались расследованием убеждений... которые еще не реализовались в открытые действия»²³. Поэтому, согласно Джексону, всякие попытки определить вину гражданина исходя из характера его убеждений были бы столь же пагубными и противоречащими принципам правосудия, какими бы-

ли в отдаленном прошлом усилия инквизиций на процессах против еретиков.

Более того, в своем мнении по делу Доудса судья Джексон поставил вопрос, от обсуждения которого в то время (1950 г.) всячески уклонялись, ибо он считался крамольным и приписывался коммунистам. Суть же его в следующем: существует ли право на революционное мышление (иметь революционные мысли, думать по-революционному — *to think revolutionary thoughts*). И на этот вопрос Джексон, не колеблясь, дал утвердительный ответ. Конечно, сказал он, такое право существует, поскольку «мы не можем игнорировать тот факт, что наше собственное правительство возникло в революции и легитимно лишь постольку, поскольку насильственное свержение власти может быть иногда оправдано. И это не коммунистическая доктрина, а старое американское убеждение»²⁴. В доказательство сказанному Джексон привел изречения из Декларации независимости, Деклараций прав Пенсильвании и Мэриленда, дневника Джона Адамса, писем Томаса Джефферсона, речей Генри Клея и Авраама Линкольна, сочинений Генри Дэвида Торо и президента Гранта.

Ссылаясь на эти американские традиции, Джексон категорически отверг правомерность каких-либо законодательных мер, направленных против лиц, разделяющих радикальные взгляды. «Наши предки,— отметил он,— предпочли, скорее, согласиться со злоупотреблениями свободной мысли, чем терпеть зло инквизиции... И это не только потому, что мыслящий индивид не представляет опасности для общества, но прежде всего именно потому, что мыслящие, смелые, независимые умы совершенно необходимы для мудрого и осмысленного самоуправления»²⁵.

Лишь такие граждане способны предотвратить ошибки правительства, защитить демократию. Поэтому Конституция США и защищает индивидуальный нонконформизм, исключает нападки правительства на «область мнений и идей, убеждений и сомнений, ереси и ортодоксии — политической, религиозной или научной». Оно не вправе ни под каким предлогом, прямо или косвенно вторгаться в чей-либо образ мыслей. Не может быть и речи о каких-либо правительственных расследованиях или репрессиях в этой области²⁶.

Особое мнение судьи Джексона по делу Доудса — яркий образец либерального подхода к проблеме свободы убеждений, выдержанный в лучших традициях американской мысли. Причем необходимо учитывать, что оно было высказано в обстановке, когда реакция нагнетала атмосферу нетерпимости ко всякому инакомыслию и усилила давление на Верховный суд. Однако последовательно либеральную позицию в деле Доудса занял лишь судья Блэк, категорически отвергнувший обе части ст. 9 (h) закона Тафта-Хартли. Что же касается судьи Джексона, то он, несмотря на горячую защиту свободы убеждений, все-таки присоединился к аргументации Винсона в поддержку явно антиконституционного положения о «некоммунистическом аффилировании». Более того, Джексон даже «усилил» аргументацию Винсона, назвав членство в коммунистической партии или ассоциацию с ней «открытым действием», дающим конгрессу основание для ограничения профсоюзных свобод. Отстаивая право профсоюзных активистов на свободу политических убеждений, Джексон, однако, отказал им в не менее важном и ценном праве на свободу политической ассоциации, что, несомненно, явилось уступкой антикоммунистическим установкам правительства и конгресса. Как раз этот момент надо учитывать при оценке позиции Джексона по еще одному принципиальному решению, а именно о гражданских свободах для коммунистов. Речь идет о деле Денниса и других лидеров компартии США, осужденных на основании реакционного закона Смита.

3. Дело Денниса

Еще летом 1948 г. правительство Трумэна предприняло первую открытую акцию против компартии США. Стремясь добиться успеха в избирательной кампании и доказать несправедливость упреков республиканцев в «чрезмерной мягкости» властей к коммунистам, оно предъявило обвинение 12 членам Национального комитета КП США. Представленное 20 июля большому жюри обвинительное заключение министра юстиции гласило, что лидеры компартии нарушили ст. 3 закона Смита, «вступив в заговор»²⁷ с целью насильственного свержения правительства США путем совершения действий организационного и идеологического характера,

запрещенных ст. 2 того же закона. Конкретно же американским коммунистам инкриминировалось следующее:

1) организация политической партии, руководствующейся принципами марксизма-ленинизма,

2) публикация и распространение книг, статей, журналов и газет, пропагандирующих принципы марксизма-ленинизма,

3) организация школ, курсов и семинаров по изучению марксизма-ленинизма, пропагандирующего необходимость насильственного свержения правительства.

Дело председателя Национального комитета коммунистической партии Уильяма З. Фостера было отложено (выделено в особое производство) ввиду его тяжелой болезни. Остальные же 11 обвиняемых во главе с генеральным секретарем Юджином Деннисом в марте 1949 г. предстали перед федеральным районным судом в Нью-Йорке, председателем которого был судья Гарольд Р. Медина. Процесс длился девять месяцев, шесть из которых суд занимался слушанием показаний и допросами свидетелей. Все подсудимые были признаны виновными и десять из них приговорены судьей Мединой к пяти годам лишения свободы и штрафу в размере 10 тыс. долл. Один из обвиняемых — председатель партийного комитета штата Нью-Йорк Роберт Томпсон — был осужден на трехлетний срок тюремного заключения.

В 1950 г. приговор был утвержден апелляционным судом. Судья Хенд посчитал доказанным обвинение, согласно которому американские коммунисты якобы связывают установление диктатуры пролетариата в США исключительно с насилием и все инкриминируемые им действия направлены на пропаганду насильственного свержения правительства. Он, правда, не решился открыто объявить революционные высказывания незаконными и не пользующимися защитой I поправки к конституции. Однако судья Хенд отверг аргументы адвоката, построенные на концепции «предпочтительных свобод», в соответствии с которой высказывания, не выходящие за рамки пропаганды революционной доктрины, не могут служить основанием для уголовного преследования. Более того, судья Хенд занялся пересмотром всей доктрины Холмса, Брандейза, Кардозо и Стоуна, ревизовав ее в конечном счете в

пользу ограничения свободы политических высказываний.

Остановившись подробно на всех основных прецедентах — от Шенка до Доудса, судья Хенд заявил, что сама по себе фраза «явная и реально существующая опасность» не содержит универсальных критериев для применения ее к делам о свободе политических высказываний, что речь идет о том, чтобы в каждом случае сравнивать и всесторонне оценивать противоречащие друг другу интересы свободы слова и государственной безопасности. Согласно Хенду, суды всегда должны определять степень серьезности возможного причинения вреда государственным интересам и лишь на этом основании устанавливать правомерность или неправомерность соответствующих ограничений свободы политических высказываний. При оценке налагаемых ограничений, подчеркнул Хенд, отдаленный характер опасности не следует абсолютизировать, поскольку главной является именно сама возможность причинения существенного вреда.

Дальнейшее развитие этой идеи Хендом было весьма путаным. Однако суть его рассуждений сводилась к тому, что критерий «явной и реально существующей опасности» оказался подмененным критерием «возможной опасности» (*probable danger*). Причем им была отвергнута не только либеральная концепция «предпочтительной свободы» Стоуна, но исключена также возможность истолкования концепции Холмса в пользу свободы слова для радикальной политической оппозиции.

В мнении, сформулированном судьей Хендом, юридическая казуистика сопровождалась прямыми антикоммунистическими выпадами, заимствованными из высказываний идеологов «холодной войны». Оно не только подтвердило приговор судьи Медины, но и послужило основанием решения, вынесенного в 1951 г. по делу Денниса Верховным судом США²⁸. К мнению главного судьи Винсона, санкционировавшего применение закона Смита против американских коммунистов, присоединились судьи Рид, Бартон и Минтон. С его решением согласились также Франкфуртер и Джексон. Они, однако, сочли необходимым выступить с особыми мнениями, в которых отражалось их собственное отношение к основаниям приговора, вынесенного лидерам американских коммунистов.

Согласно Франкфуртеру, свобода политических высказываний всегда относительна ввиду существования иных социальных интересов, один из которых — обеспечение государственной безопасности. Интересы эти находятся в состоянии конфликта, поэтому никак нельзя обойти проблему балансирования их социальной ценности в конкретной ситуации. Вот почему если и можно применять доктрину «явной и реальной опасности», то только при условии «реалистического взвешивания» интересов свободы слова и национальной безопасности с учетом всего многообразия факторов международного и внутривнутриполитического характера. Причем замена терминов «явной и реальной опасности» термином «вероятной угрозы» сама по себе никак не решает этой проблемы.

По мнению Франкфуртера, озабоченность некоторых вопросом конституционности законодательства или правительственных мероприятий — случай озабоченности «ложной ценностью». Вместо того чтобы определить, разумно или неразумно то или иное мероприятие, вопрос якобы нередко ставится в «формальную» плоскость соответствия или противоречия его букве конституции. С другой стороны, однако, многое из того, что представляется неразумным, тем не менее конституционно.

Прерогативой «взвешивания» ценности социальных интересов в виде соответствующих правовых норм обладает законодатель, но не судья. Законодатели — непосредственные представители и выразители воли народа при демократической форме правления. Лишь они имеют право определять значение тех или иных потребностей и интересов, отдавать предпочтение тем из них, удовлетворение которых должно быть обеспечено в первую очередь. Роль же судьи не в определении разумности или неразумности, правомерности или неправомерности того или иного законодательного акта, оформляющего такое предпочтение интереса, а в правильном применении существующей правовой нормы к обстоятельствам конкретного дела. Причем судья должен поступать сообразно этому принципу даже в том случае, если он считает тот или иной закон социально неоправданным или вообще противоречащим конституции. Именно таким пониманием роли законодателя и судьи руководствовался Франкфуртер при оценке закона

Смита и вынесенного на его основании приговора лидерам американской компартии.

Франкфуртер недвусмысленно признал, что закон Смита, запрещая пропаганду насильственного свержения правительства, существенно ограничивает свободу политических высказываний, тогда как эта свобода представляет собой определенную социальную ценность, поскольку является одной из форм критики действительно существующих недостатков и без которой невозможно проведение необходимых реформ в целях оздоровления общества. Запрещение пропаганды насильственного свержения неизбежно заставит замолчать и тех, кто не занимается ею, но опасается, что их критика может быть истолкована как такая пропаганда. Поэтому, отметил Франкфуртер, полагать, что осуждение лидеров компартии никак не отразится на тех гражданах, которые разделяют убеждение коммунистов в необходимости определенных социальных реформ,—глубокое заблуждение. Напротив, подтверждение этого приговора неизбежно означает ограничение обмена идеями, а без свободы высказываний не может быть и свободы мысли, прекращается жизненно необходимый для общества процесс поиска истины. Но общество, преследуя коммунистов по закону Смита, не только платит высокую цену. Франкфуртер сильно сомневался также в том, что конкретные обстоятельства оправдывают плату этой цены, в связи с чем сослался на авторитет Джорджа Ф. Кеннана, отрицавшего реальность угрозы внутренней безопасности США со стороны американских коммунистов и полагавшего, что правящие круги США сами создают такую угрозу своей реакцией на компартию, ибо делают американцев нетерпимыми, скрытными и жестокими, сеют в них страх перед инакомыслием, а это неизбежно должно привести к утрате веры в себя и силу собственных идеалов. Следовательно, подчеркнул Франкфуртер, применение закона Смита против лидеров компартии, равно как и сам закон, не только репрессивная, но и «совершенно неразумная» мера.

Казалось бы, логика такого мышления должна была привести Франкфуртера к единственно правильному выводу, а именно к оправданию осужденных и признанию самого закона Смита неконституционным. Однако этого не произошло, и Франкфуртер сразу же забыл все

свое либеральное теоретизирование, когда перешел к применению своей концепции «судейской сдержанности» (judicial self-restraint) и «балансирования интересов».

Признав неразумность закона Смита, он тут же заявил, что закон этот тем не менее конституционен и многое из того, что следовало бы отвергнуть как нелиберальное в силу репрессивности, является, однако, конституционным. Более того, не дело отдельных судей и суда в целом даже ставить вопрос о неконституционности закона Смита, поскольку балансирование свободы политических высказываний и интереса обеспечения национальной безопасности — прерогатива исключительно высшего представительного органа власти — конгресса США, принявшего этот закон после серьезного обсуждения проблемы. «Не нам решать, — сказал Франкфуртер, — как согласовывать столкновение интересов, получившее отражение в рассматриваемом нами деле... Конгресс нашел, что опасность, создаваемая пропагандой насильственного свержения правительства, оправдывает соответствующее ограничение свободы слова. Этот вывод был сделан после должного взвешивания и обсуждения, и серьезность намерений конгресса подтверждается объемом законодательства, принятого им для достижения поставленных целей. ... Можем ли мы поэтому говорить, что конституция запрещает конгрессу выносить такое решение? Вправе ли мы создавать конституционную доктрину, запрещающую представителям народа сделать выбор? Вправе ли мы утверждать, что первая поправка лишает высший представительный орган власти возможности принять меры, необходимые, с его точки зрения, для защиты правительства?»²⁹.

Судьи, полагает Франкфуртер, всегда должны смотреть на тот или иной законодательный акт глазами законодателя, исходить из того, что у него были веские основания отдать предпочтение одному интересу в ущерб другому, что обстоятельства, с точки зрения конгресса, были таковы, что на шкале ценностей свобода слова оказалась ниже интереса обеспечения национальной безопасности. Причем особое значение имеет тот факт, что отношение конгресса к данной проблеме не только не изменилось со времени принятия закона Смита в 1940 г., но еще более укрепилось в силу обострения международной напряженности после второй мировой войны. В таких условиях, по мнению Франкфур-

тера, постановка вопроса о неконституционности закона Смита становится еще более неуместной и, как никогда прежде, необходима судебская сдержанность в оценке мероприятий, ограничивающих политические свободы в интересах национальной безопасности. При этом якобы остается в неприкосновенности важнейшая социальная ценность — демократический процесс, всегда сохраняющий за гражданами возможность изменить существующее законодательство с помощью своих представителей в конгрессе, исправить ошибки в «балансировании интересов», допущенные законодателями.

Особое мнение Франкфуртера по делу Денниса составляет в высшей степени странное впечатление. И не только потому, что судья, известный ранее своими либеральными взглядами, спасовал перед силами реакции и антикоммунистическим курсом правительства. Поражает другое, а именно нелогичность мышления и умозаключений этого, несомненно, выдающегося юриста. Совершенно непонятно, как можно признать факт серьезного ограничения свободы политических высказываний и одновременно утверждать, что это не влияет на демократичность американского политического процесса. Франкфуртер сам констатировал, что закон Смита заставляет молчать и тех сторонников реформ, которые не являются членами компартии. А отсюда следует, что после осуждения коммунистических лидеров всякие высказывания против закона Смита становятся опасными. Ведь, по свидетельству самого Франкфуртера, утверждение приговора неизбежно ограничивает свободный обмен идеями, в такой атмосфере поиск истины невозможен. Франкфуртер проводит различие между разумностью и конституционностью — законодательный акт конгресса может быть неразумным, но в то же время конституционным. В этом утверждении содержится недопустимое с точки зрения канонов конституционной доктрины США отрицание той идеи, что американская конституция — образец законодательного оформления «высшего разума», согласованного закрепления принципов демократической формы правления и, кроме того, высший закон страны, верховенство которого по отношению к обычным законам общепризнано. При этом Франкфуртер мыслит не как судья, чей долг — обеспечить соблюдение основного закона своего государства,

а как прагматический законодатель, стремящийся решить конкретную проблему, и несколько не заботящийся о формулировании общих принципов. Последнее слово, однако, он все-таки оставляет за самим законодателем, полагая, что судья не имеет права «на эксперимент» в форме решения, оспаривающего разумность конкретного законодательного акта.

Позиция Франкфуртера по делу Денниса в ряде важных моментов отражает его философию отрицания моральных и иных абсолютов. Будучи представителем прагматического направления в американской юриспруденции, Франкфуртер, как и Уильям Джеймс, отрицал абсолюты, ибо они, полагал он, поработают и парализуют мысль, которая нуждается в свободе, имеет право на эксперимент и ошибку, на выдвижение, смену и проверку гипотез. Относительность суждений объясняется сложностью, динамичностью самой жизни, ставящей все новые и новые проблемы, требующей рассмотрения их с реалистических позиций и т. д. Следуя этой философии, Франкфуртер в свое время правильно подошел к правовому решению ряда серьезных социально-экономических проблем, порожденных стихийностью капиталистической экономики, трезво оценил мероприятия «Нового курса», направленные на преодоление кризиса 30-х годов. Этот его реализм был по достоинству оценен Ф. Рузвельтом, назначившим Франкфуртера в 1939 г. на должность члена Верховного суда. И в те годы философия «судейской сдержанности» объективно содействовала прогрессу, поддерживала правительство и конгресс в проведении необходимых социально-экономических реформ. Отрицание абсолютов также сыграло положительную роль, так как было обращено против «священности и неприкосновенности» принципа частной собственности.

Однако в 50-е годы именно эта философия поставила Франкфуртера в ряды консерваторов, к тому же по такому принципиальному вопросу конституционного права, как соблюдение федерального Билля о правах. Причем позитивное отношение к судейской сдержанности в оценке закона Смита и иных мероприятий, ограничивающих свободу политических высказываний и убеждений, означало откровенную уступку реакции, стремление Франкфуртера избежать конфликта с теми влиятельными силами, которые все настойчивее толка-

ли США на путь антикоммунизма и «холодной войны»³⁰.

Еще более откровенно отход от позиций либерализма проявился в особом мнении судьи Джексона, который дал понять, что доктрина «явной и реально существующей опасности» слишком мягка в отношении лидеров компартии. С его точки зрения, она была сформулирована для относительно «тривиальных» случаев индивидуального высказывания анархистских взглядов, случаев отказа салютовать флагу и т. д. и никогда не применялась в ситуациях, подобных делу Денниса, специфика которого заключалась якобы в том, что здесь имел место значительно более серьезный состав преступления, а именно заговор с целью пропаганды и проповедования насильственного свержения правительства США. При этом Джексон заявил, что конституция не предоставляет защиты даже индивидуальной пропаганде такого рода и что у него не вызывает сомнения право конгресса наказывать не только коллективную, но и индивидуальную пропаганду подрывного характера.

Он, правда, высказал убеждение, что уголовное наказание лидеров американской компартии не будет эффективным, ибо «коммунизм не запрячешь в тюрьму вместе с этими коммунистами» и «никакое решение суда не сможет предотвратить революцию, если существующее правительство не в состоянии обеспечить себе уважение и лояльность своего народа»³¹. Более того, коррупция, неспособность решать назревшие проблемы, инфляция, тяжесть налогового бремени, милитаризация, социальная несправедливость и отсутствие лидеров, способных к «интеллектуальной инициативе» во внутренних и международных делах,—реальные факты политической жизни Запада, на которые обращают внимание коммунисты. Причем в своем стремлении радикально изменить существующее положение вещей они на собственном примере показывают реалистическое понимание тех политических целей, которые поставлены на много лет вперед. Однако все эти признания не помешали Джексону поддержать осуждение лидеров компартии, обвиненных не за «открытые действия», а всего лишь за пропаганду революционных взглядов, квалифицированную им как «заговор». В результате Джексон оказался с теми, кто при помощи обветшалой доктрины о «заговоре» стремился поставить вне закона американ-

ских коммунистов и оправдывал уголовное преследование всех, кто так или иначе был связан с деятельностью радикальных политических организаций.

Однако в деле Денниса, ставшем историческим, не все члены Верховного суда отступились от своих либеральных принципов. Так, судьи Хьюго Лафайет Блэк и Уильям О. Дуглас в своих особых мнениях заявили о своем категорическом несогласии с решением большинства. Назначенные Ф. Д. Рузвельтом на должности членов Верховного суда в годы «Нового курса» как убежденные либералы и сторонники социальных реформ Блэк и Дуглас не изменили своим принципам и в послевоенный критический период американской истории. Они нашли в себе мужество стать на защиту американских коммунистов, не согласиться со своими коллегами, поддавшимися давлению реакционных сил. Аргументация Блэка и Дугласа по этому делу была далеко не одинаковой, что объяснялось некоторыми существенными различиями в их мировоззрении, философских позициях и жизненном опыте. Однако выводы, к которым они пришли, были одинаковыми, и объяснялось это прежде всего устойчивостью их политико-правовых взглядов и убеждений, приверженностью идеалам либеральной демократии.

Позиция судьи Блэка, получившая позднее известность как «абсолютистская», заключалась в строгой приверженности принципам, закрепленным I поправкой к Конституции, в твердом убеждении, что никакие обстоятельства не могут служить оправданием отступления от этих принципов, что любой закон, противоречащий букве и духу I поправки, неконституционен³². Блэк особо подчеркнул, что «первая поправка — краеугольный камень американской формы правления и гарантируемые ею свободы — лучшая гарантия от разрушения всей свободы»³³. При этом, по крайней мере в сфере политических высказываний, критерий «явной и реальной опасности» может применяться лишь в целях защиты гражданских свобод, но никак не их ограничения.

Блэк категорически отверг правомерность обвинений, предъявленных лидерам компартии по закону Смита, подчеркнул неконституционный характер самого этого закона. «Подавших апелляцию, — сказал Блэк, — не обвиняли в попытке свергнуть правительст-

во. Их не обвиняли и в совершении каких-либо открытых действий, совершенных с указанной целью. Их не обвиняли даже в том, что они говорили или писали что-либо такое, что было бы направлено на свержение правительства. Им было предъявлено обвинение в том, что они договорились объединиться и пропагандировать в устной или письменной форме определенные идеи. А именно, им вменялось в вину то, что они решили организовать коммунистическую партию и использовать в будущем устные высказывания, газетные и иные публикации для проповедования и пропаганды насильственного свержения правительства»³⁴. И, какими бы словами ни было сформулировано это обвинение, оно, согласно Блэку, представляет собой одну из опаснейших форм предварительной цензуры слова и печати, запрещенную I поправкой к Конституции.

Настаивая на том, что Верховный суд уполномочен определять соответствие законодательных актов конституции, Блэк категорически отверг утверждения, что I поправка якобы разрешает судьям поддерживать законы, подавляющие свободу слова и печати, на том лишь основании, что конгресс или сами судьи сочтут такую меру «разумной». «Эта доктрина,— подчеркнул Блэк,— сводит на нет первую поправку, превращая ее в простое пожелание конгрессу. При таком толковании первая поправка вряд ли сможет защитить какие-либо идеи, кроме «благонадежных» или ортодоксальных, которые редко нуждаются в защите»³⁵.

Несколько по-иному формулировал свои возражения против решения большинства судья Дуглас. Назначенный на должность члена Верховного суда в 1939 г., он уже в то время был одним из самых ярких представителей реалистической школы права. От «реалистов», работавших в области чистой теории, Дуглас отличался глубокими знанием и пониманием конкретных социальных проблем, чутким отношением к простому человеку, права которого постоянно нарушаются. При этом, если в 30-е годы Дуглас совершенно справедливо усматривал основную угрозу гражданским правам и свободам в беззастенчивых махинациях и злоупотреблениях монополий, то в начале 50-х годов ему как подлинному реалисту с гуманистическими и либеральными убеждениями стал очевиден факт возникновения угрозы этим правам и свободам со стороны самой государст-

венной власти, располагающей наиболее мощным арсеналом средств принуждения и подавления.

Те факты реальной действительности, которые знал Дуглас, убеждали его в неоправданности крайностей антикоммунистического курса, необоснованности и неправомерности уголовного преследования американских коммунистов, несправедливости и незаконности приговора, вынесенного их лидерам. Крайнюю позицию не позволяли ему занять и его глубокие либеральные убеждения, вера в демократические традиции американского народа, высокое чувство гражданственности и ответственности, присущее ему в подходе к решению судеб людей, которым угрожало лишение гражданских прав и личной свободы³⁶.

Особое мнение Дугласа по делу Денниса отличается ясным и реалистическим пониманием содержания, объема и функций гражданских свобод, закрепленных I поправкой к Конституции США. Оно основывалось одновременно на демократической политической традиции и либеральном толковании критерия «явной и реальной опасности».

Согласно Дугласу, свобода слова не абсолютна, и ее пределы наступают тогда, когда она используется для обучения террористическим методам и другим формам «мятежного действия». В то же время сами по себе высказывания идей, включая и идеи в пользу насильственного свержения правительства, не есть еще «открытые действия», которые можно было бы классифицировать как измену или мятеж. В этом смысле применение доктрины о заговоре к политическим высказываниям совершенно недопустимо и неконституционно, поскольку под заговором всегда понималась именно коллективная подготовка «открытых» преступных действий. В рассматриваемом же случае, по мнению Дугласа, налицо как раз непозволительное распространение категории, характеризующей определенный тип незаконных действий, на высказывания, которые открытыми действиями не являются. «Если бы мы имели дело с прецедентом, когда апеллирующие к защите первой поправки обучали технике саботажа, убийства президента, кражи государственных документов, подкладывания бомб, ведения уличного боя и т. д. тогда бы у меня не было сомнения ... Обучение методам террора и другим формам мятежа должно быть

поставлено за пределы, допустимые законом»³⁷. Однако, подчеркнул Дуглас, проблема заключается в том, что обвинение строится лишь на ничем не доказанной презумпции существования злого умысла, причем лидерам компартии приписываются действия, которых они никогда не совершали.

Напротив, в основе обвинения было признание факта, что осужденные изучали марксистско-ленинскую доктрину и занимались организацией такого обучения. Доктрина эта содержалась главным образом в четырех книгах: «Основы ленинизма» И. В. Сталина, «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Государство и революция» В. И. Ленина и «Краткий курс истории ВКП(б)». Согласно Дугласу, изучение и пропаганду содержащихся в этих книгах революционных идей можно объяснить исключительно убеждением коммунистов в справедливости и обоснованности отстаиваемых ими принципов, что является неотъемлемым правом каждой политической партии. При этом Дуглас обратил внимание на то, что Верховный суд никогда не запрещал перечисленные книги, что они по-прежнему лежат на полках библиотек, что даже закон Смита не запрещает преподавать в школах содержащиеся в указанных книгах идеи, хотя это идеи, доказывающие необходимость революционных преобразований.

Усмотрение в подобной пропаганде преступного умысла, заключающегося в насильственном свержении правительства, означает посягательство на гарантированную I поправкой свободу слова, причем, по словам Дугласа, «как только мы становимся на такой путь, то вступаем на территорию, опасную для свобод каждого гражданина». Более того, это можно рассматривать как недопустимое вторжение в область свободы мысли. Домыслы относительно мотивов и целей неизменно приводят к тому, что граждане оказываются под угрозой уголовных санкций «не за то, что они сделали, а за то, что они думали; им выносят приговор не за то, что они сказали, а за умысел, который усматривается в их высказывании»³⁸. Дуглас заявил решительный протест по поводу такого посягательства на свободу слова и убеждений. Он подчеркнул, что обвинительное заключение не инкриминировало совершение каких-либо открытых мятежных действий, объявление же вполне законного высказывания незаконным только

потому, что кто-то сочтет его таковым, означало бы доведение толкования закона против заговоров до ужасающего произвола. При этом подобное толкование неизбежно привело бы к полному разрыву с либерально-демократической традицией и попранию одного из важнейших принципов американской конституционной системы.

Согласно Дугласу, обмен идеями снимает напряжение, которое в противном случае могло бы оказаться деструктивным. Когда идеи свободно конкурируют друг с другом, у ложных концепций мало шансов на популярность. Полное и беспрепятственное обсуждение даже тех идей, которые ненавистны и неприемлемы для подавляющего большинства, способствует преодолению собственных предрассудков и ложных представлений, предохраняет общество от стагнации и застоя, помогает справиться с теми трудностями, которые угрожают любой цивилизации. Правда, оговорился Дуглас, может наступить время, когда даже высказывания потеряют свой конституционный иммунитет. «Слово, безобидное в один год, может раздуть настолько разрушительное пламя в другое время, что должно быть своевременно остановлено в интересах безопасности республики. Таков смысл критерия явной и реальной опасности. Когда ситуация столь критическая, что нет времени предотвратить зло, причиной которого может стать слово, тогда ограничение оправданно и своевременно. В противном случае свобода слова, а именно в ней заключается сила нации, станет причиной ее гибели». Однако, почти дословно повторив мнение Холмса по делу Шенка, Дуглас тут же подчеркнул, что «свобода слова должна быть правилом, а не исключением» и, «чтобы быть конституционным, ограничение должно основываться на чем-то большем, чем страх, эмоциональная оппозиция высказываниям или неприязнь к их содержанию». И ему как реалисту утверждения о якобы существующей угрозе безопасности США со стороны компартии представляются нелепыми, причем, с его точки зрения, подобные утверждения могут делать лишь люди, «одержимые страхом и охваченные паникой»³⁹.

Судья Дуглас, таким образом, в своем особом мнении выступил прежде всего как реалист. В то время он еще не разделял с Блэком абсолютистского толкования

гражданских свобод, гарантированных I поправкой. В целях защиты конституционных свобод для американских коммунистов Дуглас, однако, умело воспользовался доктриной «явной и реальной опасности», придав высказываниям Холмса либеральную трактовку. В тех же целях он обратился к политическим традициям США, сделав акцент на той социальной ценности, которой обладала в рамках этих традиций свобода политических высказываний.

Толкуя I-поправку к конституции, Дуглас не последовал примеру Блэка, усматривавшего в ней абсолютный запрет каких-либо законодательных ограничений свободы слова и печати. По мнению Дугласа, I поправка отражает философию Джефферсона, согласно которой демократическое правительство вправе и даже обязано вмешиваться, если свобода слова и печати переходит в открытые действия против мира и правопорядка. Однако, по твердому убеждению Дугласа, политическому цензору не место при публичном обсуждении политических проблем американского общества и, пока не будет доказано существование чрезвычайных обстоятельств, угрожающих политической системе США, судьи должны охранять свободу слова, строго придерживаться принципа, что уголовные санкции нужно применять против незаконных действий, а не против пропаганды революционной доктрины. Только такое понимание I поправки, подчеркнул в заключение Дуглас, может служить гарантией незыблемости основ политического строя США и обеспечить безопасность демократической формы правления.

Позиция Дугласа по делу Денниса свидетельствовала о том, что он объективно подошел к оценке обстоятельств данного дела, нашел в себе гражданское мужество открыто осудить необоснованные обвинения, предъявленные лидерам компартии США. У обвинения не было и не могло быть никаких доказательств, что привлеченные к суду лидеры компартии намеревались осуществить насильственное свержение правительства или призывали к этому. Пересматривая в 1943 г. дело Шнейдермана, Верховный суд признал, что с самого основания компартии вся ее деятельность и программные документы свидетельствуют о намерении коммунистов США добиться своих целей мирными и демократическими средствами, что партия лишь теоретически

оправдывала применение силы, причем исключительно для предотвращения попыток насильственного контрреволюционного переворота после прихода коммунистов к власти мирным путем⁴⁰. Устав компартии США никогда не содержал положений, которые можно было бы истолковать как подготовку к насильственному свержению правительства. В 1948 г., когда были привлечены к суду ее лидеры, а также в измененном виде в 1951 г., когда Верховный суд рассматривал апелляцию на приговор, устав не только требовал соблюдения демократического принципа подчинения меньшинства воле большинства, но и предусматривал также немедленное исключение из партии тех ее членов, которые проповедовали насилие и террор в качестве средства достижения политических целей.

Компартия США всегда руководствовалась принципиальным положением марксизма-ленинизма о том, что лишь народ является подлинным творцом истории, что законы исторического развития неизбежно приведут к диктатуре пролетариата, что насилие — метод, которым удерживают господство правящие эксплуататорские классы, что к актам индивидуального террора прибегают только провокаторы и враги рабочего класса. Категорически отвергая террор как средство борьбы за власть, американские коммунисты, однако, допускали возникновение в будущем такой ситуации, когда пролетариат, пришедший к власти законным конституционным путем, столкнется с проблемой контрреволюционного насилия, с попытками буржуазии вернуть силой утраченное ею господство. И лишь с подобной ситуацией они связывали возможность и даже необходимость применения ответных мер, контрнасилия, чтобы защитить завоевания трудящихся, не допустить насильственного захвата политической власти теми группами, которые утратили доверие и лишились поддержки американского народа.

Американская реакция, однако, истолковывала устав и программу компартии по-своему, умышленно искажала их смысл, интерпретировала допускаемую коммунистами возможность применения насилия над контрреволюцией как «преступный заговор», призыв к немедленному насильственному свержению правительства США. При этом конечная цель антикоммунистического курса реакции заключалась в том, чтобы полностью

исключить компартию из политической жизни США, лишить ее статуса организации, допущенной к участию в политическом процессе. С этими целями и был принят еще в 1950 г. так называемый Закон о внутренней безопасности⁴¹, известный под названием закона Маккарэна.

4. Закон Маккарэна

Принятию закона Маккарэна, явившегося, по единодушному признанию американских специалистов, самой серьезной законодательной мерой по ограничению гражданских свобод за всю американскую историю, предшествовала длительная борьба в конгрессе США. Еще в середине 40-х годов стали предлагаться различные законопроекты против компартии. Инициатива здесь исходила от палаты представителей, на рассмотрение которой были представлены законопроекты Мундта, Фергюсона, Шепарда, Ренкина и др. Проводя реакционную линию влиятельных группировок монополистического капитала, эти конгрессмены предлагали обязательную регистрацию всех коммунистов в министерстве юстиции в качестве агентов иностранной державы, лишение коммунистов права быть избранными на должности в федеральные органы власти, объявление компартии США вне закона, изгнание из страны всех подозрительных лиц и др.⁴²

Особо реакционный характер носил законопроект Ренкина, предлагавший запретить под страхом уголовного наказания выдвижение от компартии США кандидатов на выборах, любое распространение коммунистических идей и публикаций, оказание какой бы то ни было помощи этой организации и даже само пребывание в ней. Законопроект Ренкина был одобрен 19 мая 1948 г. палатой представителей 319 голосами против 54. Однако ни этот, ни другие законопроекты палаты представителей не стали законами, встретив решительное сопротивление широких прогрессивных слоев населения США, организованных компартией в единый фронт борьбы.

Федеральное правительство было вынуждено временно уступить этому движению протеста, из тактических соображений признать неприемлемыми законопроекты, предложенные палатой представителей. При этом министр юстиции Кларк констатировал, что законо-

проекты Ренкина и Шепарда не могут удовлетворить правительство ввиду их явно антиконституционного характера, ибо требование о регистрации коммунистов в качестве агентов иностранной державы представляет собой запрещенный конституцией «билль об опале» (bill of attainder) и нарушение процессуальной гарантии против самообвинения. Сенат США также посчитал законопроект Ренкина неприемлемым. Более того, с доводами министра юстиции согласилась даже комиссия по расследованию антиамериканской деятельности.

Ни федеральное правительство, ни конгресс не отказались, однако, от самой идеи федерального закона против компартии США. Новым в их подходе к данной проблеме было лишь стремление придать такому закону более респектабельный и «нейтральный» внешний вид, не объявляя открыто компартию вне закона. Кроме того, министр юстиции Кларк настаивал на том, чтобы новый закон в отличие от закона Смита освободил судебные органы от бремени доказательства «виновности» компартии США и ее членов в совершении такого преступления, как антиправительственный заговор. Этот момент заслуживает особого внимания, поскольку процесс над лидерами компартии США, начатый в 1948 г., хотя и завершился их осуждением, однако продемонстрировал всю необоснованность и бездоказательность предъявленных коммунистам обвинений в организации заговора, направленного на насильственное свержение правительства. Именно дело Денниса убедило Кларка в том, что закон Смита — далеко не надежное средство преследования коммунистов, а его применение против них фактически лишь компрометирует правительство и всю систему американского правосудия.

С учетом этих соображений наиболее приемлемыми для правящих кругов оказались законопроекты члена палаты представителей Вуда и сенатора Маккарэна, имеющие много общего с более ранним законопроектом Мундта-Никсона. Однако принятый на их основе Закон о внутренней безопасности 1950 г. далеко не соответствовал только что изложенным соображениям тактического порядка. Более того, крайним реакционерам в ходе обсуждения законопроектов Вуда и Маккарэна удалось одержать верх над умеренными конгрессмена-

ми и добиться внесения в эти законопроекты таких поправок, которые сделали принятый закон (как по форме, так и по содержанию) еще более опасным для гражданских свобод, чем закон Смита, и, несомненно, «самым реакционным из всех когда-либо принятых в Америке законодательным актом, направленным против Билля о правах»⁴³.

Отличительная особенность закона Маккарэна — его откровенная антикоммунистическая направленность, оформленная в виде пространных рассуждений по поводу коммунистической и тоталитарной угрозы. При чтении его текста создается впечатление, что это не законодательный акт, а наукообразный трактат, написанный теоретиком концепции тоталитаризма. Общим рассуждениям о природе тоталитаризма, различиях между тоталитарной и демократической формами правления, стратегии и тактике массовых тоталитарных движений посвящены буквально целые страницы. Причем, как и во всех советологических трактатах, построенных на концепции тоталитаризма, навязчиво повторяется идея о несовместимости целей и средств коммунистического движения с принципами либерально-демократического политического строя, о той «опасности», которую представляет собой компартия для «плюралистической демократии» в США и иных странах Запада⁴⁴.

Вторая особенность закона Маккарэна, органически вытекающая из подобных псевдотеоретических рассуждений относительно «коммунистической угрозы», — беспрецедентная социально-политическая и юридическая демагогия, выраженная в форме утверждений, что закон этот якобы не только не нарушает конституционные свободы американских граждан, но, напротив, защищает их. Демагогическая апелляция к основным положениям конституции и закрепленным в ней либеральным принципам гражданских свобод видна во многих местах текста этого закона. Однако своего апогея она достигает в его преамбуле, где содержится широковещательная декларация, утверждающая, будто «ничто в этом акте не должно истолковываться как допускающее или устанавливающее... цензуру или каким-либо иным образом ограничивающее свободу слова, печати и политических организаций»⁴⁵. Между тем закон Маккарэна представляет собой посягательство на все

традиционные гражданские свободы, и прежде всего на свободу политической ассоциации.

Закон Маккарэна не запрещал прямо компартию США. В нем были более неопределенные термины — «организация коммунистического действия» и «организация коммунистического фронта». Однако в своем докладе сенатор Маккарэн откровенно заявил членам юридической комиссии, что именно компартия является «организацией коммунистического действия» в США. Введение этих менее определенных терминов давало американской реакции возможность предпринять наступление не только на компартию, но и на любые другие прогрессивные организации, поскольку означало не что иное, как установление весьма удобного с практической точки зрения критерия ограничения свободы ассоциации вообще. Причем решение вопроса о принадлежности той или иной организации к «коммунистическому фронту» было предоставлено специально созданному для этой цели административному органу — Комиссии по контролю над подрывной деятельностью⁴⁶, которой было поручено составить соответствующий список.

Включение той или иной организации в такой список официально провозглашалось лишь как требование зарегистрироваться в министерстве юстиции (ст. 7 (d) ч. I закона). Причем говорилось, что регистрация коммунистических организаций — якобы совершенно естественное требование и подобна регистрации врачей, адвокатов, участников предвыборных кампаний, съездов, собраний и т. д. Это, однако, была чистейшая демагогия. Во-первых, в США действует специальный закон, запрещающий любой политической партии публиковать списки своих членов, поскольку такая публикация трактуется как нарушение права личности свободно придерживаться своих убеждений⁴⁷. Во-вторых, ни врачи, ни адвокаты, ни представители каких-либо иных профессий, в отношении которых предусмотрена регистрация в правительственных органах, не считаются подрывными элементами. Что же касается закона Маккарэна, то он, требуя регистрации коммунистических организаций, предусмотрел для них и их членов такие ограничения, которые, по справедливому замечанию известного американского юриста Т. Эмерсона, точнее всего можно характеризовать как «смертный приговор»⁴⁸.

Прежде всего закон Маккарэна утверждает, что «коммунистические организации в США... создают явную и реальную угрозу безопасности общественного строя и существованию свободных американских институтов», образуют «группу агентов иностранного коммунистического государства, стремящегося свергнуть правительство США». В законе неоднократно повторяется мысль, что наличие в США коммунистических организаций — «случайное явление». Более того, в ч. I закона Маккарэна, официально называемой «Закон о контроле над подрывной деятельностью», есть специальная статья, согласно которой «коммунистическая организация во всех отношениях является преступной, подрывной и не свободной в своих действиях, так как зависит от иностранной коммунистической державы» (ст. 6) ⁴⁹. Естественно, что регистрация любой политической партии или какой бы то ни было иной организации, классифицированной таким образом, ставила ее под полный контроль правительства, лишала возможности свободно осуществлять свою деятельность, особенно если учесть, что при регистрации требовались исчерпывающие данные о должностных лицах организации, ее членах, финансовых операциях, состоянии печатного оборудования и т. д. ⁵⁰

Однако для членов коммунистических организаций последствия регистрации были наиболее тяжелыми. Закон Маккарэна лишал их права занимать любую невыборную должность на государственной службе США, пребывать на любой должности любого предприятия оборонного значения. Вопиющим нарушением гражданских свобод лиц, зарегистрированных или подлежащих регистрации на основании закона Маккарэна, было лишение их права на получение заграничного паспорта, его продление или пользование им. Более того, даже сам факт обращения за получением такого паспорта официально объявлялся уголовным преступлением, караемым штрафом до 10 тыс. долл. или тюремным заключением до пяти лет, либо тем и другим. Это положение, правда, никогда не применялось. Но госдепартамент неоднократно отказывал в выдаче заграничных паспортов У. Дюбуа, Г. Холлу, Г. Уинстону и другим американским марксистам и руководителям компартии США.

Закон Маккарэна грубо попирает также процессуальные гарантии прав личности. Так, созданное на его основании Управление по контролю над подрывной деятельностью имело не только административные, но и широкие следственные полномочия. Ему было предоставлено право вызывать и допрашивать свидетелей, проводить публичное разбирательство деятельности «подрывных» организаций. Причем, хотя оно не имело полномочий определять меру наказания, его решения носили квазисудебный характер, поскольку являлись основанием для уголовного преследования членов «подрывных» и коммунистических организаций, предотвратить которое можно было лишь апелляцией в высшие судебные инстанции. Что же касается следственных полномочий комиссии, то они были прямым посягательством на V и VI поправки к Конституции США, гарантирующие каждому обвиняемому право на справедливое публичное разбирательство его дела беспристрастным судом присяжных.

Как уже отмечалось, федеральное правительство (в частности, министр юстиции Кларк) столкнулось с серьезными трудностями при применении на практике тех направленных против коммунистов положений закона Смита, которые объявляли преступлением заговор с целью насильственного свержения правительства. Сама по себе концепция «заговора» была слишком жесткой, неудобной для преследования коммунистов, налагала на правительство непосильное бремя доказательств несуществующей вины. В результате все законопроекты, которые так или иначе основывались на этой концепции, были отклонены. Однако реакционными силами конгресса все-таки удалось включить положение о заговоре в текст принятого закона Маккарэна. Статья 4 (а) ч. I Закона о внутренней безопасности, содержащая это положение, исключила лишь прямое упоминание о насильственном свержении правительства в качестве цели американских коммунистов, связав понятие «заговор» с деятельностью иностранных правительств и организаций, враждебных США. «Считается противозаконным,— говорилось в этой статье,— если какое-либо лицо сознательно объединяется, тайно сговаривается или соглашается с другим лицом совершить действия, в значительной мере содействующие установлению в Соединенных Штатах тоталитарной диктату-

ры... руководство которой или контроль над которой вверяется иностранному правительству, иностранной организации либо иностранцу, осуществляется или направляется ими»⁵¹. В этой статье, однако, содержалась формальная оговорка, что данное положение о заговоре не должно применяться в тех случаях, когда вопрос об изменении формы правления США ставится в порядке законной процедуры предложения соответствующей поправки к федеральной конституции.

Однако ни эта оговорка, ни исключение из текста такого состава преступления, как насильственное свержение правительства, нисколько не уменьшили реакционной направленности закона Маккарэна. Более того, в нем, по признанию большинства специалистов, понятие «заговор» по сравнению с законом Смита было намного шире и сформулировано настолько расплывчато («значительное содействие установлению в США тоталитарной диктатуры»), что правительственные органы получили практически неограниченные возможности ущемлять гражданские свободы тех, кто придерживается радикальных политических взглядов. Кроме того, ст. 22 закона Маккарэна предусматривала депортацию каждого иностранца, распространяющего печатные материалы, в которых защищаются экономические и политические концепции «тоталитаризма» либо просто высказывается убеждение в их правильности. Аналогичное наказание налагалось и за связь с организацией, распространяющей такие материалы. При этом не требовалось даже доказательств того, что иностранец руководствовался преступными намерениями.

Беспрецедентной в законодательной истории США была и ч. II закона Маккарэна, предусматривавшая аресты всех лиц, подозреваемых в подрывной деятельности, а также их интернирование в концентрационные лагеря в случаях иностранного вторжения на территорию США, восстания с целью поддержки внешнего врага или объявления конгрессом войны. При введении же президентом США в таких ситуациях чрезвычайного положения для обеспечения внутренней безопасности министр юстиции был обязан арестовывать и заключать в концентрационный лагерь «каждого, в отношении кого имелись достаточные основания предполагать, что он может принять участие в шпионаже или саботаже либо способен вступить с подобными намерениями в

сговор с другими лицами»⁵². Таким образом, узаконивалась возможность по одному лишь подозрению интернировать десятки тысяч американцев, которых заведомо лишали конституционных гарантий неприкосновенности личности и которым отказывали в традиционной для англо-американского уголовного процесса презумпции невиновности⁵³.

Парадоксально, но ч. II закона Маккарэна была предложена либералом, а именно сенатором Килгором, причем предложена вместо всего законопроекта Маккарэна—Вуда, а не в дополнение к нему. Однако этот тактический маневр либералов не удался, и в результате законопроект Килгора лишь усилил драконовский характер закона. Причем опасность положения усугублялась тем обстоятельством, что он был принят во время войны в Корее и резкого обострения международной напряженности в целом.

Однако, несмотря на то что США вмешались в корейский конфликт, ч. II и ст. 4 (а) ч. I Закона о внутренней безопасности не были приведены в действие. Решающую роль в этом сыграли прогрессивные силы Америки, организовавшие широкую кампанию против закона Маккарэна, разоблачавшие на страницах газет и журналов беспрецедентность его антиконституционных положений. Немалое значение имел и тот факт, что президент Трумэн наложил на этот закон вето, несмотря на то что в свое время сам организовал кампанию проверки лояльности всех федеральных служащих. Причем президент считал необходимым изложить конкретные основания своего принципиального несогласия с большинством положений Закона о внутренней безопасности⁵⁴.

5. Маккартизм *как кульминация кризиса конституционализма в США*

Принятие закона Маккарэна, официально вступившего в силу 23 сентября 1950 г. вопреки вето Трумэна, знаменовало наступление в политической жизни США особого этапа, известного под названием «маккартизм». Его специфика заключалась в том, что в 1950—1954 гг. стиль и методы антикоммунизма стали в значительной

степени определяться ранее малоизвестным сенатором из штата Висконсин Джозефом Маккарти. А отличительной их чертой было не только откровенное игнорирование конституции и Билля о правах, но и бесцеремонность и амбиции самого Маккарти, претендовавшего на неограниченные полномочия в борьбе с «подрывными элементами» и вмешивавшегося во все сферы государственной, общественной и культурной жизни страны. В политике США стал доминировать демагог, официально не имевший никаких прав в области обеспечения внутренней безопасности: Маккарти возглавлял всего лишь один из сенатских подкомитетов (комитета по правительственным операциям), статус которого не был определен и в функции которого расследование подрывной деятельности вообще не входило. При этом в своей инквизиторской практике подкомитет Маккарти не гнушался никакими средствами, вплоть до использования шпионов, провокаторов и платных осведомителей.

Однако было бы принципиально неверным сводить маккартизм только к деятельности этого политика и демагога. Маккартизм как явление возник не на пустом месте. Он был подготовлен целой системой антикоммунистических мероприятий и стал закономерным выражением политического курса реакционных правящих кругов США. В наступлении на гражданские свободы принимали участие реакционеры, занимавшие видные посты на всех уровнях государственной власти. Причем в самом конгрессе у Маккарти были сильные конкуренты, которые в борьбе с «подрывными элементами» мало чем уступали подкомитету Маккарти в своем рвении и методах.

В годы маккартизма особой активностью отличался сенатский подкомитет по вопросам внутренней безопасности, возглавляемый Патриком А. Маккарэном, Джеймсом О. Истлендом и Уильямом Е. Дженнером. Не менее ретиво занимался расследованиями «подрывной» деятельности частных благотворительных организаций специально созданный при палате представителей Комитет по обследованию фондов, не облагаемых налогами. Но самым серьезным конкурентом подкомитета Маккарти в конгрессе США была пресловутая Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, созданная еще в 1938 г. Как уже отмечалось,

большинство исследователей считает, что деятельность именно этой комиссии подготовила маккартизм. Причем, на наш взгляд, достаточно оснований имеют те из них, которые утверждают, что, не будь этой комиссии, не было бы и пресловутого подкомитета Маккарти: последний стал действовать в 1950 г. именно как орган сената, конкурирующий с комиссией палаты представителей в расследовании деятельности «подрывных» организаций и элементов. Да и у самого сенатора Маккарти были в комиссии палаты представителей столь же печально известные предшественники и конкуренты — конгрессмены Дайес и Ренкин.

Расследовательская деятельность комитетов конгресса представляла собой откровенное посягательство законодательной власти на основные конституционные принципы политического строя США. Прежде всего комитеты конгресса грубо нарушали I поправку к конституции, особенно положения, касающиеся свободы слова и убеждений. Они лишали допрашиваемых права на справедливое разбирательство, попирали закрепленные V поправкой гарантии от самообвинения, привлекая к ответственности тех, кто отказывался отвечать на вопросы, не желая свидетельствовать против самого себя. Комитеты нарушали также принцип VI поправки, не разрешая обвиняемым задавать вопросы обвинителям и иметь свидетелей в свою пользу.

Но самым серьезным нарушением законности в деятельности комитетов конгресса было игнорирование принципа разделения властей, лежащего в основе американской конституции. Они бесцеремонно вторгались в сферу компетенции исполнительной власти, присваивали себе функции различных правительственных ведомств, ответственных перед президентом США. Причем наибольшую опасность представляли практика присвоения этими комитетами судебных функций, превращавшая их в законодательные «суды», которые действовали одновременно и как государственные обвинители, и как коллегии присяжных. Тем самым была возрождена опаснейшая практика парламентского осуждения, запрещенная американской конституционной традицией⁵⁵. Однако такое беззаконие стало возможно лишь потому, что расследовательские комитеты не только опирались на реакционное большинство в самом конгрессе, но и пользовались также неизменной поддержкой

различных органов исполнительной и судебной власти. Во многих же случаях комитеты конгресса были всего лишь конкурентами правительственных ведомств, претендовавших на самостоятельную роль в кампании против «подрывных элементов».

Весьма неблагоприятную роль в этой кампании сыграло министерство юстиции США. Зловещим парадоксом назвал Корлис Ламонт тот факт, что это ведомство, призванное проводить законы в жизнь, первым же и попирало их. Особенно серьезные нарушения законности допускало Федеральное бюро расследования министерства юстиции, занимавшееся политической слежкой и подслушиванием телефонных разговоров. Вместо борьбы с уголовной преступностью оно сосредоточило внимание на сборе информации о политических взглядах и убеждениях миллионов американцев. «В результате,— по словам К. Ламонта,— оно превратилось в *политическую полицию* и заложило, таким образом, основы полицейского государства»⁵⁶. При этом ФБР широко использовало платных шпионов и профессиональных осведомителей, не гнушаясь даже услугами лже-свидетелей, подобных Мэннингу Джонсону и Харви Матусоу.

Но самым возмутительным было то, что незаконная деятельность ФБР не только не пресекалась, но даже поощрялась самим министром юстиции Гербертом Браунеллом, занявшим этот пост в правительстве Дуайта Эйзенхауэра. Браунелл сыграл также активную роль в проведении в жизнь закона Маккарэна, обратившись в 1953 г. в правительственное управление по контролю над подрывной деятельностью с инициативой о регистрации компартии США в качестве организации «коммунистического действия» и с предложением включить в список организаций «коммунистического фронта» 12 прогрессивных и либеральных организаций. Всего же с 1953 по 1955 г. число «подрывных» организаций было доведено до 279⁵⁷.

Но «вершиной успеха» министра юстиции было то, что в 1954 г. ему удалось добиться утверждения конгрессом Закона о контроле над коммунистами (закон Браунелла—Батлера), поставившего коммунистическую партию вне закона и лишившего ее вообще «всех прав, привилегий и гарантий, предоставляемых любой законной организацией» (в том числе даже таких элементар-

ных прав, как сбор членских взносов, открытие и содержание текущего счета в банке, обращение с иском в судебные органы и выдвижение кандидатов на выборные должности). По закону Браунелла—Батлера сама принадлежность к коммунистической партии была объявлена преступлением, караемым тюремным заключением сроком до 5 лет и штрафом до 10 тыс. долл. Закон ввел также понятие «организация, засоренная коммунистами», под которое подпадали все организации, чье руководство согласно Управлению по контролю над подрывной деятельностью классифицировалось как «агенты коммунистического движения или лица, оказывающие ему поддержку»⁵⁸. Это положение было направлено прежде всего против профсоюзов. Угрожая им потерей всех прав, предоставленных законом Вагнера, оно явилось реакционной поправкой к закону Тафта—Хартли, еще более усугубило его антирабочую сущность. Причем Браунелл не замедлил воспользоваться этим положением своего закона, обратившись в 1955 г. в Управление по контролю над подрывной деятельностью с предложением объявить Межнациональный союз рудокопов и рабочих цветной металлургии «организацией, засоренной коммунистами».

Оценивая деятельность органов федеральной власти в период маккартизма, нельзя не остановиться на роли президентов Трумэна и Эйзенхауэра. Первый налагал вето на большинство реакционных законопроектов конгресса, в том числе и на закон Маккарэна—Уолтера «Об иммиграции и гражданстве» 1952 г.⁵⁹, назвав его «грубым и репрессивным», «худшим, чем гнусный Закон об иностранцах 1798 г.»⁶⁰. Однако, как мы видели, именно Трумэну принадлежала инициатива кампании по проверке лояльности государственных служащих. При этом с годами он не только не ослабил усилий в этом направлении, но еще более усугубил положение, издав в 1951 г. новый административный приказ, допускавший увольнение служащих в случае «серьезных сомнений» относительно их лояльности (тогда как ранее требовались «серьезные основания» — членство в конкретных «подрывных организациях», значащихся в списке министра юстиции, соучастие в них или связь с ними).

Президент Эйзенхауэр пошел на еще больший произвол. При нем чистка федерального аппарата приобрела особенно широкие масштабы, а сам президент сделал

заявление о рекордном числе «подрывных элементов», изгнанных с государственной службы. В отличие от своего предшественника он ни разу даже не пытался наложить вето на многочисленные реакционные законопроекты обеих палат конгресса. Мало того, в 1954 г. в послании конгрессу Эйзенхауэр предложил дополнить закон Маккарэна—Уолтера еще более драконовским законом об экспатриации—лишении американского гражданства любого лица (даже уроженца США), обвиняемого в сознательном и активном участии в заговоре с целью насильственного свержения правительства.

Надо сказать, что в 1954 г. правительство Эйзенхауэра и конгресс побили все рекорды, утвердив не менее восьми законопроектов, грубо поправших конституцию и Билль о правах и реализовавших, как это ни парадоксально, значительную часть программы уже скомпрометированного сенатора Маккарти⁶¹. Это был, по справедливому замечанию К. Ламонта, «маккартизм, облеченный в форму законности»⁶². Что же касается Верховного суда, то он не только не препятствовал такого рода «законности», но своей «сдержанностью» лишь углублял кризис конституционализма в США. Большинство его решений прямо противоречило основной его задаче—охране конституции и Билля о правах, причем, по словам американского исследователя Джона П. Фрэнка, «эра Маккарти—Маккарэна, развернув репрессии, едва поспевала за одобрением их судом Винсона»⁶³.

Не удивительно, что в эти годы реакционные законодатели отдельных штатов, а также местные власти начали широкое наступление на гражданские свободы американцев. Были приведены в действие все существовавшие в книгах статутов реакционные акты—от старых законов о «преступной анархии» и «мятежах» до послевоенных законов о «присяге в лояльности» и «устранении подрывных элементов» типа мэрилендского закона Обера и нью-йоркского закона Файнберга. Причем все новые штаты в срочном порядке принимали законы, призванные гарантировать лояльность служащих и искоренить любые формы «подрывной деятельности»⁶⁴.

Не меньшую активность в борьбе против «подрывных элементов» проявляли в годы маккартизма различные консервативные общественные организации. Например, в Голливуде установилась самоцензура. В го-

родах многочисленные общественные цензорские комиссии запрещали показ фильмов или постановку театральных пьес, которые казались обывателям неприемлемыми с политической точки зрения либо «непристойными» в силу религиозного ханжества. Эти же комиссии нередко занимались цензурой книг и иных печатных изданий, добиваясь изъятия из школьных библиотек некоторых учебников, оказывая давление на издателей и книготорговцев с целью заставить их отказаться от издания и распространения «крамольной» и «непристойной» литературы.

В годы маккартизма серьезные испытания выпали и на академическую свободу. Причем, если в государственных школах и колледжах ограничительные меры, например проверка преподавателей в лояльности, применялись властями, то в частных колледжах и университетах инициатива ограничения академической свободы принадлежала, как правило, общественным попечительским советам, а иногда даже самому руководству этих высших учебных заведений, стремившемуся насадить ортодоксальность и конформизм.

Представляя собой массовую кампанию наступления реакции на гражданские свободы, маккартизм создал в стране атмосферу всеобщего страха и подозрительности, внедрил в общественное сознание стереотипы слепого конформизма и нетерпимости к инакомыслию. «После 1950 г. следующие четыре года были в определенном отношении,— писал профессор Лео Пфедфер,— самыми трагичными в истории нашей страны. Американский народ был болен очень серьезной болезнью. Мы как нация впервые утратили рациональность, а с нею чувство приличия, честности, милосердия и даже справедливости, когда дело хоть в какой-то мере касалось проблемы коммунизма»⁶⁵.

Маккартизму, однако, не удалось добиться фашизации политического режима США. Реакция не смогла подавить прогрессивные организации в стране. Драконовские законы не сломили мужество американских коммунистов, которые продолжали бороться за свои идеалы и восстановление конституционных прав, используя все оставшиеся в их распоряжении легальные средства и в первую очередь свободу печати, ликвидировать которую, несмотря на все усилия, так и не удалось Маккарти и его сторонникам в конгрессе США.

Но самая большая слабость маккартизма заключалась в том, что стиль и методы борьбы против коммунизма, насаждавшиеся Маккарти и ему подобными, не находили одобрения значительной части граждан из средних и высших слоев американского общества. Многие не только считали этот стиль и методы чуждыми американским политическим традициям, но нередко открыто заявляли об этом через оставшиеся свободными каналы коммуникаций. И чем очевиднее становилась одиозность маккартизма, тем активнее становились силы оппозиции.

6. Оппозиция маккартизму и первые либеральные решения суда Уоррена

Оппозиция маккартизму наиболее сильно проявилась в системе массовой информации. «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн», «Нэшнл гардиан», «Чикаго трибюн», «Вашингтон пост» и другие ведущие американские газеты раньше других буржуазных органов массовой информации осознали пагубность этого явления для политической системы США, с каждым годом усиливали его критику, разоблачали наиболее вопиющие проявления беззакония и произвола.

В оппозиции маккартизму оказались лучшие представители американской творческой интеллигенции. Духом глубокой гражданственности, вдохновившей борников гражданских свобод, было проникнуто историческое письмо одного из величайших умов XX столетия — Альберта Эйнштейна, в котором он призывал всех честных американцев занять принципиальную позицию «конституционного несотрудничества» с инквизиторами из сената и палаты представителей. Прогрессивная интеллигенция того времени вдохновлялась также гуманистическими идеалами политической свободы, сформулированными выдающимся педагогом и публицистом Александром Майклджоном. Пламенным и неутомимым борцом за гражданские свободы был Корлис Ламонт, отстаивавший академическую свободу для всех преподавателей и ученых, придерживавшихся радикальных политических взглядов. С критикой наиболее крайних проявлений маккартизма выступали также многие

политологи, юристы и представители духовенства. Даже в федеральном конгрессе участились выступления против реакционных законов и наиболее одиозных акций расследовательских комитетов. Причем 2 декабря 1954 г. сенаторам А. Уоткинсу, Р. Фландерсу и Л. Б. Джонсону удалось добиться одобрения проекта резолюции, осудившей в форме «вотума недоверия»⁶⁶ зарвавшегося сенатора Маккарти.

Серьезные либеральные сдвиги наметились и в Верховном суде США. Главный судья Эрл Уоррен, сменивший в 1953 г. скончавшегося консерватора Винсона, отличался от своего предшественника исключительным активизмом и, что особенно важно, реалистическим пониманием назревших социально-политических проблем и той роли, которую Верховный суд был призван играть в их решении. Хотя Уоррен и не разделял полностью взглядов Блэка и Дугласа, однако в целом он занял либеральную позицию по вопросу гражданских свобод, особенно когда речь шла о превышении расследовательскими комитетами своих полномочий и нарушении ими гарантий V поправки к конституции и иных процессуальных прав личности. Позиции Блэка и Дугласа еще более укрепились в 1956 г., когда на должность члена Верховного суда был назначен Уильям Дж. Бреннан — юрист, известный своими глубокими убеждениями в социальной ценности института гражданских свобод и принципа справедливого судебного разбирательства.

Такие изменения в составе суда, а также наметившееся после Женевских соглашений 1954 г. смягчение международной напряженности и внутривнутриполитического климата США оказали самое непосредственное влияние на позицию этого высшего органа американского правосудия, который все чаще стал высказываться в пользу гражданских свобод. Правда, в те годы, его решения, как правило, не ставили принципиального вопроса о неконституционности самих правительственных мер по обеспечению внутренней безопасности. Тем не менее значение этих решений было, бесспорно, положительным, поскольку они защищали права и свободы конкретных граждан.

Одним из первых либеральных решений такого рода была отмена в 1956 г. приговора, вынесенного на основании действовавшего в штате Пенсильвания закона «о подстрекательстве к мятежу», который копировал

многие положения федерального закона Смита. Формулируя мнение большинства (шесть против трех), главный судья Уоррен, не объявляя этот закон Пенсильвании антиконституционным, признал его недействительным на том формальном основании, что федеральное законодательство по обеспечению внутренней безопасности носит исчерпывающий характер и потому не оставляет места для штатного законодательства, что борьба против подрывной деятельности — функция только федеральной власти, а внутренняя безопасность — область, где доминирует именно федеральный интерес, и поэтому конкуренция местных властей с администрацией федерального правительства недопустима⁶⁷. В результате этого решения в 1956 г. были отменены или прекращены все дела, связанные с применением штатного законодательства против «подрывной деятельности», и в 42 штатах, а также на территории Гавайев и Аляски перестали действовать законы «о подстрекательстве к мятежу» (по крайней мере частично).

Не менее важным с точки зрения реальной защиты гражданских свобод было также решение по делу Уоткинса, вынесенное в 1957 г.⁶⁸

Уоткинс, профсоюзный администратор, в свое время отказался отвечать на вопросы одного из расследовательских комитетов конгресса о принадлежности ряда лиц к коммунистической партии, за что и был осужден.

Отменяя этот приговор, Уоррен, сформулировавший мнение большинства (шесть против одного), заявил, что расследовательские полномочия конгресса имеют свои пределы, причем совершенно недопустимо вторжение в частную сферу, которая никак не связана с осуществлением конгрессом своих законных функций. Никакое законодательное расследование, подчеркнул Уоррен, не самоцель. Оно должно иметь прямое отношение к задачам, сформулированным законом. Тем более недопустимо расследование, нарушающее гарантированные I поправкой свободы слова, печати, религии, ассоциации и политических убеждений. Не отвергая в принципе возможность вмешательства администрации в сферу осуществления этих свобод, Уоррен, однако, отметил, что оно может быть оправдано лишь конкретной потребностью законодателя, но никак не расплывчатыми резолюциями, а тем более личными политическими амбициями того или иного члена расследовательской

комиссии. Заметим, что Уоррен сослался здесь на историю Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, осудив практиковавшееся ею в широких масштабах вмешательство в частную жизнь и дела граждан. Не преминул он также бросить упрек самому конгрессу, наделившему названную выше комиссию «лицензией на охоту» и уполномочившему ее расследовать «антиамериканскую деятельность», не раскрыв содержания этого термина⁶⁹.

Те же аргументы были повторены и развиты Уорреном в том же, 1957 г. в решении, отменившем обвинительный приговор одному профессору за отказ отвечать на вопросы министра юстиции Нью-Гемпшира относительно его деятельности в прогрессивной партии во время избирательной кампании 1948 г. и по поводу одной лекции на политическую тему, когда-то прочитанной им в университете штата Нью-Гемпшир. Отменяя приговор судов этого штата, Уоррен, к мнению которого присоединились Блэк, Дуглас и Бреннан (с особыми мнениями, но в поддержку Уоррена выступили также Франкфуртер и Харлан), заявил, что принудительный допрос свидетеля относительно его прежних политических высказываний и убеждений является настолько серьезным посягательством на свободу личности, что может быть санкционирован только в особых случаях, специально установленных конгрессом⁷⁰.

В 1956—1957 гг. Верховный суд вынес еще ряд постановлений в защиту гражданских свобод, хотя при этом и не ставил под сомнение конституционность самих правительственных мероприятий по обеспечению внутренней безопасности.

Так, по делу Слочовера было признано неконституционным автоматическое увольнение преподавателей за один лишь факт отказа отвечать на вопросы расследовательских комиссий относительно членства в так называемых подрывных организациях⁷¹. В двух других решениях, вынесенных в один день, Верховный суд объявил незаконной практику автоматического отказа юристам в приеме на работу в коллегии адвокатов лишь по той причине, что они когда-либо состояли в компартии или отказались отвечать на вопросы относительно их политических убеждений. Было подтверждено право ознакомления с отчетами ФБР в случаях необоснованных обвинений, а также запрещено увольне-

ние некоторых категорий государственных служащих на основании одного лишь подозрения в сочувствии «коммунистам»⁷². Характерно, что, занимая уклончивую позицию относительно закона Маккарэна и вернув в 1956 г. на дополнительное рассмотрение в Управление по контролю над подрывной деятельностью дело, касающееся регистрации компартии как подрывной организации⁷³, Верховный суд тем самым отсрочил уголовное преследование организации американских коммунистов. В отношении же закона Смита все-таки было вынесено одно решение принципиального характера.

Среди 89 членов компартии, осужденных на основании этого закона, 14 человек состояло в парторганизации Калифорнии и было обвинено «в заговоре» с целью пропаганды и организации подготовки «насильственного свержения» правительства США. В 1955 г. Верховный суд принял к рассмотрению апелляцию осужденных и в 1957 г. шестью голосами против одного оправдал пятерых из них — Коннелли, Кузнеця, Ричмонда, Спектора и Стейнберга — за отсутствием доказательств их вины, а дела девяти остальных — Карлсона, Доббса, Фоке, Хили, Ламберта, Лима, Шнайдермана, Стэкка и Йейтс — вернул на повторное рассмотрение, отменив обвинительные приговоры и предписав районному суду руководствоваться новым, более либеральным и ограничительным толкованием положений закона Смита⁷⁴.

Суть этого нового толкования заключалась в том, что Верховный суд исключил из понятия «пропаганда насильственного свержения правительства» обсуждение и распространение «абстрактной доктрины», а само понятие пропаганды, наказуемой по закону, ограничил призывами к совершению «незаконных действий». Тем самым по существу был отменен прецедент Денниса, хотя судья Харлан, сформулировавший мнение Верховного суда, всячески пытался реабилитировать Винсона — автора решения большинства в 1951 г.⁷⁵ Важное значение имел также тот момент, что Харлан категорически отверг предъявленное осужденным обвинение в создании «подрывной» организации, резонно заметив, что компартия как организация была восстановлена в 1945 г. и поэтому действия по ее созданию могут быть отнесены лишь к тому времени. Таким образом, само членство в компартии утратило силу абсолютного доказательства причастности к «заговору», тогда как в деле

Денниса обвинение лидеров компартии строилось именно на этой основе.

Непосредственным результатом рассматриваемого решения, известного в литературе под названием «прецедент по делу Йейтс», было значительное затруднение дальнейших судебных преследований за радикальные политические убеждения. Это стало ясно, когда суды низших инстанций начали отклонять правительственные обвинения и отменять приговоры по делам о подрывной деятельности, а правительство вынуждено было отказаться от предъявления новых обвинений. Но это же решение послужило сигналом для активизации реакционных сил, недовольных либеральной переориентацией Верховного суда. В результате в 1956—1957 гг. Верховный суд стал объектом самой резкой критики в истории этого высшего органа американского правосудия. Причем реакционеры ополчились как против отдельных решений, так и против общей линии суда Уоррена.

7. Нападки реакции на Верховный суд и его отступление

В 1958 г. конференция главных судей штатов сделала необычное заявление относительно последствий постановлений судов и функций судебной власти. Касаясь влияния Верховного суда на распределение власти между штатами и федерацией, конференция предостерегла высший орган американского правосудия от «чрезмерного активизма» в сфере политических решений и призвала его членов к большей сдержанности. Причем участники конференции подчеркнули, что присвоение Верховным судом «полномочий преимущественно законодательной власти» несовместимо с традиционной системой «сдержек и противовесов»⁷⁶.

Американская ассоциация адвокатов в серии резолюций, принятых в 1959 г., также высказала свое отрицательное отношение к «активизму» суда Уоррена. Хотя она заявила, что не имеет намерения осуществлять цензуру над Верховным судом, а тем более посягать на независимость судебной власти, тем не менее отметила, что недавние решения Верховного суда, касающиеся вопросов национальной безопасности и коммунисти-

ческой активности, «подверглись серьезной критике и считаются неразумными». При этом ассоциация рекомендовала конгрессу «прояснить» свою политику в области внутренней безопасности, изучить последние решения с целью пересмотра законодательства по этому вопросу и более четко определить полномочия и процедуры своих расследовательских комиссий⁷⁷.

Нападки реакции на Верховный суд возглавили расисты из общества Джона Берча, которые в 1958 г. развернули кампанию за импичмент главного судьи Эрла Уоррена. Так, техасский нефтяной мультимиллионер Х. Хант выступил с резкой критикой Верховного суда, а Митчелл Пейдж, отставной полковник морской пехоты и откровенный мракобес, предложил даже повесить Уоррена⁷⁸. Подобные выпады, вызвавшие возмущение всех честных американцев, не могли, однако, быть восприняты всерьез. Реальная угроза суду Уоррена исходила из самого конгресса, где противники гражданских прав и свобод объединили усилия в кампании за ограничение апелляционной юрисдикции Верховного суда по наиболее спорным вопросам.

Так, спустя всего лишь месяц после решений по делу Уоткинса и Йейтс сенатор из Индианы Уильям Дженнер представил развернутый законопроект, предлагавший изъять из юрисдикции Верховного суда дела, связанные с деятельностью расследовательских комитетов, мероприятиями штатов по борьбе с «подрывными элементами», осуществлением правительственной программы проверки в лояльности и аналогичными акциями, проводимыми ассоциациями адвокатов и школьными властями. Сенатор Дженнер обвинил Верховный суд в присвоении им полномочий менять законы и даже саму конституцию, причем главным виновником такой «узурпации власти» объявил именно либеральное крыло Верховного суда⁷⁹. Некоторые поправки в этот законопроект были внесены сенатором Батлером, который предлагал лишить Верховный суд юрисдикции только по вопросу условий допуска в коллегии адвокатов, а в остальном ограничиться регламентацией конкретного характера. С такими поправками в 1958 г. законопроект Дженнера и был одобрен сенатским комитетом по юридическим вопросам.

В конгрессе США делались также другие предложения, направленные на ограничение компетенции

Верховного суда, среди которых следует отметить законопроект конгрессмена из Виргинии Хоурда Смита, банкира и консерватора, яркого сторонника сегрегации, автора пресловутого закона 1940 г. Суть его законопроекта заключалась в том, чтобы ограничить свободу толкований федеральных законов по вопросам, изъятым из компетенции штатов. И хотя этот и иные законопроекты в конце концов были отклонены незначительным большинством голосов, реальная угроза, созданная ими, не прошла бесследно, а критика Верховного суда и давление на него со стороны конгресса не прекратились, что имело весьма отрицательные последствия.

Наиболее очевидным следствием этого было возникновение трений внутри самого Верховного суда. Так, Франкфуртер, до осени 1957 г. поддерживавший главного судью и голосовавший вместе с другими членами либерального крыла, затем решил пойти на уступки противникам политики «активизма» и постепенно вернулся на свою прежнюю позицию «судейской сдержанности». Уже в марте 1958 г. он открыто разошелся во взглядах с главным судьей, отказавшись признать неконституционным положение о лишении гражданства за дезертирство из вооруженных сил (Закон о гражданстве 1940 г.)⁸⁰. В то время как Уоррен считал такое наказание «жестоким и необычным», грубым нарушением цивилизованных стандартов и VIII поправки к конституции, отказывающим «в праве иметь права», Франкфуртер размышлял главным образом о том, имеет или не имеет Верховный суд право объявлять неконституционными подобные законодательные меры. Причем, как и следовало ожидать, он ответил на этот вопрос отрицательно, заявив, что «не дело суда выносить политические решения», что «самоограничение — существо судебной клятвы, поскольку конституция не уполномочила судей решать, насколько разумно поступают конгресс или исполнительная власть»⁸¹. И хотя в данном деле (Троп против Даллеса) позиция Франкфуртера не повлияла на его исход⁸², в последующем его концепция «судейской сдержанности», обусловленная нежеланием конфликтовать с реакционерами из конгресса, сыграла свою отрицательную роль.

Так, в том же 1958 г. консервативное крыло Верховного суда, к которому наряду с Франкфуртером присоединился также судья Харлан, добилося в двух решениях

отмены либерального прецедента по делу Слочовера 1956 г. В одном случае было санкционировано увольнение кондуктора метро за отказ отвечать на вопрос о его принадлежности к коммунистической партии⁸³, в другом — увольнение школьного учителя, отказавшегося отвечать на вопросы о его прошлой деятельности в этой политической организации⁸⁴. В обоих случаях было подтверждено право администрации увольнять всех служащих, отказывающихся отвечать на любой вопрос, поставленный с целью определить их «соответствие» занимаемой должности. Консервативное крыло одержало верх и в решении по делу Переса, санкционировав право конгресса лишать гражданства тех американцев, которые принимают участие в выборах за границей⁸⁵.

Правда, в 1958 г. по некоторым категориям дел либеральному крылу Верховного суда удалось победить консерваторов и добиться решений в защиту гражданских свобод. Так, большинством в один голос был признан незаконным отказ в заграничном паспорте Рокуэллу Кенту⁸⁶, что поставило под сомнение правомерность запретов на заграничные поездки коммунистов. Тогда же было вынесено решение, имевшее принципиальное значение с точки зрения закрепления свободы ассоциации в качестве конституционного права граждан⁸⁷.

Но уже в следующем, 1959 г. консервативному крылу, как правило, удавалось одерживать верх над либералами, чему в немалой степени способствовал судья О. Поттер Стюарт, сменивший в 1958 г. Гарольда Х. Бартона и примкнувший к сторонникам «судейской сдержанности». Так, постановлением по делу Баренблатта⁸⁸ Верховный суд пятью голосами против четырех значительно ослабил те ограничения расследовательских полномочий комитетов конгресса, которые были установлены в 1957 г. прецедентом по делу Уоткинса. При этом хотя судья Харлан, сформулировавший мнение большинства, и сделал декларативное заявление о ценности свободы слова и ассоциации, однако тут же подчеркнул, что она не абсолютна и должна быть «сбалансирована» с другими социальными интересами, и прежде всего с государственными интересами, определяемыми конгрессом. Естественно, что «балансирование» оказалось в пользу законодательной власти, а сама концеп-

ция, сформулированная Харланом, с этого времени стала играть роль основного теоретического аргумента консервативного крыла при вынесении решений, ограничивающих гражданские свободы.

Так, в 1959 г. усилиями Харлана и Франкфуртера, прибегнувших к демагогическому теоретизированию и юридическому крючкотворству, был утвержден обвинительный приговор свидетелю Апхаузу за отказ представить министру юстиции Нью-Гемпшира список лиц, подозреваемых в принадлежности к организациям «коммунистического фронта»⁸⁹. В 1960 г. было признано обоснованным увольнение двух государственных служащих, не пожелавших отвечать на вопросы Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности относительно их связей с «подрывными организациями»⁹⁰, а в 1961 г. утверждены обвинительные приговоры Уилкинсону и Брэйдену за отказ отвечать на вопросы той же комиссии, занимавшейся в это время расследованием «проникновения» активистов компартии в текстильную промышленность Юга⁹¹. Тогда же были вынесены решения, снова узаконившие практику нарушения свободы политических убеждений адвокатов⁹². Но самой серьезной уступкой консервативному крылу было санкционирование в 1961 г. Верховным судом применения властями положения закона Маккарэна о регистрации компартии.

8. Новые судебные процессы над компартией США и ее членами

5 июня 1961 г. большинством в один голос Верховный суд поддержал Управление по контролю над подрывной деятельностью, посчитав обоснованными его выводы о том, что компартия США является якобы организацией, направляемой «иностранным правительством... контролирующим мировое коммунистическое движение» и «действующей преимущественно в интересах достижения целей этого коммунистического движения», вследствие чего она обязана зарегистрироваться в министерстве юстиции в соответствии со ст. 7 закона Маккарэна⁹³. Тем самым была отклонена апелляция компартии, в которой как и прежде указывалось на

необоснованность выводов управления и антиконституционность самого требования о регистрации, нарушающего гарантию от самообвинения, предусмотренную V поправкой к Конституции США.

Судья Франкфуртер, сформулировавший мнение большинства, для обоснования этого антиконституционного решения прибег к откровенно софистическим приемам. Он демагогически утверждал, что возражения компартии необоснованны, так как цель требования о регистрации — якобы исключительно регулирование и учет деятельности компартии, но никак не уголовное преследование. Франкфуртер попытался также доказать «преждевременность» опасений компартии относительно последствий ее регистрации.

Однако с этой аргументацией Франкфуртера категорически не согласились все члены либерального крыла Верховного суда. В своем особом мнении судья Блэк высказал твердое убеждение в том, что закон Маккарэна неконституционен, поскольку предусматривает «принудительное самообвинение» и комбинацию наказаний как за регистрацию, так и за отказ зарегистрироваться в министерстве юстиции, что равносильно объявлению политической партии вне закона в нарушение конституционного запрета «билля об опале». Блэк указал также, что закон Маккарэна нарушает гарантии справедливого судебного разбирательства, наделяя сугубо административный орган, каким является Управление по контролю над подрывной деятельностью, судебными полномочиями. Наконец, он объявил закон Маккарэна актом, нарушающим I поправку к конституции, поскольку этот закон запрещает даже пропаганду идей, поддерживающих политический курс иностранного правительства. Причем Блэк категорически отверг концепцию «балансирования интересов», оправдывающую ограничение свобод, предусмотренных I поправкой. С особыми мнениями выступили также Дуглас и Бреннан, которые заявили, что если требование регистрации и не нарушает I поправки, то оно посягает на V поправку, предусматривающую гарантию от самообвинения. По мнению же главного судьи Уоррена, закон Маккарэна — такой же запрещающий закон, как и все остальные уголовные акты.

Демагогический характер аргументации Франкфуртера относительно «преждевременности» опасений ком-

партии по поводу ее регистрации проявился в тот же день, когда было вынесено решение в пользу Управления по контролю над подрывной деятельностью. 5 июня 1961 г. консервативное большинство Верховного суда подтвердило приговор коммунисту Скэйлзу, осужденному на шестилетнее тюремное заключение на основании положения закона Смита об уголовной ответственности за «сознательное и активное» членство в партии, пропагандирующей насильственное свержение правительства США⁹⁴. Осуждение Скэйлза основывалось на показаниях осведомителей ФБР, которые утверждали, что он в прошлом (до 1958 г.), работая в партийной школе в Северной Каролине, активно занимался такой пропагандой. Хотя все «преступление» Скэйлза заключалось в распространении работ классиков марксизма-ленинизма и материалов компартии США, т. е. исключительно в пропаганде доктрины, признанной законной прецедентом по делу Йейтс (1957 г.), консервативное большинство, уступив давлению реакционных кругов, отошло от прежней позиции суда Уоррена.

Чтобы как-то аргументировать и оправдать такое отступление, оно применило к делу Скэйлза ту статью закона Смита, которая предусматривает уголовную ответственность не за саму пропаганду насильственного свержения правительства, а за «сознательное и активное» членство в организации, проповедующей, пропагандирующей или поощряющей такое насильственное свержение. Отдавая себе отчет в том, что Скэйлзу никак нельзя было вменить в вину совершение «открытых действий», направленных на свержение правительства США, и в то же время пытаясь подвести юридическую базу под его осуждение, судья Харлан воспользовался именно статьей о членстве как основанием для привлечения к ответственности активных членов компартий с целью подорвать деятельность ее местных организаций⁹⁵.

Формулируя решение большинства, Харлан сделал все для доказательства отсутствия противоречий между явно несовместимыми положениями закона Смита и Маккарэна. Дело в том, что ст. 4 (f) закона Маккарэна содержала положение, согласно которому «ни занятие руководящей должности, ни членство в какой-либо коммунистической организации само по себе не является нарушением... этой статьи или какого-либо иного

уголовного статута». Обжалуя приговор, Скэйлз полагал, что указанная статья отменяет ответственность за членство по закону Смита или по крайней мере должна быть истолкована таким образом, если статья о регистрации по закону Маккарэна действительно не нарушает гарантии от самообвинения, предусмотренной V поправкой к конституции. Отдавая себе отчет в аргументированности этого основания защиты Скэйлза и тем не менее решив поддержать вынесенный ему обвинительный приговор, консервативное крыло прибегло к откровенному юридическому крючкотворству, а именно к ограничительному толкованию положения о членстве по закону Смита как нормы, направленной исключительно против партийных активистов, а потому не отмененной положением о «простом членстве» по закону Маккарэна. При этом Харлан и другие члены консервативного большинства оставили за собой право свободно определять степень «активности» члена партии, чтобы в будущем не быть связанными своим собственным мнением. Тем самым были сохранены и буква, и дух обоих реакционных антикоммунистических законов.

Все члены либерального крыла — Дуглас, Блэк, Бреннан и Уоррен — категорически не согласились с решением консервативного большинства. При этом в своем особом мнении судья Дуглас не только не оставил камня на камне от обоснования Харлана, но опроверг также идеологические и политические аргументы всей антикоммунистической линии реакционной юстиции США. Дуглас обратил внимание на тот факт, что Скэйлзу не было предъявлено обвинений ни в заговоре, ни в совершении каких-либо «открытых действий», направленных на насильственное свержение правительства, ни в каких-либо иных уголовно наказуемых актах. Скэйлза обвинили лишь в том, что он является членом коммунистической партии и верит в ее революционное учение. Таким образом, Скэйлза, по мнению Дугласа, осудили исключительно за убеждения, причем на основании антиконституционной доктрины «ответственности за связи». А это, с точки зрения Дугласа, не только вопиющее нарушение американской конституции, но и откровенный отказ от американских традиций свободы взглядов и убеждений, осуждение революционных принципов Декларации независимости. «Когда мы допускаем осуждение апелланта на шестилетнее тюремное за-

ключение исключительно за то, что он „член коммунистической партии“,— сказал Дуглас,— мы идем на прямой разрыв с традиционной концепцией прав I поправки и делаем серьезным шутливое замечание Марка Твэна о том, что благодаря Богу мы имеем в нашей стране три „необыкновенно дорогие вещи—свободу слова, свободу совести и разумность никогда не пользоваться ни одной из них“... Сегодня, посылая в тюрьму человека, который не совершил никакого незаконного поступка, мы легализуем ответственность за связи. Сегодняшний разрыв с традицией очень серьезен. Это явное заимствование из тоталитарной философии»⁹⁶. По мнению Дугласа, отказ от собственных убеждений в праве народа изменять свое правительство означает отход от теории управления, закрепленной в I поправке к конституции. Этот отход проявляется в слишком частом «балансировании» ценности свободы слова и ассоциации с другими социальными интересами. Дуглас, однако, со свойственным ему оптимизмом выразил убеждение в том, что в недалеком будущем Америке удастся восстановить утраченные ею ценности, а страх перед пропагандой, несогласием и инакомыслием не будет более бросать тень на высший орган американского правосудия⁹⁷.

Мнения других членов либерального крыла были не менее убедительны. Суть обоих реакционных решений наиболее четко и лаконично сформулировал Эрл Уоррен. В своем особом мнении он заметил, что сам по себе факт, когда по одному делу (Скэйлза) человека сажают в тюрьму только лишь за принадлежность к компартии, а по другому—ее членам приказывают регистрироваться под угрозой наказаний, настолько серьезно подрывает принципы правосудия, что единственным выходом из создавшегося скандального положения может быть лишь полное прекращение всяких процессов над компартией и признание закона Маккарэна неконституционным⁹⁸. Когда же Харлан сделал красивый жест, поддержав апелляцию Ното, Блэк, проголосовав вместе с остальными членами Верховного суда, счел вместе с тем необходимым заявить, что не может присоединиться к мнению, которое ставит существование свободы в зависимость от эффективности правительственных осведомителей.

Решения Верховного суда о регистрации компартии

и по делу Скэйлза вызвали противоречивую реакцию в американском обществе. Министр юстиции Роберт Кеннеди назвал их имеющими важное значение, хотя и сам не верил в реальность угрозы со стороны компартии США. Консервативный журнал «Нэйшнл ревью», комментируя оба решения, назвал их «доброй вестью», поскольку Верховный суд, наконец-то, признал существование в США «коммунистического заговора». Аналогичное мнение было высказано и в католическом еженедельнике «Америка». В одной из своих передовиц, бросая упрек в адрес либерального крыла, он писал: «Мы не можем разделять слепоты тех судей, которые отказываются признать, что участие в революционном заговоре не является и не может быть конституционным правом... Билль о правах не пакт самоубийства. Поэтому весьма утешительно, что по крайней мере пять членов Верховного суда признали эту истину»⁹⁹. Артур Крок из газеты «Нью-Йорк таймс» также выразил удовлетворение обоими решениями, но высказал тревогу по поводу того, что четверо судей не согласились с ними. Причем, по мнению Крока, интерпретация Дугласом и Блэком I, V и других поправок к конституции как абсолютных гарантий гражданских свобод вызывает особое беспокойство, поскольку «полностью игнорирует существование, методы и цели коммунистического заговора, использующего эти гарантии в качестве щита, под прикрытием которого компартия стремится разрушить эти свободы»¹⁰⁰.

Однако далеко не вся буржуазная печать подошла к оценке названных выше решений с таких крайне консервативных и антикоммунистических позиций. «Нью-Йорк геральд трибюн», например, категорически отвергла аргументацию Франкфуртера и Харлана и присоединилась к мнению Уоррена, отметив, что в американской истории еще не было случая, чтобы председатель Верховного суда выступил с таким разгромным особым мнением, как по делу компартии США¹⁰¹. На страницах газеты «Нью рипаблик» профессор Йельского университета Александр Биккель обвинил консервативное большинство Верховного суда в том, что своим решением по делу Скэйлза оно санкционировало привлечение к уголовной ответственности за связи и в целях обеспечения порядка пошло на ущемление свободы граждан. Но наиболее точно истинный смысл этих ре-

шений раскрыл Генеральный секретарь компартии США Гэс Холл, который 5 июня 1961 г. в своем заявлении для печати назвал их «тяжелым ударом по демократии и конституции»¹⁰². Компартия, однако, не ограничилась одним лишь заявлением, а подала апелляцию на пересмотр решения Верховного суда, в которой еще раз подчеркнула, что национальный комитет не будет регистрировать компартию, поскольку не вправе лишать ее членов конституционных гарантий от самообвинения. Причем адвокаты компартии Д. Абт и Дж. Форер снова обратили внимание суда на несостоятельность выдвинутых против этой организации обвинений. Однако 9 октября 1961 г. Верховный суд отклонил апелляцию, и 20 октября того же года приказ Управления по контролю над подрывной деятельностью вступил в силу со всеми своими отрицательными последствиями.

Угроза применения уголовных санкций по закону Маккарэна стала реальной вследствие той жесткой позиции, которую занял по вопросу регистрации компартии министр юстиции Роберт Кеннеди. Стремясь преодолеть тяжелое наследие маккартизма и выступая, с одной стороны, за восстановление конституционных гарантий некоторых гражданских свобод, в частности свободы заграничных поездок, он, с другой стороны, санкционировал подслушивание телефонных разговоров и поставил цель добиться регистрации компартии США¹⁰³. 10 октября 1961 г. на пресс-конференции он сделал заявление о том, что готов привлечь к суду тех коммунистов, которые откажутся зарегистрироваться в министерстве юстиции. И вскоре Р. Кеннеди подтвердил свои слова серией судебных процессов над лидерами компартии и уголовных преследований руководителей партийных комитетов штатов и редакторов коммунистических газет и журналов¹⁰⁴.

Администрация Кеннеди, однако, не ограничилась процессами над отдельными членами компартии и в 1962 г. перешла к судебному преследованию коммунистической партии в целом, предъявив ей обвинение в просрочке регистрации и добившись вынесения обвинительного приговора, по которому компартия присуждалась к уплате крупного штрафа. Это решение вызвало волну протестов широких слоев либеральной американской интеллигенции, к которой присоединилась возмущенная прогрессивная общественность других стран.

В результате властям пришлось пойти на определенные уступки, что нашло свое выражение в решении федерального апелляционного суда округа Колумбия 17 декабря 1963 г.

Отменив приговор районного суда, апелляционный суд вынужден был согласиться с большинством аргументов компартии, в частности с тем, что ее регистрация противоречит V поправке, поскольку означает самообвинение со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако апелляционный суд подсказал правительству юридическую лазейку для преследования компартии по закону Маккарэна. Для этого, по мнению суда, правительству достаточно представить доказательства наличия коммунистов, желающих добровольно зарегистрировать свою организацию и отказывающихся при этом от привилегии V поправки. Федеральное правительство не замедлило воспользоваться такой лазейкой, начав 2 ноября 1965 г. новый судебный процесс над компартией, прибегнув к услугам «свидетелей-добровольцев» (агентов ФБР, проникших в ряды партии в 1958 г.), которые «пожелали» зарегистрировать «свою» организацию. Причем, несмотря на протесты адвокатов, присяжные вынесли обвинительный вердикт, на основании которого судья В. Джоунс приговорил КП США к штрафу в 230 тыс. долл.¹⁰⁵

9. Отмена основных положений закона Маккарэна

Нарушение законности, допущенное в ноябре 1965 г. районным федеральным судом в процессе над компартией, было настолько беспрецедентным, что уже на следующий день после вынесения приговора тысячи американцев выразили правительству свое глубокое возмущение. По словам Генри Уинстона, «ни один процесс не вызывал таких горячих споров в США» и «никогда еще правительство и суды не были столь ненавистны широким массам»¹⁰⁶.

В своем заявлении в апелляционный суд округа Колумбия компартия, требуя отменить это решение, обратила внимание прежде всего на такой вопиющий факт, как признание районным судом в качестве «представителей» компартии платных осведомителей ФБР. Она

заявила также, что присуждение КП США к штрафу в 230 тыс. долл.— грубое нарушение сразу двух поправок (V и VIII), запрещающих привлекать к ответственности дважды за одно и то же преступление и налагать чрезмерные штрафы. Обоснованность этих возражений была настолько очевидной, что 3 марта 1967 г. апелляционный суд не только согласился с ними, но прямо объявил дело министерства юстиции «безнадежным». И уже на следующий день после вынесения решения Р. Кеннеди официально заявил об отказе от своего права подать апелляцию в Верховный суд.

Этот отказ объяснялся, по-видимому, также тем фактом, что к тому времени высший орган американского правосудия принципиально изменил свое отношение к двум важнейшим пунктам закона Маккарэна. Так, в 1964 г. по делу Аптекера против Государственного секретаря¹⁰⁷ Верховный суд большинством в шесть голосов против трех постановил, что ст. 6 ч. I закона Маккарэна, отказывавшая членам компартии в праве на заграничные поездки, нарушает процедуру справедливого судебного разбирательства, предусмотренную V поправкой к конституции, и потому неконституционна. Формулируя мнение большинства, судья А. Голдберг, сменивший в 1962 г. ушедшего на пенсию Ф. Франкфуртера, заявил, что право на заграничные поездки — «важный аспект свободы граждан, гарантированной положением V поправки о процедуре должного законного разбирательства», и что «никакая цель правительства... не может быть достигнута средствами, которые применяются неоправданно широко и поэтому посягают на область предпочтительных свобод»¹⁰⁸. Такой неоправданно широкой и явно неконституционной и была признана ст. 6 ч. I закона Маккарэна, которая после этого решения потеряла всякую силу, перестав действовать как правовая норма¹⁰⁹.

Несколькими месяцами позже в решении по делу Альбертсона¹¹⁰ Верховный суд единогласно признал неконституционным еще одно реакционное положение закона Маккарэна, а именно содержащееся в ст. 7 требование индивидуальной регистрации членов «коммунистических организаций». Суд постановил, что это требование нарушает гарантию V поправки от самообвинения, а потому члены компартии не обязаны регистрироваться в министерстве юстиции¹¹¹. Тогда же

Верховный суд пресёк попытки Управления по контролю над подрывной деятельностью зарегистрировать в качестве «организаций коммунистического фронта» Комитет по защите прав натурализованных американцев и ассоциацию «Ветераны бригады Авраама Линкольна»¹¹² на основе доказательств, собранных еще в начале 50-х годов из сомнительных источников. Суд постановил, что использование таких доказательств недопустимо, вследствие чего и само требование Управления о регистрации, предъявленное этим организациям, не обосновано¹¹³.

Наконец, в 1967 г. постановлением по делу коммуниста Робела¹¹⁴ Верховный суд объявил недействительной ст. 5(а) закона Маккарэна, официально лишавшую членов компартии права работать на предприятиях военной промышленности. Причем Уоррен, выступая также от имени Блэка, Дугласа, Стюарта и Фортаса¹¹⁵, подчеркнул, что как эта статья, так и закон Маккарэна в целом «грубо попирают I поправку», устанавливая «ответственность за связи» и тем самым лишая граждан законного права на труд¹¹⁶.

Таким образом, к 1968 г. Верховный суд объявил недействительными три важнейших положения закона Маккарэна, а правительство отказалось от попыток добиться регистрации компартии в целом. Правда, реакция предприняла шаги для спасения этого закона, добившись в 1967 г. от конгресса принятия поправок сенатора Дирксена, одна из которых давала гарантию от самообвинения всем тем, кто соглашался сотрудничать с Управлением по контролю над подрывной деятельностью в качестве свидетелей, а другая наделяла Управление полномочием публиковать в федеральном реестре имена членов организаций «коммунистического действия»¹¹⁷. Однако в поправке было обусловлено, что если Управление не опубликует имена членов таких организаций к 31 декабря 1968 г., то автоматически утратит это полномочие. За две недели до истечения указанного срока Управление не смогло опубликовать необходимых данных и лишь по настоятельной просьбе Дирксена получило от министра юстиции Рамсея Кларка список предполагаемых второстепенных функционеров коммунистической партии. Но эти усилия спасти Управление не увенчались успехом. В 1969 г. главный судья Апелляционного суда округа Колумбия Базелон в решении по делу Борда¹¹⁸ объявил недействительными

полномочия по регистрации, предоставленные Управлению законом 1967 г., постановив, что закон Дирксена нарушает предусмотренную I поправкой гарантию свободы политической ассоциации. Заместитель министра юстиции Ирвин Грисвольд, пытаясь спасти положение, обратился с апелляцией в Верховный суд. Последний, однако, отказался от ее рассмотрения, оставив в силе решение Апелляционного суда¹¹⁹.

В 1969 г. сенат США отменил ч. II закона Маккарэна, предусматривающую аресты и интернирование в условиях чрезвычайного положения¹²⁰. И лишь в 1971 г., когда антивоенное движение достигло наивысшего размаха, закон Маккарэна на короткий период частично обрел «второе дыхание» (тогда Управлению по контролю над подрывной деятельностью было поручено рассмотрение дел, связанных с деятельностью Союза молодых рабочих за освобождение и Студенческого мобилизационного комитета ненасильственных действий). Однако уже в 1965—1967 гг. он утратил силу как мера, направленная против компартии, а 31 мая 1974 г. федеральный судья Джон Сирика подписал приказ, в котором говорилось, что все требования Управления по контролю над подрывной деятельностью к Коммунистической партии незаконны и не имеют силы¹²¹. Так закончилась история закона, отмена которого означала крупную победу широких демократических кругов, и прежде всего победу передового отряда рабочего класса Америки — коммунистов США.

10. Восстановление некоторых иных форм свободы убеждений и ассоциаций

В первой половине 60-х годов Верховный суд объявил неконституционными ряд законодательных актов штатов о присягах в лояльности для государственных служащих. Так, в 1961 г. был единогласно признан нарушающим свободу слова и ассоциации и лишаящим граждан права на справедливое судебное разбирательство статут штата Флорида 1949 г., требовавший под угрозой увольнения от каждого государственного служащего присяги в том, что он никогда не помогал и не

будет помогать коммунистической партии. Несколько ранее был отменен закон штата Арканзас, требовавший от учителей государственных школ ежегодного отчета об организациях, членами которых они состояли или которым оказывали финансовую помощь¹²². В 1964, 1966 и 1967 гг. были объявлены недействительными законы о присяге в лояльности, действовавшие в штатах Вашингтон, Аризона и Мэриленд¹²³. Тогда же было полностью отменено действие статута о «подстрекательстве к мятежу» в штате Луизиана и наконец-то были пресечены злоупотребления властью со стороны генерального атторнея Нью-Гемпшира¹²⁴.

В феврале 1963 г. было принято постановление¹²⁵, объявившее неконституционными положения законов 1940—1952 гг., автоматически лишавшие гражданства тех американцев, которые в целях уклонения от службы в армии оставались за границей во время войны. При этом Блэк и Дуглас снова подтвердили высказывавшееся ими ранее мнение, что только добровольный отказ от гражданства может служить конституционным основанием экспатриации коренных американцев¹²⁶. Через год Верховный суд признал также неконституционным (противоречащим гарантии справедливого судебного разбирательства) лишение гражданства натурализованных американцев, длительно проживающих в той стране, откуда они эмигрировали¹²⁷.

В мае 1965 г. решением по делу Корлиса Ламонта против генерального директора почт Верховный суд объявил неконституционной статью федерального закона о почтовом обслуживании (1962 г.), требовавшую от лиц, получающих заграничную корреспонденцию, содержащую «коммунистическую политическую пропаганду», письменных запросов о доставке такой корреспонденции и расписки в ее получении¹²⁸. Тем самым были полностью отменены ограничения на право получения зарубежной информации политического характера. В том же, 1965 г. была признана противоречащей IV поправке выдача ордера на обыск с целью изъятия печатных материалов, изданных компартией Техаса¹²⁹.

В первой половине 60-х годов Верховный суд восстановил также гарантии отделения церкви от государства и подтвердил принцип свободы совести по I поправке к конституции. Так, в 1961 г. была поддержана апелляция гражданина Мэриленда Роя Торказо, не до-

пущенного к осуществлению обязанностей нотариуса вследствие его отказа сделать официальное заявление о вере в Бога. Верховный суд единогласно объявил неконституционным закон, предписывавший эту процедуру, постановив, что он нарушает свободу совести и убеждений, гарантированную I поправкой и охраняемую XIV поправкой от нарушений со стороны властей штатов¹³⁰. Более того, судья Блэк, сформулировавший это решение, усмотрел в действиях властей Мэриленда политику сознательной дискриминации всех атеистов и деистов и откровенное стремление признавать гражданские права исключительно за ортодоксальными теистами. А между тем, заметил Блэк, далеко не все существующее в США религии проповедуют веру в Бога в традиционном теистском понимании (буддизм, таоизм, этический культуризм, светский гуманизм и др.). Другими словами, по существу было признано, что Конституция США, гарантирующая свободу религиозных убеждений, гарантирует также свободу атеизма¹³¹.

В июне 1962 г. тот же судья Блэк сформулировал постановление в пользу супругов Энгел из Нью-Йорка, заявивших протест по поводу принуждения их детей-школьников участвовать в чтении молитвы, составленной школьной администрацией штата по случаю начала нового учебного года. Эти действия властей были квалифицированы Блэком как использование государственных школ, финансируемых налогоплательщиками, в религиозных целях, а отсюда и как нарушение конституционного принципа отделения церкви от государства¹³².

Постановление по делу супругов Энгел вызвало бурную реакцию американской общественности. Консервативные религиозные лидеры обрушили на Верховный суд обвинения в том, что он поощряет секуляризацию в США и насаждает атеистические убеждения и агностицизм. Конгрессмены-расисты из южных штатов использовали эти обвинения в своих нападках на политику интеграции, проводимую Верховным судом. «Они пустили в школы негров,— заявил конгрессмен Джордж У. Эндрюс из Алабамы.— Теперь они изгнали из школ Бога». А член палаты представителей Л. Мендел Риверс из Южной Каролины утверждал, что теперь Верховный суд «официально заявил о своем безбожии»¹³³.

Однако другие круги американской общественности

подошли к оценке этого решения более трезво и рационально. Либерально мыслящие священники увидели в нем меру, способствующую повышению авторитета религии, поскольку последняя была освобождена от бессмысленной, с их точки зрения, ритуальной церемонии. Они посчитали также чрезвычайно ценной установку Верховного суда на обеспечение полной свободы совести в религиозных делах. Решение Верховного суда было поддержано также президентом Кеннеди, который во время избирательной кампании 1960 г. испытал на себе, как используются религиозные предрассудки в политических целях (причем к такому методу прибегали, как правило, те же лица, которые нападали на Верховный суд)¹³⁴.

Опираясь на общественное мнение либеральных кругов, Верховный суд продолжил свою линию в вопросе о религиозной свободе и через год вообще запретил в государственных школах всякое чтение Библии и заучивание молитв, отменив законы штатов Пенсильвания и Мэриленд, санкционировавшие и даже предписывавшие такую практику, и тем самым еще раз подтвердил конституционный принцип отделения церкви от государства¹³⁵.

Первая половина 60-х годов характеризовалась, однако, не только борьбой за восстановление конституционных гарантий свободы убеждений и ассоциаций. В те годы Верховному суду пришлось рассмотреть множество дел, связанных с осуществлением других гражданских свобод, прежде всего свободы собраний и демонстраций, а также свободы печати. И вынесенные им по этим делам решения имели принципиальное значение с точки зрения состояния и развития института гражданских свобод в политической системе США. Однако подавляющее большинство названных решений было связано с событиями особого этапа в политической истории Америки, а именно с борьбой негритянского населения за гражданские права и движением молодежи и студентов против войны во Вьетнаме. Поэтому анализ проблемы свободы печати, собраний и демонстраций, т. е. проблемы, обострившейся еще в первой половине 60-х годов и хронологически совпавшей с борьбой за восстановление свободы убеждений и ассоциаций, вынесен нами в самостоятельную главу. В ней будут рассмотрены также и некоторые иные аспекты проблемы

гражданских свобод в конституционной доктрине и судебной практике США, обусловленные тенденциями в политическом развитии этой страны в конце 60-х — начале 70-х годов.

- ¹ Political and Civil Rights in the United States. A Collection of Legal and Related Materials / Ed. by T. Emerson, T. Haber. Buffalo; New York, 1958, p. 691.
- ² В одном из документов АСБГС по этому поводу содержалось, в частности, следующее заявление: «Если Первая поправка ограничивает расследовательскую деятельность конгресса, а в том, что это так, нет никаких сомнений... тогда ясно, что расследование, направленное против пропаганды (которая в конечном счете является не чем иным, как использованием свободы слова), представляет собой грубейшее нарушение первой поправки», поскольку любое высказывание человека или любая его связь с лицами, пользующимися свободой слова, могут дать повод комиссии конгресса вызвать его и потребовать отчета за все периоды своей жизни (цит. по: *Ламонт К.* Свобода должна быть свободной на деле. М.: Изд-во иностр. лит., 1958, с. 37).
- ³ См.: *Murphy P.* The Constitution in Crisis Times. 1918—1969. N. Y., 1972, p. 256.
- ⁴ См.: *Громаков Б. С.* Очерки по истории антидемократического законодательства США. М.: Госюриздат, 1958, с. 167—170; *Гришаев П. И.* Репрессии в странах капитала. М.: Юрид. лит., 1970, с. 59—60.
- ⁵ Executive Order 9835 (March 21, 1947).— Political and Civil Rights in the U. S., p. 556—557.
- ⁶ См.: *Ibid.*, p. 1099.
- ⁷ *Ламонт К.* Указ. соч., с. 199.
- ⁸ См.: Там же, с. 200.
- ⁹ *Konvitz M.* Fundamental Liberties of a Free People: Religion, Speech, Press, Assembly. Ithaca, 1957, p. 233. Подробнее об этом и иных законах штатов см.: Political and Civil Rights in the United States, p. 655—686.
- ¹⁰ The Labor Management Relations Act of 1947.
- ¹¹ См.: *Баглай М. В.* Законодательство США в борьбе с забастовочным движением. М.: Госюриздат, 1960.
- ¹² Political and Civil Rights in the U. S., p. 448.
- ¹³ *American Communications Association v. Douds*, 339 U. S. 382 (1950).
- ¹⁴ *Кларк и Минтон* сменили скончавшихся в 1949 г. судей *Мэрфи* и *Рутледжа*.
- ¹⁵ Против выступил лишь судья *Блэк*.
- ¹⁶ Political and Civil Rights in the U. S., p. 452, 456.
- ¹⁷ Цит. по: *Konvitz M.* Op. cit., p. 213.
- ¹⁸ Political and Civil Rights in the U. S., p. 467.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 468.
- ²⁰ *Konvitz M.* Op. cit., p. 214.
- ²¹ См.: Political and Civil Rights in the U. S., p. 453—454, 458.
- ²² *Ibid.*, p. 460—461.
- ²³ *Konvitz M.* Op. cit., p. 221.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 221.

- ²⁵ Ibid., p. 222.
- ²⁶ См.: Ibid., p. 222—223.
- ²⁷ Political and Civil Rights in the U. S., p. 345.
- ²⁸ Dennis v. United States, 341 U. S. 494 (1951).— In: Political and Civil Rights in the United States, p. 344—370.
- ²⁹ Цит. по: *Hirschfield R.* The Constitution and the Court. The Development of the Basic Law Through Judicial Interpretation. N. Y., 1962, p. 110.
- ³⁰ См. подробнее: *Каленский В. Г.* Проблема гражданских прав в политической и правовой идеологии.— В кн.: Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве. М.: Наука, 1967, с. 140—143; см. также: *Thomas S. Felix* Frankfurter. N. Y., 1960, p. 217; *Jacobs C.* Justice Frankfurter and Civil Liberties. Los Angeles, 1961, p. 77; *Kauper P.* Civil Liberties and the Constitution. Ann Arbor, 1962, p. 117; *Aptheker H.* Dare We Be Free? The Meaning of the Attempt to Outlaw the Communist Party. N. Y., 1961, p. 48.
- ³¹ См.: *Hirschfield R.* Op. cit., p. 112.
- ³² См.: *Black H. L.* The Bill of Rights.— New York University Law Review, 1960, Apr.; *Dilliard I.* One Man's Stand for Freedom. N. Y., 1963; *Black H. L.* A Constitutional Faith. N. Y., 1968.
- ³³ *Hirschfield R.* Op. cit., p. 112.
- ³⁴ Ibid., p. 112.
- ³⁵ Ibid., p. 112—113.
- ³⁶ См.: *Powe L.* Evolution to Absolutism: Justice Douglas and the First Amendment.— Columbia Law Review, 1974, Apr., vol. 74, N 3, p. 403—408; *Douglas W. O.* The Right of the People. N. Y., 1958; *Douglas W. O.* A Living Bill of Rights. N. Y., 1961, p. 57—68; *Countryside V.* The Judicial Record of Justice William O. Douglas. Harvard (Mass.), 1974.
- ³⁷ *Hirschfield R.* Op. cit., p. 113.
- ³⁸ Ibid., p. 114.
- ³⁹ См.: Ibid., p. 114—116, 115.
- ⁴⁰ По признанию суда, применение силы допускалось лишь для исполнения воли большинства, причем как крайняя мера, вызванная исключительно чрезвычайными обстоятельствами, при которых осуществление преобразований мирным и конституционным путем становится совершенно невозможным (*Schneiderman v. United States*, 320 U. S. 118 (1943).— *Emerson T.* The System of Freedom of Expression. N. Y., 1971, p. 110, 172—173).
- ⁴¹ Internal Security Act, 1950, 64 Stat. 987 (1950) — Political and Civil Rights in the United States, p. 395—412.
- ⁴² См.: *Чибирьев С. А.* Закон Маккарэна и борьба за его отмену. М.: Юрид. лит., 1975, с. 32—33.
- ⁴³ *Ламонт К.* Указ. соч., с. 112.
- ⁴⁴ Подробнее о доктрине «мирового коммунистического заговора», сформулированной во вступительном разделе закона Маккарэна, см.: *Гришаев П. И.* Указ. соч., с. 173—179.
- ⁴⁵ The Internal Security Act (The McCarran Act) of 1950, Title I «а».— In: Political and Civil Rights in the United States: A Collection of Legal and Related Materials, p. 395.
- ⁴⁶ Subversive Activities Control Board (S. A. C. B.).
- ⁴⁷ См.: *Чибирьев С. А.* Указ. соч., с. 36.
- ⁴⁸ *Emerson T.* The System of Freedom of Expression, p. 131.
- ⁴⁹ Subversive Activities Control Act.

- ⁵⁰ Помимо этого закон Маккарэна серьезно ограничивал право организаций, отнесенных управлением к разряду «подрывных» и «коммунистических», пользоваться почтовыми услугами. Он запрещал им пересылать по почте США те издания, на которых не было специальной надписи, указывающей название организации и то, что издание «распространяется подрывной организацией коммунистического действия» (*Emerson T. Op. cit.*, p. 131).
- ⁵¹ Цит. по: *Ibid.*, p. 132.
- ⁵² Так называемый Закон о задержании в условиях чрезвычайного положения (*Emergency Detention Act.— Political and Civil Rights in the United States*, p. 408—412).
- ⁵³ См. подробнее: *Громаков Б. С.* Указ. соч., с. 196—202; *Гришаев П. И.* Указ. соч., с. 43—49.
- ⁵⁴ См.: Truman's veto of the McCarran Act, 1950, Sept. 22.— In: *Documents of American History*. N. Y., 1962. Трумэн назвал этот закон «величайшей опасностью свободе слова, печати и собраний со времен Законов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу 1798 г.». Налагая на него вето, он заявил, что его положения представляют «явную и реальную опасность» американским институтам, а всякая попытка применения упомянутых выше положений была бы «предательством лучших традиций» и «сделала бы из Билля о правах посмешище» (*Ibid.*, p. 746—747).
- ⁵⁵ См. подробно: *Ламонт К.* Указ. соч., с. 67—96.
- ⁵⁶ Там же, с. 169.
- ⁵⁷ См.: там же, с. 119, 162.
- ⁵⁸ *Communist Control Act, 1954, 68 Stat. 775 (1954).*— *Political and Civil Rights in the United States*, p. 422—425.
- ⁵⁹ *The Walter—McCarran Immigration and Nationality Bill, 66 Stat. 143 (1952).*
- ⁶⁰ Цит. по: *Murphy P. Op. cit.*, p. 292. Этот закон, принятый вопреки вето Трумэна, предоставил чиновникам Госдепартамента и Управления по вопросам иммиграции и натурализации при министерстве юстиции фактически неограниченную власть над более чем 3 млн. иностранцев, проживавших в то время в США, и 11 млн. натурализованных американских граждан и членов их семей. По этому закону министерство юстиции получило право на арест без ордера, заключение на неопределенное время в тюрьму или на депортацию любого лица, не имеющего американского гражданства, которое по приезде в США состояло членом компартии или любой другой организации, подлежащей регистрации по закону Маккарэна.
- ⁶¹ В 1954 г. был принят, в частности, Закон о неприкосновенности. Представленный как мера, направленная на обеспечение иммунитета свидетелей, а также на пресечение лжесвидетельства, он фактически аннулировал V поправку, установив уголовную ответственность за отказ отвечать на вопросы расследовательских комитетов конгресса или членов суда при рассмотрении дел, связанных с обеспечением национальной безопасности. Его смысл состоял в том, чтобы положить конец ссылкам на V поправку, дать комиссиям «законное» средство давления на свидетелей с целью принуждения их к даче нужных показаний. См.: *Hofstadter S. H. The Fifth Amendment and the Immunity Act of 1954*. N. Y., 1956.
- ⁶² *Ламонт К.* Указ. соч., с. 101.
- ⁶³ *Frank J. P. Marble Palace: The Supreme Court in American Life*. N. Y., 1961, p. 252.

- ⁶⁴ К 1955 г. специальные законы о лояльности служащих действовали в 42 штатах. Законодательные же собрания Иллинойса, Огайо, Массачусетса, Нью-Гемпшира и некоторых других штатов учредили специальные расследовательские комитеты, копировавшие худшую практику федерального конгресса.
- ⁶⁵ *Pfeffer L.* This Honorable Court: A History of the U. S. Supreme Court. Boston, 1965, p. 363—364.
- ⁶⁶ 83rd Congress, 2nd Session, Senate Resolution 301.— In: *Murphy P.* Op. cit., p. 319.
- ⁶⁷ *Pennsylvania v. Nelson*, 350 U. S. 497 (1956).— См.: In *Political and Civil Rights in the U. S.*, p. 432—444.
- ⁶⁸ *Watkins v. United States*, 354 U. S. 178 (1957).
- ⁶⁹ *Harvard Law Review*, 1957, Nov., p. 143.
- ⁷⁰ *Sweezy v. New Hampshire*, 1957 (ibid., 1957, Nov., p. 114).
- ⁷¹ *Slochover v. Board of Higher Educ. of N. Y.*, 1956.
- ⁷² См.: *Harvard Law Review*, 1956, Nov., p. 120 ff.; ibid., 1957, Nov., p. 154—155.
- ⁷³ *Communist Party v. S. A. C. B.*, 351 U. S. 115 (1956).
- ⁷⁴ *Yates v. United States*, 354 U. S. 298 (1957).— См.: in *Hirschfeld R.* Op. cit., p. 122—128.
- ⁷⁵ Винсон якобы имел в виду также лишь наказание за призывы к «действию», но, как мы видели, вынес приговор именно за саму пропаганду марксизма-ленинизма.
- ⁷⁶ См.: *Hirschfeld R.* Op. cit., p. 129.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ См.: *Murphy P.* Op. cit., p. 332.
- ⁷⁹ Об истории законопроекта см. подробно: *Pritchett C. H.* Congress versus the Supreme Court. Minneapolis, 1961; *Murphy Walter F.* Congress and the Court. Chicago, 1962.
- ⁸⁰ *Trop v. Dulles*, 1958.
- ⁸¹ *Murphy P.* Op. cit., p. 335.
- ⁸² «Мы связаны клятвой защищать конституцию,— сказал Уоррен, формулируя решение суда.— Это обязательство требует суждения об актах конгресса на основе стандартов самой конституции» (ibid.).
- ⁸³ *Lerner v. Casey*, 1958.
- ⁸⁴ *Beilan v. Philadelphia Board of Education*, 1958.
- ⁸⁵ *Perez v. Brownell*, 1958.
- ⁸⁶ *Kent v. Dulles*, 1958.— *Harvard Law Review*, 1958, Nov., p. 172—175.
- ⁸⁷ Хотя в США многочисленные ассоциации существовали с незапамятных времен и пользовались правом юридического лица, однако как конституционное право свобода ассоциации не была предусмотрена федеральным Биллем о правах и обычно трактовалась как право, производное от свободы выражения взглядов и убеждений. Однако, когда в 1956 г. министр юстиции Алабамы попытался запретить в этом штате деятельность Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, добившись привлечения ее к ответственности за нарушение норм, обычно применяемых к деловым корпорациям, Верховный суд единогласно постановил, что свобода ассоциации — право, гарантированное XIV поправкой к Конституции США, причем охватывает все виды объединений — как собственно политического, так и экономического, религиозного и культурного характера. При этом судья Харлан, сформулировавший мнение суда, отошел от трактовки

- свободы ассоциации исключительно как права, производного от свободы выражения взглядов и убеждений, объявив его «независимым», занимающим равный статус с другими правами, прямо перечисленными в I поправке к конституции (N. A. A. C. P. v. Alabama ex rel. Patterson, 357 U. S. 449 (1958) — Emerson T. The System of Freedom of Expression, p. 426—427).
- ⁸⁸ Barenblatt v. United States, 360 U. S. 109 (1959).
- ⁸⁹ Uphaus v. Wyman, 1959 — Harvard Law Review, 1959, Nov., p. 161—162.
- ⁹⁰ Nelson v. County of Los Angeles, 1960. — Ibid., 1960, Nov., p. 124. Подробнее см.: Юдин Ю. А. Верховный суд США и новое наступление реакции: (Обзор решений по вопросам гражданских прав в 1958—1960 гг.) — В кн.: Государство и право зарубежных стран. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- ⁹¹ Wilkinson v. U. S., 1961; Braden v. U. S., 1961. — Harvard Law Review, 1961, Nov., p. 117—120.
- ⁹² Ibid., 1961, Nov., p. 129—130, 132—133.
- ⁹³ Communist Party v. S. A. C. B., 367 U. S. I (1961) — Ibid., 1961, Nov., p. 105—108.
- ⁹⁴ Scales v. United States, 367 U. S. 203 (1961).
- ⁹⁵ О том, что именно это имелось в виду, свидетельствует тот факт, что в качестве основания утверждения приговора Скэйлзу Харлан сослался на якобы развернувшуюся в те годы активную незаконную деятельность лидеров компартии по пропаганде насильственного свержения существующего строя. Подчеркивая как раз эту сторону своей аргументации и пытаясь сохранить видимость беспристрастности, Харлан по другому сходному делу, вынесенному в тот же день, не нашел состава такого преступления в действиях осужденного Ното, заявив, что простое членство в партии и пропаганда коммунистической доктрины не являются преступлением (Noto v. United States, 1961. — Harvard Law Review, 1961, Nov., p. 114).
- ⁹⁶ Цит. по: Barker L., Barker T. Freedoms, Courts, Politics: Studies in Civil Liberties. Englewood Cliffs, N. J., 1972, p. 120.
- ⁹⁷ Ibid., p. 121.
- ⁹⁸ См.: Aptheker H. Dare We Be Free? The Meaning of the Attempt to Outlaw the Communist Party. N. Y., 1961, p. 45—48.
- ⁹⁹ Цит. по: Barker L., Barker T. Op. cit., p. 123.
- ¹⁰⁰ Ibid.
- ¹⁰¹ New York Herald Tribune, 1961, June 11.
- ¹⁰² Цит. по: Barker L., Barker T. Op. cit., p. 124.
- ¹⁰³ См.: Murphy P. Op. cit., p. 373.
- ¹⁰⁴ См.: Чибиряев С. А. Указ. соч., с. 114—115. Уступкой общественному мнению было лишь освобождение Скэйлза, осужденного по закону Смита, который 25 декабря 1962 г. по просьбе сотен выдающихся граждан США был помилован президентом Кеннеди лично и выпущен на свободу.
- ¹⁰⁵ См. подробно: там же, с. 116—127.
- ¹⁰⁶ Political Affairs, 1965, Dec., p. 10.
- ¹⁰⁷ Aptheker v. Secretary of State, 378 U. S. 500 (1964).
- ¹⁰⁸ Supreme Court Reporter, 1964, Jul., vol. 84, N 17, p. 1659—1676.
- ¹⁰⁹ Значение прецедента по делу Аптекера состоит также в том, что если раньше концепция «предпочтительных свобод» применялась лишь к I поправке (см. гл. II), то теперь она была распространена и на гарантии V поправки. С точки зрения существа дела, од-

нако, решение суда было бы более точным, если бы основывалось именно на I поправке, тем более что Голдберг назвал свободу путешествий «конституционной свободой, связанной с правом на свободу слова и ассоциации», а Блэк вообще предлагал рассматривать ее как одну из свобод I поправки. См.: *Emerson T. Op. cit.*, p. 198—199.

За Госдепартаментом, однако, было сохранено право ограничивать право поездок в определенные районы мира (например, на Кубу и в Северный Вьетнам). Но эти ограничения распространялись на всех граждан, а не только на коммунистов.

¹¹⁰ *Albertson v. S. A. C. B.*, 382 U. S. 70 (1965).

¹¹¹ См. подробно: *Harvard Law Review*, 1966, Nov., p. 207—213.

В 1965 г. Верховный суд объявил неконституционными и основные положения закона штата Луизиана «о контроле над подрывной деятельностью», аналогичные ст. 7 об индивидуальной регистрации по федеральному закону Маккарэна. Суд также постановил, что определение «подрывной организации» в этом законе слишком широко и расплывчато. При этом он посчитал неправомерным использовать список «подрывных организаций», составленный министром юстиции США в качестве бесспорного доказательства принадлежности той или иной организации к «коммунистическому фронту». (*Dombrowski v. Pfister*, 1965.—*Emerson T. Op. cit.*, p. 154).

¹¹² *American Committee for Protection of the Foreign Born v. S. A. C. B.* (1965); *Veterans of the Abraham Lincoln Brigade v. S. A. C. B.* (1965).

¹¹³ *Murphy P. Op. cit.*, p. 375.

¹¹⁴ *United States v. Robel*, 389 U. S. 258 (1967).

¹¹⁵ Назначен на должность члена Верховного суда в 1963 г.

¹¹⁶ *Emerson T. Op. cit.*, p. 187. В 1968 г. Верховный суд объявил также противоречащей конституции правительственную программу, предусматривавшую ограничение по найму на частных предприятиях оборонного значения (*Schneider v. Smith*, 1968.—*Ibid.*, p. 190—191).

¹¹⁷ См.: *Гришаев П. С.* Указ. соч., с. 143—145; *Abt J.* Revised McCarran Act Ready to Strike.—*Political Affairs*, 1968, Mar., p. 17.

¹¹⁸ *Boorda v. S. A. C. B.*, 1969.

¹¹⁹ См.: *Barker L., Barker T. Op. cit.*, p. 130—131.

¹²⁰ *Emerson T. Op. cit.*, p. 145—146 (Footnote 65).

¹²¹ См.: *Чибиряев С. А.* Указ. соч., с. 5.

¹²² *Cramp v. Board of Public Instruction*, 1961 — *Harvard Law Review*, 1962, Nov., p. 147; *Shelton v. Tucker*, 1960 — In: *Barker L., Barker T. Op. cit.*, p. 132.

¹²³ *Harvard Law Review*, 1966, Nov., p. 198—199.

¹²⁴ *Dombrowski v. Pfister*, 1965; *De Gregory v. Attorney General of New Hampshire*, 1966.— In: *Emerson T. Op. cit.*, p. 157—159, 269—270.

¹²⁵ *Kennedy v. Mendoza — Martinez*, 1963.

¹²⁶ *Harvard Law Review*, 1963, Nov., p. 101—102.

¹²⁷ *Schneider v. Rusk*, 1964.— *Ibid.*, 1964, Nov., p. 192—195.

¹²⁸ *Lamont v. Post Master General*, 381 U. S. 301 (1965).— In: *Emerson T. Op. cit.*, p. 150—152, 649—650.

¹²⁹ *Stanford v. Texas*, 1965.— *Ibid.*, p. 154.

¹³⁰ *Torkaso v. Watkins*, 1961.

- ¹³¹ *Abraham H. J. Freedom and The Court. Civil Rights and Liberties in The United States.* N. Y., 1972, p. 209. Это решение стало действующим прецедентом, и в 1965 г. на его основании апелляционный суд Мэриленда объявил недействительными все мэрилендские законы, требовавшие от представителей юридической профессии официальных заявлений о вере в Бога.
- ¹³² *Engel v. Vitale*, 1962.— *Ibid.*, p. 217.
- ¹³³ Цит. по: *Murphy P. Op. cit.*, p. 392.
- ¹³⁴ Президент, однако, высказался по этому поводу весьма дипломатично, назвав решение Верховного суда средством, позволившим «сохранить молитву для себя», «желанным напоминанием каждой американской семье, что мы можем значительно больше молиться дома... можем относиться к нашим церквям со значительно большим доверием и можем придать молитве значительно больший смысл в жизни наших детей». Цит. по: *Ibid.*, p. 394.
- ¹³⁵ *School District of Abbingdon Township v. Schempp*, 1963; *Murrey v. Curlett*, 1963 (*Pollack L. H. Public Prayers in Public Schools.*— *Harvard Law Review*, 1963, Nov., p. 62—78).

*Проблема „права на несогласие“
и свобода выражения взглядов
в период борьбы
за гражданские права
и массового антивоенного
движения протеста
(60-е—начало 70-х годов)*

*1. Обострение проблемы
гражданских прав и свобод
в условиях политического кризиса 60-х годов.
Теория и практика
«гражданского неповиновения»*

Отличительной чертой внутренней жизни США 60-х годов явилось крайнее обострение социально-политических противоречий, приведшее к глубокому политическому кризису в стране. Усилившаяся борьба негритянского населения против расовой дискриминации переросла в конце концов в массовое движение за гражданские права. Антивоенное молодежное движение протеста принимало все более широкие масштабы по мере эскалации войны во Вьетнаме. Эти движения как бы дополняли друг друга, и, хотя они преследовали разные цели, их радикальная направленность придала им удвоенную силу, помогла объединить в мощный поток левую оппозицию, требовавшую коренных перемен.

Массовый характер этих движений, их радикальные цели обусловили принципиальное изменение и самого подхода к проблеме гражданских свобод. Впервые со времен войны за независимость акцент стал делаться именно на философском и морально-этическом осмыслении гражданских свобод в контексте острых социально-политических противоречий современной американской действительности. Причем как раз вследствие радикализации сознания широких слоев американского

общества — негритянского населения, студенчества, молодежи в целом, значительной части творческой интеллигенции — фактического вовлечения их в движение социального протеста наметился коренной пересмотр пределов ряда важнейших гражданских свобод, непосредственно связанных с выражением оппозиционных взглядов, и форм их осуществления.

Уже на начальном этапе движения за гражданские права большую популярность приобрела тактика «гражданского неповиновения», основные идеи которой были сформулированы еще в 40-х годах прошлого столетия американским мыслителем-трансценденталистом Генри Дэвидом Торо в кратком политическом трактате того же названия. Главная идея его трактата — существование закона высшего порядка по сравнению с законами государственной власти. Это закон совести, чувство справедливости. Единственная обязанность, которую Торо считал правомерным брать на себя, — всегда делать то, что гражданин лично считает справедливым. При слепом же уважении к закону даже самые благожелательные люди ежедневно становятся агентами несправедливости. Поэтому, когда совесть приходит в конфликт с требованием государственных законов, долг каждого подчиняться этому высшему закону, не повиноваться несправедливому закону страны, отказывать правительству в поддержке¹.

Специфика концепции «гражданского неповиновения» Торо и особенно таких последователей его учения, как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг, в ненасильственном характере протеста. Эта концепция отрицала в принципе насилие со стороны протестующих и неповиновующихся. Сопротивляться несправедливому закону, парализовать действия властей нужно самим фактом несогласия и неповиновения. Типичной формой такого ненасильственного гражданского неповиновения являются сидячие демонстрации. Их проведение предполагает нарушение соответствующих правил уличного движения, пользования помещениями и т. д. Сугубо пассивной формой гражданского неповиновения, исключающей проявление агрессивных действий и эмоций со стороны протестующих, считался также бойкот. Его смысл в игнорировании определенных «общественно полезных» мероприятий, отказ от услуг, предлагаемых системой зла, от сотрудничества с ней. Причем сторонники такого

классического ненасильственного гражданского неповиновения исходили из того, что тот, кто сознательно нарушает закон, должен проявлять готовность нести за это ответственность, вплоть до согласия подвергнуться тюремному заключению. Более того, уголовные преследования в определенных случаях рассматривались как положительный и даже желательный факт, способный якобы привлечь внимание всех людей доброй воли к несправедливости, освященной законом, вызвать у них стремление устранить ее.

Именно эта тактика и была взята на вооружение такими негритянскими организациями, как Комитет по расовому равенству и Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, объявившими в начале 60-х годов серию бойкотов торговых предприятий, «сидячих демонстраций» и маршей протеста. Подобной же тактикой руководствовались и многие «противники по совести» (conscientious objectors), отказывавшиеся принимать участие в несправедливой войне против вьетнамского народа. При этом особое внимание прессы и общественного мнения стало привлекать поведение тех молодых американцев, которые могли бы избежать службы в действующей армии, сославшись на свои пацифистские религиозные убеждения, однако не воспользовались этим, а проявили готовность отбывать тюремное заключение за отказ подчиниться закону о выборочном воинском призыве. Причем подобные случаи были далеко не единичны².

Сторонники концепции ненасильственного гражданского неповиновения опирались в своих действиях на сочувствие и поддержку многих честных американцев, однако встретили ожесточенный отпор всех реакционных сил. Широкие масштабы приобрело насилие над борцами за гражданские права со стороны властей и частных лиц. Жертвой террора пал лидер движения ненасильственных действий М. Л. Кинг, сраженный пулей убийцы в апреле 1968 г. Репрессиям стали подвергаться активисты антивоенного движения и просто молодые американцы, отказывавшиеся воевать во Вьетнаме из-за своих убеждений.

Первой репрессивной мерой, предпринятой федеральным конгрессом, было внесение 10 апреля 1968 г. поправки в новый закон о гражданских правах, которая не имела никакого отношения к его первоначальному

замыслу, а именно запрещению расовой дискриминации при покупке и аренде жилых домов. Эта поправка, известная под названием «закона против беспорядков»³, объявляла преступлением, караемым пятью годами тюремного заключения и штрафом в 10 тыс. долл., «переход границ штата с намерением подстрекать к беспорядкам, содействовать им, поощрять или непосредственно участвовать в них». Беспорядки (riots) были определены как любое собрание трех или более человек, участники которого причиняют или угрожают причинить вред другому лицу (лицам) или имуществу⁴.

Непосредственным поводом появления этой поправки послужили мятежи в гетто Детройта и Ньюарка в 1967 г., а также убийство М. Л. Кинга. Обусловлена же она была стремлением консервативных сил подавить массовые выступления борцов за гражданские права, подавить выступления участников молодежного антивоенного движения, нараставшего по мере эскалации войны во Вьетнаме. Однако официальной целью этой поправки провозглашалась борьба против массовых беспорядков, вандализма и насилия, которыми сопровождалась мятежи в негритянских гетто⁵, а также борьба с уголовной преступностью, буквально захлестнувшей всю страну.

Консервативные круги, объединенные вокруг оппозиционной республиканской партии, использовали обострение внутривластного кризиса для нападков на администрацию Джонсона. Причем объектом резкой критики были не только сам президент и министр юстиции Рамсей Кларк, но и суд Уоррена, занявший либеральную позицию в вопросе обеспечения процессуальных гарантий для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений⁶.

Суд Уоррена, в состав которого президент Джонсон в 1965 г. ввел либерала Эйба Фортаса, а в 1967 г. впервые за всю историю США — негра адвоката Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Тергуда Маршалла, стал в 1968 г. основным объектом критики со стороны кандидата в президенты от республиканской партии Ричарда Никсона, питавшего личную неприязнь к Эрлу Уоррену и объявившего восстановление «права и порядка» в стране главным пунктом своей внутривластной программы⁷. Но и массы американских обывателей, напуганные мятежами и

волной преступности, все чаще высказывались против суда Уоррена, требовали более жесткого обращения с подозреваемыми и предоставления больших прав полиции в ее борьбе с «преступностью на улицах». Так, журнал «Ньюсуик» сообщил, что 72% опрошенных высказались за снятие отпечатков пальцев у каждого взрослого, 50% считали, что полиции должно быть предоставлено право останавливать каждого подозреваемого и обыскивать его на месте, более 40% не возражали, чтобы полиция прослушивала телефонные разговоры с целью выявления преступников, а также, чтобы ей было предоставлено право задерживать любого подозреваемого на срок до 24 часов. Страх перед «преступностью на улицах» был столь велик, что многие американцы были готовы ограничить собственную свободу. При этом опрос, проведенный радиотелевизионной компанией «Коламбия», показал, что большинство согласно с ограничением даже таких свобод, предоставленных Биллем о правах, как свобода печати и право арестованных на освобождение под залог⁸.

Оказавшись несостоятельным в реализации своей широковещательной программы построения «Великого общества» и потерпев поражение в политике эскалации войны во Вьетнаме, Джонсон в 1968 г. под давлением сторонников «права и порядка» подписал новый уголовный закон — «Сводный закон о контроле над преступностью и обеспечении безопасности на улицах»⁹.

Этим актом (ч. III) было узаконено (с санкции суда в каждом конкретном случае) подслушивание телефонных разговоров при расследовании особо опасных уголовных преступлений (убийство, киднэппинг, грабеж, торговля наркотиками и др.), санкционированное ранее, в декабре 1967 г., решением Верховного суда по делу Каца¹⁰. Однако по новому закону уже не требовалось предварительных разрешений суда. Требовалась лишь последующая судебная санкция в течение 48 часов после начала подслушивания¹¹. Тем самым процедурная гарантия прецедента Каца была сильно ослаблена. Было также ослаблено действие прецедента Миранды, поскольку закон 1968 г. допустил использование добровольных показаний в качестве судебных доказательств вины во всех федеральных уголовных процессах¹².

Оба закона, принятые в последние месяцы правления администрации Джонсона, преследовали цель не

только пресечь уголовные преступления, но и остановить активистов движения протеста. Так, на основании первого закона (поправка о запрещении расовой дискриминации при найме и покупке домов) во время национального съезда демократической партии, происходившего летом 1968 г. в Чикаго, были осуждены семь активистов протеста. Указанный закон был использован также в 1970—1971 гг. в Нью-Йорке, Нью-Хэвене и Сан-Рафаэле в процессах над негритянскими борцами за гражданские права. На основании второго закона в 1969 г. было санкционировано телефонное подслушивание в 302 случаях, а в 1970 г. — в 597¹³.

Однако администрация Никсона не довольствовалась только этими законами, принятыми обанкротившейся администрацией Джонсона. В 1969 г. в палате представителей был создан Комитет по внутренней безопасности, ставший преемником печально известной Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. В компетенцию этого комитета входило изучение «размера, характера и целей деятельности внутри США организаций и групп (а также их членов, агентов и лиц, сотрудничающих с ними), которые подстрекают к актам насилия, террора или другим незаконным действиям либо совершают таковые в целях обструкции или оказания сопротивления законному правительству США при осуществлении им мероприятий по обеспечению внутренней безопасности»¹⁴. Наделенный такими полномочиями и возглавляемый консервативным республиканцем Ричардом Айкордом новый комитет немедленно приступил к изучению революционного насилия в Америке. Так, уже в марте 1969 г. с целью определить степень «возможной причастности к совершению актов насилия и других незаконных действий» он провел специальное расследование деятельности организации «Студенты — за демократическое общество» в таких университетах, как Джорджтаунский¹⁵, им. Джорджа Вашингтона, Американский, Чикагский и Кентский, а также в средних школах Колумбуса и Эйкрона (Огайо)¹⁶, Детройта и Питтсбурга. Особое внимание уделялось роли этой организации в демонстрациях протеста во время национального съезда демократической партии в Чикаго в 1968 г., а также в кампании за отзыв американских войск из Вьетнама. Комитет занялся также расследованием деятельности Нового мобилиза-

ционного комитета за прекращение войны во Вьетнаме и радикальной негритянской организации «Черные пантеры» в г. Канзасе.

Стремясь обеспечить «право и порядок», положить конец «преступности на улицах», Никсон усилил давление на Верховный суд и летом 1969 г. вынудил уйти в отставку Эрла Уоррена, назначив на его место Уоррена Бергера — юриста с более консервативными взглядами. В 1970 г. в состав Верховного суда был введен Х. Блэкман, а в 1972 г. — Л. Пауэлл и У. Ренквист. Это было сделано с целью изменить соотношение сил между либеральным и консервативным крылом высшего органа американского правосудия. В результате страна получила Верховный суд с «консервативным» большинством (Бергер, Блэкман, Уайт, Стюарт, Пауэлл и Ренквист), которому противостояло теперь лишь «либеральное» меньшинство (Дуглас, Бреннан и Маршалл) ¹⁷.

С особым рвением президент Никсон принялся наводить порядок в округе Колумбия, назвав его «всемирной столицей преступности» ¹⁸. Вскоре же после избрания его президентом он обратился в конгресс с законопроектом, санкционирующим подслушивание телефонных разговоров и превентивное содержание под арестом лиц, считающихся особо опасными преступниками. Законопроект этот был одобрен конгрессом и включен в уголовный статут округа Колумбия под названием «Закон 1970 г. по контролю над организованной преступностью» ¹⁹.

Однако вся прогрессивная американская общественность единодушно оценила новый законодательный акт как открытое наступление на свободы граждан, особенно черных, составлявших 71% населения г. Вашингтона. Причем была усилена полицейская слежка за всеми леворадикальными элементами.

Поощряемые федеральной администрацией власти почти всех крупных городов и ряда штатов усилили репрессии против радикальных организаций и их членов, нарушая основные принципы законности и процессуальные гарантии Билля о правах. Особенно откровенно попирались процессуальные гарантии членов организации «Черные пантеры», причем судебные власти Нью-Йорка соглашались освобождать их лишь под залог в 100 тыс. долл. за каждого ²⁰, что противоречило VIII

поправке к федеральной конституции. Грубейшим образом нарушались также гарантии «хабеас корпус». Так, во многих тюрьмах арестованные содержались без суда три, четыре, шесть месяцев, год и даже больше. При этом нередко оказывалось, что в конце концов присуждались они к значительно меньшим срокам тюремного заключения, чем те, которые уже отбыли без суда. По одной же из тюремных переписей, проведенных в начале 70-х годов, выяснилось, что 52% заключенных вообще не были признаны виновными²¹. В 1970 г. откровенным нарушением законности и Билля о правах была попытка привлечения к уголовной ответственности за «заговор, похищение людей и убийство» преподавателя Калифорнийского университета, члена ЦК компартии США Анджелы Дэвис²². Процесс, сфабрикованный против нее калифорнийской реакцией, закончился полным провалом, что имело огромное значение с моральной и политической точек зрения. Это, однако, стоило мужественной американской коммунистке колоссального напряжения сил и 16-месячного пребывания в тюрьме в самых тяжелых условиях²³.

1970 год ознаменовался не только массовыми выступлениями протеста на улицах, но и мятежами заключенных г. Нью-Йорка. Его тюрьмы были переполнены, заключенные содержались в невыносимых условиях, причем 8 тыс. из 14 томились в ожидании суда. Первый мятеж произошел в августе в тюрьмах Манхэттена, сопровождавшийся поджогами, уничтожением мебели и захватом стражников в качестве заложников. Однако самые массовые и разрушительные мятежи, которых американская история не знала уже 110 лет, произошли в октябре в тюрьмах Лонг-Айленда. В них приняло участие свыше 2,5 тыс. человек, а ущерб, причиненный ими тюремному имуществу, исчислялся в 1 млн. долл. Рискую жизнью, мэр Нью-Йорка Джон Линдсей был вынужден встретиться с мятежниками и выслушать их жалобы²⁴.

Массовые нарушения процессуальных гарантий, а также многочисленные судебные преследования радикалов, нередко исключительно за их политические убеждения, вызвали протест всей прогрессивной общественности Америки. Политика Никсона по борьбе с преступностью и особенно методы этой борьбы стали объектом резкой критики. Даже бывший министр юсти-

ции Рамсей Кларк стал одним из активных критиков этих методов, заявив, что борьба против организованной преступности с помощью подслушивания телефонных разговоров приведет в конце концов к тотальному правительственному контролю над рядовыми гражданами²⁵.

Специалисты, исследовавшие проблему насилия в Америке в конце 60-х — начале 70-х годов, единодушно признают, что расширение его масштабов не может быть понято вне контекста того климата, который был создан гонкой вооружений и войной во Вьетнаме. Одновременно, однако, обращалось внимание и на более давние и глубокие корни насилия в американском обществе, а именно на то, что на протяжении почти всей истории США имело место преследование и подавление диссидентов и оппозиционных групп, причинившие большой вред этике демократии²⁶. Только с учетом указанного выше факта, а также ввиду неспособности существующих институтов решать назревшие социально-политические проблемы и следует, по мнению этих авторов, оценивать практику гражданского неповиновения в условиях политического кризиса 60-х годов²⁷.

Глубоким реалистическим пониманием проблемы политического протеста отличалась в эти годы позиция ряда видных американских юристов. Они, правда, не разделяли крайних взглядов новых левых на то, что только прямое действие, опирающееся на насилие, способно дать желаемый результат. Однако еще большую опасность они усматривали в тенденции уничтожить под лозунгом «права и порядка» конституционную свободу выражения несогласия, переложить вину за беспорядки на самих демонстрантов, причем даже в тех случаях, когда насилие применялось полицией и враждебно настроенной толпой. Так, видный американский юрист поборник гражданских свобод Томас И. Эмерсон, признавая ценность правопорядка для нормального функционирования любого общества и его политической системы, в то же время категорически отверг идею обеспечения этого правопорядка за счет ограничения свободы высказываний. Согласно Эмерсону, совершенно неверными являются также мнения, что система свободного выражения взглядов вообще может функционировать без тех или иных нарушений закона и порядка: выражение взглядов всегда вызывает споры

и эмоции, в которые оказываются вовлеченными массы людей, и уже сам по себе этот факт делает возможным возникновение беспорядков. Поэтому требование гарантий абсолютно мирного проведения демонстраций означало бы уничтожение самой свободы публичных собраний и высказываний. Более того, «некоторое нарушение внутреннего порядка — неизбежная цена поддержания живой, динамичной системы выражения взглядов»²⁸.

Если же учесть, что существующая система правопорядка далеко не нейтральная к диссидентским группам и ориентирована на сохранение статуса-кво, то естественно, что всякие выдвигаемые ими требования изменений могут привести к столкновениям с этой системой. Причем, подчеркнул Эмерсон, во время массовых собраний и демонстраций физическое насилие совершают, как правило, не демонстранты, а их противники — оппозиционные группы и враждебно настроенные местные власти. А отсюда следует, что обвинения самих демонстрантов в насилии часто совершенно необоснованны и несправедливы. Но даже если демонстранты все-таки прибегают к насилию, это свидетельствует прежде всего о том, что определенные социальные группы отчаялись устранить несправедливость мирным путем, что общество и его институты отказывают им в осуществлении их человеческих прав, ибо утратили способность к дальнейшему прогрессивному развитию²⁹.

Аналогичные взгляды высказывали и те юристы, которые принимали активное участие в деятельности Американского союза борьбы за гражданские свободы, добиваясь восстановления конституционных гарантий свободы выражения политического протеста и отмены закона о выборочном воинском призыве, считая его «позорной формой принудительного труда», в течение многих лет подрывавшей моральные устои американской нации и особенно ее молодежи³⁰.

Реалистическим пониманием мотивов, целей и средств движения протеста отличалась в эти годы деятельность самого стойкого и последовательного поборника гражданских свобод в Верховном суде США Уильяма О. Дугласа. Он рассматривал это движение как вполне законное стремление обездоленных социальных групп и передовой молодежи Америки преобразовать свою страну в более современное, гуманное и справедливое общество. Поэтому он категорически отвергал

правительственную политику восстановления «права и порядка» в той ее части, которая представляла собой откровенную попытку подавить это движение, направленное против социальной несправедливости и позорной войны во Вьетнаме, ограничить конституционное право на несогласие. Причем Дуглас как реалист прекрасно понимал, насколько репрессивны были действия местных властей, призванных обеспечить этот «правопорядок»³¹.

Принципиальной гражданственностью, остро критическим восприятием противоречий американского общества конца 60-х годов проникнута брошюра Дугласа «Смысл мятежа»³². В ней он не только подверг резкой критике основы американской социально-политической системы, но и открыто солидаризировался с силами движения протеста, охарактеризовав практику гражданского неповиновения как попытку утверждения веры в человека, как протест против жизни, подчиненной предрассудкам и условиям, создающим крайности богатства и бедности, способствующим единообразию мышления, как протест против общества, которое узаконило унижение и эксплуатацию людей³³. Дуглас поэтому не считал возможным осуждать и те факты проявления насилия, которые имели место во время некоторых манифестаций протеста. Более того, насилие, согласно Дугласу, вполне естественно при той остроте социального накала, которая была характерна для борьбы за расовое равенство и прекращение войны во Вьетнаме³⁴. В условиях же, когда недовольство долго накапливается, а выборные представители продолжают отстаивать интересы господствующих классов, насилие может стать единственно действенной мерой со стороны обездоленных и несогласных³⁵.

Брошюра Дугласа настолько шокировала консерваторов и умеренных либералов в палате представителей конгресса США, что в апреле 1970 г. 104 ее члена во главе с Дж. Фордом голосовали за проект резолюции об импичменте этого последовательного защитника Билля о правах³⁶. Поскольку брошюра носила характер остро политического памфлета, в ней уделялось недостаточно внимания сугубо юридическим вопросам, связанным с осуществлением конституционной свободы собраний и демонстраций. Между тем в Верховном суде США именно Дугласу принадлежала ведущая роль в

устранении тех многочисленных ограничений, которым подвергались в эти годы даже вполне традиционные формы права на несогласие.

2. Свобода собраний и демонстраций в решениях Верховного суда

Массовый характер собраний и демонстраций протеста, нередко сопровождавшихся применением различных форм гражданского неповиновения и «прямого действия», поставил перед Верховным судом ряд серьезных проблем при рассмотрении дел, связанных с осуществлением этих важнейших гражданских свобод. Число таких дел резко увеличилось, конкретные обстоятельства рассматриваемых случаев усложнились. Но, что особенно важно, менялось отношение самих судей к формам и методам осуществления свободы собраний и демонстраций. Причем позиции некоторых судей изменились явно не в пользу участников движения протеста, что особенно отчетливо проявилось у судьи Блэка, который все чаще стал выступать как сторонник «права и порядка»³⁷.

Одной из проблем, которую пришлось решать Верховному суду по этой категории дел, была проблема «нарушения спокойствия» (breach of the peace issue). Естественно, что всякие массовые манифестации политического характера вызывают ответную реакцию, которая в случае враждебной настроенности к демонстрантам толпы или полиции действительно чревата нарушением спокойствия и даже открытым столкновением между ними. В результате свобода собраний и демонстраций всегда оказывалась под угрозой, особенно если учесть, что во всех штатах законы предусматривают ответственность за нарушение общественного порядка. Угроза эта еще более усиливается, когда выступают оппозиционные элементы, осуждающие действия властей или требующие политических реформ. В США законы об охране общественного порядка всегда были важнейшим способом запрещения и разгона собраний и демонстраций радикалов. В 60-е же годы эти законы стали особенно широко использоваться в южных штатах против негритянских борцов за гражданские права, причем не только в случаях применения ими тактики «прямых действий» и гражданского неповиновения, но и

проведения обычных уличных шествий и собраний. Первым делом этой категории, рассмотренным Верховным судом США в 1961 г., было дело Гарнера против Луизианы³⁸, связанное с сидячей демонстрацией в помещении кафе, принадлежавшего частному лицу. Демонстранты были осуждены за «нарушение спокойствия», выразившегося в отказе покинуть помещение по требованию полиции. Особенностью этого инцидента было, однако, то, что сам хозяин кафе не выгонял демонстрантов, а их арест произошел исключительно по инициативе полиции. Главным образом именно по этой причине Верховный суд единогласно отменил приговор. Причем даже судья Харлан стал на сторону демонстрантов и классифицировал их действия как своеобразную форму выражения взглядов, пользующуюся защитой I поправки к конституции³⁹.

Второе дело (Эдвардса), рассмотренное в 1963 г.⁴⁰, касалось проведения демонстрации против сегрегации, которую группа школьников и студентов организовала у здания законодательного собрания в г. Колумбия штата Южная Каролина. Несмотря на мирный характер демонстрации, полиция приказала ее участникам разойтись, ссылаясь на то, что на улице собралась толпа в несколько сот человек, некоторые из которых были настроены враждебно, хотя и не прибегали при этом к открытым действиям или даже словесным угрозам. Когда же демонстранты не подчинились приказу полиции и стали петь патриотические и религиозные песни, они были арестованы, а потом осуждены за «нарушение спокойствия» по нормам «общего права».

Отмена Верховным судом приговора Эдвардсу и другим участникам демонстрации не была неожиданностью, поскольку к этому времени либеральное крыло в суде Уоррена занимало уже достаточно крепкие позиции. Однако то, что решение Верховного суда было принято почти единогласно (против высказался лишь судья Кларк), свидетельствовало о намерении подавляющего большинства его членов пресечь использование норм «общего права» об ответственности за «нарушение спокойствия» против мирных демонстраций. Более того, Верховный суд восстановил давно забытый и фактически отмененный прецедент 1949 г. по делу Терминиелло, которым применение норм «общего права» к участникам и организаторам собраний и демонст-

раций было признано незаконным даже в тех случаях, когда демонстранты «вызывают гнев толпы, порождают споры или приводят к состоянию беспокойства и возбуждения»⁴¹. Более того, снова обрел силу сформулированный судьей Дугласом в том решении принцип, согласно которому сама функция свободы слова, собраний и демонстраций — «стимулировать диспуты, создавать ситуацию озабоченности и неудовлетворенности» теми или иными условиями и явлениями общественной жизни, предотвращать «стандартизацию взглядов и идей, навязываемую законодателями, судами и господствующими политическими или иными общественными группами»⁴².

Как подчеркнул судья Стюарт, сформулировавший решение по делу Эдвардса, демонстрация 187 школьников и студентов Южной Каролины представляла собой осуществление свободы слова, собраний и демонстраций «в их первозданной и классической форме»⁴³, демонстранты же, требовавшие устранения несправедливости, были осуждены на основе доказательств, свидетельствовавших лишь о том, что мнения, которые они мирно выражали, существенно расходились с мнением большинства членов общины, в результате чего собралась толпа и потребовалось вмешательство полиции. Отмена Верховным судом этого приговора означала подтверждение конституционных гарантий мирных собраний и демонстраций, подорванных в 1951 г. решением по делу студента-радикала Файнера.

Через год Верховный суд единогласно отменил приговор, вынесенный властями Луизианы организатору демонстрации протеста Коксу⁴⁴ за нарушение местного закона об охране общественного порядка. Формулируя мнение большинства, судья А. Голдберг нашел обстоятельства данного дела поразительно сходными с обстоятельствами дела Эдвардса: демонстрация студентов-негров была совершенно мирной, ее участники не были агрессивны и никому не угрожали насилием. Суд признал также неконституционной и ту часть статута Луизианы, которая объявляла преступлением всякое собрание, организованное с намерением нарушить спокойствие или способное привести к нарушению порядка. Эта норма, по мнению суда, создавала почву для слишком больших злоупотреблений властью и фактически санкционировала наказание за одно лишь выражение

непопулярных взглядов. Суд также постановил, что отказ демонстрантов подчиниться требованию шерифа разойтись никак не мог служить основанием для их осуждения, поскольку мотив этого требования — не допустить проведение сидячей демонстрации в кафе — противоречил духу и букве закона о гражданских правах, запрещающего сегрегацию в местах общественного обслуживания⁴⁵.

В 1965 г. в решении по делу Шаттлуорта против Бирмингама⁴⁶ Верховный суд высказался еще более категорично против предоставления полиции полномочий по ограничению свободы демонстраций. В этом деле суд безоговорочно объявил неконституционным положение ордонанса г. Бирмингама, запрещавшее пребывание на улице или тротуаре после приказа полицейского покинуть это место. Формулируя решение суда, Стюарт обратил внимание на тот момент, что если следовать такому требованию, то окажется, что пользование тротуарами в Бирмингеме целиком зависит от прихоти полицейских этого города. Если же учесть, что в существующих условиях полиция склонна произвольно подавлять свободы, гарантированные I поправкой, то нельзя не признать, что «закон такого рода несет на себе отчетливое клеймо полицейского государства»⁴⁷.

Более того, в последующие годы суд стал выступать в поддержку демонстрантов и в тех случаях, когда возникала реальная угроза возникновения беспорядков, но исходила она не от самих участников протеста, а от враждебно настроенной к ним толпы. Так, в 1969 г. Верховный суд единогласно отменил приговор участникам негритянской демонстрации протеста в Чикаго за отказ разойтись, когда толпа расистов стала бросать в них камни. При этом судья Уоррен подчеркнул недопустимость осуждения и обвинения в нарушении общественного порядка тех, кто ведет себя спокойно даже в такой ситуации, когда их откровенно провоцируют на открытое столкновение с применением силы⁴⁸.

Менее последовательным оказалось, однако, отношение Верховного суда к вопросу о предварительных разрешениях на проведение собраний и демонстраций. Если в 50-х годах в ряде своих постановлений он признал неконституционным предъявление к демонстрантам требований на получение от властей предварительных разрешений⁴⁹, то в 1967 г. вынес решение⁵⁰, свиде-

тельствовавшее об отходе значительной части членов Верховного суда от своей прежней позиции. Дело было связано с применением другого положения уже упоминавшегося ордонанса Бирмингама, которое запрещало организацию парадов, процессий и иных шествий на улицах или участие в них без получения предварительного разрешения городских властей. При этом ордонанс предоставлял последним право отказывать в выдаче таких разрешений, если власти сочтут проведение той или иной демонстрации противоречащей интересам «обеспечения общественного благосостояния, мира, безопасности, здоровья, приличия, правопорядка, морали или удобства жителей города»⁵¹.

В 1963 г. группа, возглавляемая М. Л. Кингом, организовала в Бирмингеме серию демонстраций против расовой дискриминации, не получив на то разрешение властей и не подчинившись судебным запретам на проведение дальнейших демонстраций. В результате многие были арестованы, а восемь негритянских священников, включая самого Кинга, приговорены к штрафам и пятидневному тюремному заключению за «неуважение к суду». Это решение было обжаловано в Верховном суде Алабамы. Однако приговор был утвержден, а аргументы защиты о неконституционности ордонанса и дискриминации, имевшей место в практике применения его полицией Бирмингама, были отвергнуты. И вот в 1967 г. большинством всего в один голос (пять против четырех) Верховный суд США также утвердил этот приговор. Причем судья Стюарт, сформулировавший мнение большинства, не только не оспаривал конституционность приведенного выше положения ордонанса, но категорично заявил о необходимости подчиняться судебным запретам, даже если они ошибочны и делаются на основе законов, положения которых сомнительны. «Суд,— сказал он,— не может признать конституционной свободу апеллянтов игнорировать все законные процедуры и переносить борьбу на улицы. Можно симпатизировать их приверженности своему делу, но уважение к судебному процессу — небольшая цена за то, чтобы закон мог придать убедительную силу конституционной свободе»⁵².

Это решение большинства, к которому присоединился и судья Блэк, было категорически отвергнуто судьями Уорреном, Дугласом, Бреннаном и Фортасом,

В своих особых мнениях они подчеркнули, что признание подобных ордонансов и судебных запретов конституционными означало бы фактическую ликвидацию свободы слова и собраний, гарантированных I поправкой, особенно если учесть, что городские власти и прежде всего полицейский комиссар Юджин Коннор не скрывали своих намерений пресечь деятельность борцов за гражданские права в Бирмингеме. При этом главный судья Уоррен обратил внимание на тот факт, что в целом ряде судебных постановлений неподчинение неконституционным законам было признано той формой гражданского неповиновения, которая помогает восстановлению справедливости и отмене дискриминационных законов.

Однако через несколько лет либеральному крылу удалось добиться пересмотра позиции Верховного суда в вопросе о судебных запретах и предварительных разрешениях. Уже в 1968 г. суд признал незаконными предварительные судебные запреты на проведение митингов и демонстраций, которые, по мнению властей, могут вызвать беспорядки⁵³. А еще через год, наконец, был признан неконституционным и бирмингамский ордонанс в целом⁵⁴. При этом суд подтвердил силу прецедентов 1951 и 1958 гг. и открыто провозгласил право каждого гражданина, сталкивающегося с подобными «лицензионными законами», игнорировать их и безнаказанно осуществлять свободу выражения взглядов, которую такие законы пытаются ограничить⁵⁵.

Наибольшую непоследовательность, отрицательно сказавшуюся на конституционной свободе собраний и демонстраций, Верховный суд проявил в вопросе о месте их проведения. В американском праве всегда действовала норма, запрещающая пользоваться свободой выражения взглядов в нарушение права частной собственности на землю или иную недвижимость. Подобные действия, если они совершаются без согласия владельца, традиционно трактуются как противоправное нарушение владения (trespass) и влекут за собой материальную ответственность за причинение вреда. Но, как это ни парадоксально, вплоть до 1939 г. действовал прецедент 1897 г. по делу Дэвиса⁵⁶, не признававший за гражданами права пользоваться без разрешения властей улицами, парками и другими общественными местами в целях проведения собраний. Лишь в

1939 г. решением по делу Хэйга⁵⁷ Верховный суд официально признал за гражданами конституционное право на свободу такого пользования улицами, классифицировав запрещение властями Джерси Сити митинга Конгресса производственных профсоюзов как нарушение конституционных гарантий, предусмотренных XIV поправкой к Конституции США. При этом судья Дж. Робертс в своем особом мнении подчеркнул, что с незапамятных времен улицы и парки использовались в целях собраний, обмена мнениями и обсуждения общественных проблем и это составляло часть привилегий, прав и свобод граждан, которые можно было регулировать, но нельзя ограничивать или отрицать под предлогом регулирования.

Это решение по делу Хэйга стало действующим прецедентом, а особое мнение Робертса — руководящей доктриной для всех последующих решений Верховного суда, включая решение по делу Эдвардса против Южной Каролины 1963 г. (см. выше). Более того, в 1964 г. Верховный суд дважды вынес постановления в пользу участников «сидячих демонстраций» в помещениях частных предприятий общественного обслуживания. По мнению большинства, федеральный закон о гражданских правах предоставил иммунитет от ответственности за противоправное нарушение владения тем, кто отказывается покинуть помещение торгового предприятия, собственник которого не желает обслуживать клиентов исключительно по причине их расовой принадлежности. Однако трое членов Верховного суда — Блэк, Харлан и Уайт — выступили против такого решения. При этом особенно категоричен был Блэк, заявивший, что никто не давал права тем, кому отказано (хотя и незаконно) в обслуживании, «брать закон в свои руки и занимать помещение так долго, как им это заблагорассудится». По мнению Блэка, «одна из главных целей закона о гражданских правах 1964 г. — перенесение подобных споров из ресторанов и улиц в суды, уполномоченные конгрессом предоставлять средства правовой защиты в адекватной и строго упорядоченной законом форме»⁵⁸.

Особое мнение судьи Блэка по этим делам не было случайным и, как показало время, отражало явно наметившееся у него отрицательное отношение к массовому использованию свободы собраний и демонстраций участниками движения протеста. Причем Блэк и некото-

рые другие судьи поставили под сомнение даже принцип прецедента Хэйга, что проявилось уже в 1965 г. в деле Кокса против Луизианы.

Кокс был обвинен не только в «нарушении спокойствия», но также и в нарушении статута Луизианы, запрещающего мешать проезду транспорта и прохождению пешеходов. Правда, Верховный суд большинством голосов отменил приговор Коксу. Однако судья Голдберг, сформулировавший мнение большинства, отказался дать оценку этому статуту Луизианы с точки зрения прецедента Хэйга и акцентировал внимание на самом факте произвола властей в разрешении одних и запрещении других демонстраций. Более того, Голдберг категорически отверг утверждения апелланта, что I и XIV поправки одинаково защищают и тех, «кто выражает свое несогласие с помощью таких действий, как патрулирование, шествие или пикетирование», и тех, кто это делает «исключительно с помощью слова»⁵⁹. Тем самым Голдберг дал понять, что свобода демонстраций и собраний не пользуется той же степенью защиты, как свобода слова и печати, поскольку в данном случае речь идет о выражении мнения с помощью особого поведения.

Но еще более категорично сформулировал эту мысль судья Блэк. По его мнению, I и XIV поправки лишь тогда лишают правительство штатов и федерации права ограничивать свободу слова, печати и собраний, когда этими свободами пользуются в местах, специально для того выделенных. Что же касается пикетирования или патрулирования, то эти действия, по мнению Блэка, вообще не санкционируются конституционным правом и на них не распространяются гарантии I и XIV поправок даже в тех случаях, когда демонстрации проводятся на улицах, собственниками которых является общественность в лице муниципалитетов, не говоря уже о демонстрациях, организованных в частных владениях. «Кто поощряет веру групп меньшинств в то, что федеральная конституция и законы дают им право патрулировать улицы или пикетировать, где вздумается ...— оказывает плохую услугу как этим группам, так и их делу»⁶⁰.

Согласно Блэку, патрулирование и пикетирование не пользуются защитой I поправки потому, что, хотя они и связаны с выражением взглядов, однако в отличие от высказываний в устной или письменной форме

представляют собой «поведение» (conduct) и потому подлежат правительственному регулированию. Блэк предложил руководствоваться при таком регулировании критерием «балансирования интересов», не исключая, что предпочтение при этом может быть отдано и интересам выражения взглядов. Однако в принципе, подчеркнул Блэк, статуты, регулирующие патрулирование или уличное шествие, конституционны, поскольку направлены не на ограничение свободы слова, а на ограничение поведения. Применительно же к рассматриваемому делу он сказал, что, без сомнения, власти Луизианы полномочны запрещать всякое пикетирование на улицах или шоссе. «Собрание демонстрантов на улицах, патрулирование или пикетирование представляют собой поведение, а не ораторское выступление и потому могут регулироваться или даже запрещаться»⁶¹.

Конкретным видом поведения, запрещенным статутом Луизианы, было пикетирование вблизи здания суда. Вопрос об этом статуте особо рассматривался Верховным судом в деле Кокса, и, хотя приговор был отменен, ввиду того что полиция разрешила ему провести демонстрацию вблизи суда, сам по себе этот статут был признан пятью судьями конституционным на том основании, что запрещал выражение взглядов в форме определенного вида поведения, а именно проведения парадов или пикетирования вблизи зданий судов с «намерением затруднить осуществление правосудия, создать ему помехи или оказать влияние на судей, присяжных, свидетелей или иных судебных должностных лиц»⁶².

Формулируя мнение большинства, судья Голдберг сослался на тот факт, что закон Луизианы был составлен по образцу федерального закона, принятого в 1950 г. для запрещения пикетирования судов во время процессов над коммунистами, арестованными по закону Смита. Голдберг также подчеркнул, что закон исходит из нетождественности словесных высказываний и пикетирования, поскольку последнее, хотя и связано с выражением взглядов и свободой ассоциаций, является поведением и потому подлежит регулированию. Причем обоснованность такого регулирования якобы очевидна, когда речь идет о самой возможности помех осуществлению правосудия, оказания влияния на судей и присяжных в ходе судебного разбирательства, даже

если сама демонстрация носит сугубо мирный характер, как это имело место в рассмотренном деле.

Позиция, занятая большинством Верховного суда по данному вопросу, означала серьезный отход от принципа, согласно которому сама функция свободы выражения взглядов заключается в коммуникации идей, содержащих определенные требования к представителям власти, что само по себе предполагает оказание влияния и даже давления на последних. Кроме того, никто никогда не утверждал, что система правосудия пользуется иммунитетом от критики со стороны общественности. В решении же 1963 г. по делу Эдвардса суд признал законной демонстрацию вблизи капитолия Южной Каролины, не усмотрев в данной ситуации помехи работе законодательного собрания этого штата. Причем даже судья Блэк подчеркнул, что демонстрации такого рода представляют собой классическую форму осуществления свободы выражения политических взглядов, гарантированную I поправкой к Конституции США⁶⁷.

Совершенно очевидно, что с точки зрения права нет никакой разницы между демонстрациями перед зданием суда, законодательного собрания или иными правительственными учреждениями, если эти демонстрации проводятся мирно и преследуют сугубо политические цели — выражение несогласия или требование устранить несправедливость. И то, что Верховный суд признал конституционным статут Луизианы, запрещающий подобные действия вблизи здания суда, свидетельствовало об изменении отношения судей к этой важнейшей легальной форме политического протеста, к которой все чаще и чаще стали обращаться борцы за гражданские права. Конечно, если бы демонстранты угрожали прибегнуть к физическому насилию или каким-либо средствам запугивания судей, их действия явно выходили бы за пределы конституционного права. Но речь шла о сугубо мирной, организованной демонстрации, принципиально ничем не отличавшейся от признанного в 1963 г. законным собрания борцов за гражданские права, проведенного вблизи капитолия Южной Каролины.

Эта новая позиция большинства членов Верховного суда в отношении демонстраций и пикетирования стала устойчивой, что нашло свое отражение в ряде решений последующих лет. Так, в 1966 г. он утвердил приговор участникам мирной демонстрации протеста на террито-

рий тюрьмы, осужденным властями Флориды на основании статута «о нарушении владения»⁶⁴. Судья Блэк, сформулировавший мнение большинства, попытался обосновать этот приговор ссылкой на якобы принципиальное различие данной демонстрации и демонстрации, признанной законной по делу Эдвардса. «По традиции,— сказал он,— территория штатных capitoлий открыта для публики. Территория же тюрем — закрыта, ибо тюрьмы построены исключительно в целях обеспечения общественной безопасности». Понимая, однако, зыбкость такой аргументации, он перешел затем к пространственным теоретическим рассуждениям о пределах свободы собраний и демонстраций, очень напомиавшим аргументы давно забытого прецедента Дэвиса 1897 г., а именно, что «государство не менее, чем частный собственник, уполномочено охранять свои владения и контролировать использование их в тех целях, для которых они предназначены». По этой причине, по мнению Блэка, утверждения апеллянтов, что они имели конституционное право находиться на территории тюрьмы вопреки возражениям охраны, несостоятельны. Такое утверждение, подчеркнул Блэк, исходит из неправильного представления, что граждане, желающие протестовать или пропагандировать свои взгляды, имеют конституционное право делать это так, как им это вздумается, либо где и когда им это заблагорассудится. Подобное положение нигде и никем не было открыто сформулировано и не закреплено конституцией. Напротив, «такая концепция... была решительно отвергнута (в постановлении по делу Кокса.— В. К.). Мы отвергаем ее снова. Конституция США не запрещает штату контролировать использование его собственности строго в соответствии с ее законным и непосредственным назначением»⁶⁵.

Однако меньшинство — Уоррен, Дуглас, Бреннан и Фортас — в особом мнении, сформулированном Дугласом, заявило о своем принципиальном несогласии с этим решением, подчеркнув, что большинство отказывается признать традиционные свободы собраний и петиций, когда последние совершенно необходимы, а именно для защиты политических заключенных. Тот же факт, что заключенные содержатся в тюрьмах, естественно, приводит к тому, что тюремные здания становятся центром протеста. И это так же закономерно, как проведение демонстраций у здания законодательных собраний или

резиденций глав исполнительной власти, когда демонстранты выражают несогласие с принятыми ими решениями или требуют удовлетворения требований, находящихся в сфере компетенции указанных органов власти. Характер именно такого протеста и носила демонстрация перед зданием суда во Флориде, осуждение участников которой поддержал судья Блэк.

Концепция Блэка легла также в основу постановления по делу «Камерон против Джонсона», рассмотренному в 1968 г.⁶⁶ Этим постановлением Верховного суда был признан конституционным закон штата Миссисипи, ограничивавший право на пикетирование в случаях, когда это мешает свободному входу в государственные учреждения и выходу из них. Конечно, указанный закон предусматривал более частное и узкое ограничение свободы пикетирования, чем статут Луизианы, и в принципе ограничения такого рода можно считать оправданными. Однако большинство судей закрыли глаза на то, что этот статут был применен властями Миссисипи исключительно как предлог для разгона вполне законной демонстрации негров, требовавших восстановления своих избирательных прав, подтвержденных федеральным законом 1965 г.

В этом решении проявилось формальное отношение большинства членов Верховного суда к факту открытой дискриминации, на что указали в своих особых мнениях Фортас и Дуглас. Оно, однако, скорее отражало непоследовательность позиции высшего органа американского правосудия в вопросе свободы демонстраций и пикетирования, чем давало установку на их ограничение. Так, в 1966 и 1968 гг. Верховный суд вынес два важных постановления в пользу участников демонстраций протеста. В решении по делу Брауна⁶⁷ судья Фортас, сформулировавший мнение большинства, классифицировал «сидячую демонстрацию» негров в помещении публичной библиотеки как пользующуюся защитой I поправки форму выражения протеста по поводу сегрегации в местах общественного пользования⁶⁸. В 1968 г. было принято также решение, признавшее право пикетирования на территории частных торговых центров⁶⁹. На их основе апелляционный суд второго округа Нью-Йорка в 1968 г. вынес решение, признавшее право граждан распространять антивоенные листовки на территориях автобусных станций и вести там полити-

ческие дискуссии, подчеркнув, что подобные действия не могут квалифицироваться как помеха нормальному функционированию указанных общественных мест⁷⁰⁻⁷¹.

В 1969 г. Верховный суд не только снова подтвердил существование конституционного права на пикетирование в местах общественного пользования⁷², но и поддержал также такую необычную форму протеста против войны во Вьетнаме, как ношение учащимися черных траурных повязок в школьных помещениях⁷³. Верховный суд, однако, отказался санкционировать некоторые другие новые формы протеста. При этом логичная сама по себе формула, что сугубо «поведенческие» аспекты выражения протеста подлежат регулированию и должны быть «сбалансированы» с другими общественными интересами, была использована против такой получившей широкое распространение формы гражданского неповиновения, как сжигание призывниками своих военных билетов.

Так, в решении по делу О'Брайена⁷⁴ Верховный суд подавляющим большинством голосов (семь против одного) постановил, что сжигание регистрационных воинских удостоверений в знак протеста не является символической формой осуществления свободы слова, пользующейся защитой I поправки к конституции, и признал в этой связи конституционным федеральный закон 1965 г., специально установивший уголовные санкции за сознательное уничтожение военных билетов. Судья Уоррен, сформулировавший мнение большинства, заявил, что не разделяет точку зрения, согласно которой под категорию «свобода слова» подпадают якобы все формы поведения, с помощью которых граждане стремятся выразить свои взгляды. Напротив, подчеркнул он, «несловесные», «поведенческие» элементы выражения взглядов могут в определенных случаях настолько серьезно противоречить государственным интересам, что их регулирование и даже ограничение и запрещение становятся допустимыми и необходимыми. В отношении учетных призывных карточек такой запрет ничуть не менее оправдан, чем запрет уничтожения водительских удостоверений или учетных налоговых книг. Такой запрет установлен исключительно для обеспечения порядка в воинском учете и не преследует цели ограничения свободы выражения политических взглядов. В свою очередь демонстранты также не должны злоупотреблять

этой свободой, прибегая к средствам, подрывающим законный интерес государства в поддержании необходимой системы воинского учета. Это, подчеркнул Уоррен, как раз тот исключительный случай, когда запрещение конкретных поведенческих форм выражения взглядов оправданно и когда предпочтение должно быть отдано государственным интересам. Поэтому, как бы правомерны и обоснованны ни были мотивы антивоенного протеста, конкретная форма его выражения — уничтожение регистрационных удостоверений — незаконна и в данном случае ссылки на гарантии I поправки совершенно неуместны⁷⁵.

С этим решением не согласился лишь один член Верховного суда — Уильям О. Дуглас. Он не отрицал, что сжигание регистрационных удостоверений — незаконное действие. Однако, учитывая подлинные его цели — антивоенный протест, тем не менее отнес такое незаконное действие к категории «символического выражения мнения», в силу чего оно должно пользоваться не меньшей защитой I поправки к конституции, чем обычная словесная форма выражения протеста^{76–77}.

* * *

Рассмотренные решения Верховного суда по делам, связанным с осуществлением свободы собраний и демонстраций, отражают попытки этого высшего органа американского правосудия преодолеть те крайности во взглядах на цели и средства массовых движений протеста, которые раскололи американское общество в условиях политического кризиса 60-х годов.

Как мы видели, Верховный суд США из года в год пытался «сбалансировать» интересы участников движения протеста с требованиями восстановления «права и порядка», сохранить в принципе конституционную свободу выражения взглядов и одновременно поставить ее в определенные рамки, не допустить осуществление этой свободы в некоторых формах, порожденных теорией и практикой «гражданского неповиновения». При чем среди верховных судей проявилось серьезное расхождение во взглядах, а позиция большинства была далеко не последовательной, что объяснялось не только сложностью рассматриваемых дел, но также отсутствием у него четких принципов и критериев определения формы и содержания самой конституционной свободы

выражения взглядов. Более того, некоторые верховные судьи, и в первую очередь Блэк, вообще были склонны к отрицанию свободы собраний и демонстраций как права, гарантированного I поправкой к Конституции США. В результате в ряде случаев были приняты решения, которые не только не подтвердили правовое основание новых форм осуществления этой важной политической свободы, но даже поставили под сомнение правомерность использования традиционных форм политического протеста.

Более последовательной была позиция Верховного суда по делам о «противниках по совести» и антивоенной пропаганде. При этом расширение в ряде его постановлений традиционного права религиозных пацифистов на освобождение от службы в действующей армии явилось серьезной уступкой участникам антивоенного движения, фактической легализацией скрытой формы гражданского неповиновения закону о частичном воинском призыве.

3. Дела о «противниках по совести»

В США религиозные пацифистские убеждения традиционно считаются основанием для освобождения от военной службы или по крайней мере от участия в боевых действиях. Традиция эта уходит корнями в глубокое историческое прошлое этой страны, когда в освоении североамериканского континента активную роль играли члены различных религиозных пацифистских сект, прежде всего квакеры, задававшие тон в формировании буржуазного правопонимания религиозной свободы. А это правопонимание диктовало максимальную религиозную терпимость, служащую важным морально-правовым средством интеграции буржуазного общества, снятия остроты политических и иных социальных напряжений с помощью предоставления определенным религиозным диссидентам некоторых привилегий в области гражданских обязательств перед государством.

Правда, во время войны за независимость общественное мнение республиканского большинства требовало активного участия в боевых действиях против англичан всех американцев и не было склонно предоставлять такие привилегии кому бы то ни было, включая и квакеров. Но уже во время гражданской войны между Се-

вером и Югом право на освобождение от участия в боевых действиях религиозных пацифистов в принципе уже признавалось законом, хотя нередко и нарушалось. Закон о воинской повинности 1917 г. также предусматривал освобождение от военной службы квакеров и меннонитов. В 1940 г. эта привилегия была расширена за пределы круга членов признанных пацифистских религиозных сект и распространена на всех, кто «по причине религиозного воспитания и убеждения» сознательно отказывается участвовать в военных действиях. Однако в 1951 г. было разъяснено, что морально-этические убеждения нерелигиозного характера не могут служить основанием освобождения от военной службы.

В 1965 г., когда началась эскалация войны во Вьетнаме, § 456 j действовавшего в то время закона о частичном воинском призыве подчеркивал, что «религиозное воспитание и убеждения в этой связи означают веру индивида в то, что его долг перед Верховным существом выше обязанностей, вытекающих из каких-либо человеческих отношений, но такие убеждения не включают политические, социологические или философские по своей сути взгляды или сугубо личный моральный кодекс»⁷⁸⁻⁸⁰.

Однако вызванное началом эскалации массовое антивоенное движение внесло существенные поправки в действие этой нормы. Суд Уоррена посчитал необходимым пойти на определенные уступки противникам войны и уже в марте того же 1965 г. оправдал осужденных за отказ служить в армии трех призывников, пацифистские убеждения которых были скорее философско-этическими, чем религиозными, постановив, что любое «искреннее и глубокое убеждение, занимающее в жизни человека место, аналогичное тому, какое занимает ортодоксальная вера в Бога», отвечает сформулированному законом критерию освобождения от военной службы по религиозным убеждениям⁸¹.

Это постановление, известное как «прецедент по делу Сигера»⁸², означало, несомненно, либеральное и расширительное толкование религиозных убеждений, придание этому понятию более общего и философского смысла, распространение его на деистов, не принадлежащих к официальным церквям. С другой стороны, формально оно сохранило религиозную мотивацию в качестве основания для освобождения от военной служ-

бы. Более того, в постановлении по делу Сигера содержалась специальная оговорка, что данная привилегия не распространяется на тех пацифистов, убеждения которых целиком основаны на личном моральном кодексе или сугубо политических, социологических или экономических соображениях. Причем некоторые суды низшей инстанции стали толковать эту оговорку как абсолютное непризнание морально-этических убеждений в качестве основания для освобождения от военной службы⁸³.

Такое ограничительное толкование не соответствовало, однако, смыслу прецедента Сигера, и поэтому, когда через пять лет, в самый разгар войны во Вьетнаме, Верховному суду снова пришлось рассматривать аналогичный вопрос, он в своем решении по делу Уэлша⁸⁴ не только подтвердил силу прецедента Сигера, но и придал ему более четкое и вместе с тем расширительное либеральное толкование.

В отличие от Дэниэла А. Сигера и двух его товарищей по делу 1965 г., А. Джекобсона и Ф. Питера, Эллиот Эштон Уэлш прямо заявил призывной комиссии, что его убеждения основаны исключительно на «чувстве совести», возникшем в результате бесед с друзьями и чтения книг по истории и социологии. При этом он отказался отвечать на вопрос относительно его веры в «Верховное существо». В результате Уэлш и был привлечен к ответственности и осужден на основании закона о частичном воинском призыве⁸⁵.

В 1968 г. апелляционный суд девятого округа утвердил вынесенный Уэлшу приговор, не найдя религиозных оснований для его отказа от военной службы. Однако Верховный суд США пятью голосами против трех отменил этот приговор, постановив, что параграф об освобождении от воинского призыва должен распространяться на всех, кто считает, что участвовать в войне ему не позволяют совесть, глубокие моральные, этические или религиозные убеждения⁸⁶.

Решение по делу Уэлша стало действующим прецедентом, приравнявшим морально-этические убеждения к религиозным, что существенно расширило право пацифистов не участвовать в войне во Вьетнаме. Однако оно распространилось именно на убежденных пацифистов, т. е. противников всяких войн. Между тем было немало молодых людей, отказывавшихся участвовать именно в войне во Вьетнаме.

Противники этой войны, как и пацифисты, чаще всего ссылались на свою совесть, не позволявшую принимать участие в подобных аморальных и несправедливых действиях. Было, однако, немало молодых людей, в обоснование своего отказа ссылавшихся на решения Нюрнбергского трибунала и на ту интерпретацию, которую давали этим решениям юристы-члены Американского союза борьбы за гражданские свободы. Согласно такой интерпретации нюрнбергские приговоры возложили на каждого гражданина ответственность за незаконные действия своей страны и обязали не повиноваться приказам, которые могли бы вовлечь его в совершение военных преступлений, преступлений против мира и человечества. Другими словами, решения Нюрнбергского трибунала истолковывались таким образом, что каждый гражданин несет моральную ответственность за совершаемые им действия, даже если он принуждается к этому своим правительством⁸⁷.

Гражданские суды, однако, включая и Верховный суд, отказывались рассматривать апелляции, основанные на аргументации юристов-членов Союза борьбы за гражданские свободы»⁸⁸. Более того, судья Эйб Фортас в своей брошюре «Относительно несогласия и гражданского неповиновения» категорически отверг попытки этого Союза использовать решения Нюрнбергского трибунала в качестве основания для освобождения от военной службы противников войны во Вьетнаме. Согласно Фортасу, такая попытка юридически несостоятельна, поскольку якобы слишком произвольно и расширительно толкует решения, которые осуждали лишь тех, кто персонально ответствен за организацию массовых убийств гражданского населения и военнопленных, но никак не простых солдат, участвовавших в военных действиях⁸⁹. Однако Союз борьбы за гражданские свободы по-прежнему настаивал на том, что принципиальное несогласие участвовать в конкретной войне по морально-этическим соображениям должно пользоваться юридической защитой на тех же основаниях, что и отказ пацифистов участвовать во всякой войне.

Спорам по этому вопросу был положен конец в 1971 г. двумя решениями Верховного суда, вынесенными как одно постановление большинством в восемь голосов против одного⁹⁰. Постановление это было очень кратким и утверждало решения апелляционных судов второ-

го и девятого округов, признавших отказы Джиллетта и Негре от воинского призыва неправомерными, поскольку мотивировались они исключительно нежеланием участвовать в конкретной войне, тогда как ст. 6 (j) Закона о выборочном воинском призыве 1967 г. предусматривала, что призыву не подлежат лишь те лица, которые «по причине религиозного воспитания или убеждений сознательно отказываются участвовать в войне в любой форме».

Судья Маршалл, сформулировавший мнение большинства, интерпретировал эту статью и особенно фразу «в войне в любой форме» как «прямое намерение конгресса отказывать противникам конкретных войн в привилегии освобождения от военной службы»⁹¹. Джиллетт и Негре утверждали, что ст. 6 (j) нарушала принцип свободы совести, поскольку предоставляла привилегии лишь той категории граждан, «тотальный пацифизм» которых предопределялся их религиозными убеждениями, тогда как сами они, т. е. Джиллетт и Негре, относятся к категории верующих, отказ которых от участия в конкретной войне продиктован совестью (Негре был убежденным католиком). Эти аргументы, однако, были отвергнуты Маршаллом, считавшим, что ст. 6 (j) не противоречит I поправке к конституции и не может быть интерпретирована ни как нарушение свободы религиозных убеждений, ни тем более как установление какой-то официальной религии, пользующейся особой привилегией⁹².

Единственным членом Верховного суда, не согласившимся с решением большинства и выступившим с особым мнением, был Уильям О. Дуглас. Он признал, что в I поправке говорится непосредственно о свободе религиозных взглядов, а не о свободе убеждений совести. Однако, по его мнению, «совесть и убеждения — важнейшие ингредиенты всех прав, предусмотренных I поправкой»⁹³. Более того, «они — главные принципы, на которых основаны и свобода слова, и свобода религии». Поскольку же суд противопоставил совесть, продиктованную религией, совести, продиктованной более широкими философскими взглядами, он тем самым санкционировал дискриминацию Джиллетта и Негре, отказав им в конституционном праве на осуществление свободы совести и убеждений. Ограничение этой свободы, по твердому убеждению Дугласа, не оправдано ни-

какими соображениями. Напротив, «свобода несогласия не ограничивается малозначашими вещами», и мерилом ее социальной ценности является «право на несогласие по вопросам, затрагивающим сердцевину существующего порядка»⁹⁴. В этой фразе, воспроизводящей изречение из решения по делу Барнетта 1943 г., нашло концентрированное выражение признание Дугласом права на несогласие с войной во Вьетнаме тех тысяч молодых людей, которые считали свое участие в ней аморальным и противоречащим принципам человечности, но не принадлежали к категории убежденных пацифистов и потому не имели формального основания для освобождения от военного призыва. Однако и Дуглас обошел молчанием аргументацию Союза борьбы за гражданские свободы, ограничившись ссылками на сами принципы I поправки к конституции.

В июне 1971 г. состоялось давно ожидаемое рассмотрение Верховным судом дела Мухаммеда Али (Кассиуса Клея). Хотя Али и не был пацифистом, а, напротив, принадлежал к леворадикальному движению «Черных мусульман», тем не менее Верховный суд большинством в восемь голосов против одного отменил вынесенный ему в 1967 г. приговор за отказ подчиниться закону о воинском призыве. Принимая это решение под давлением общественного мнения, Верховный суд вопреки фактам классифицировал отказ Али участвовать в войне во Вьетнаме как «религиозное убеждение», признав тем самым за ним статус лица, пользующегося привилегией освобождения от военной службы⁹⁵. Уступив, таким образом, общественному мнению конкретно по отношению к Али, суд, однако, не изменил своей позиции в целом, которая по-прежнему заключалась в непризнании за призывниками права на несогласие воевать именно во Вьетнаме, т. е. отказываться от участия в конкретной войне, которую они считают несправедливой и позорной для своей страны.

4. Дела об антивоенной пропаганде

В 60-х годах был рассмотрен ряд дел, связанных с действиями по бойкоту закона о частичном воинском призыве, а также с другими формами антивоенной агитации и пропаганды. Причем в отличие от аналогичных дел в конце первой мировой войны и первые годы после

ее окончания американские суды заняли несравненно более либеральную позицию по этому вопросу. Так, в 1966 г. в одном случае Верховный суд поддержал открытое осуждение войны во Вьетнаме и заявление солидарности с теми, кто отказывается от участия в ней⁹⁶. Джулиан Бонд, негр, был избран в палату представителей Джорджии. Однако он не был допущен к осуществлению своих депутатских обязанностей вследствие его выступлений против закона о воинской повинности, а также критики им политики правительства США во Вьетнаме. Среди подписанных Бондом документов протеста было заявление Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, одним из руководителей которого и был в то время он сам. В этом заявлении осуждалась война США во Вьетнаме и то лицемерие, с которым американское правительство подавляло национально-освободительные движения, а также высказывалась солидарность с теми, кто не хотел повиноваться воинскому призыву и отдавать свои жизни за несправедливое дело.

Верховный суд единогласно постановил, что отказ Бонду занять свое место в палате представителей Джорджии — нарушение права, гарантированного I поправкой. Что же касается общей оппозиции войне во Вьетнаме, то, по мнению верховных судей, без сомнения, I поправка защищает выражение такой оппозиции, в том числе и протесты против существующей системы выборочного воинского призыва⁹⁷.

Если сравнить это постановление Верховного суда с решениями по делу Шенка или Дебса, то становится очевидным, как далеко продвинулся Верховный суд в деле признания права на антивоенную пропаганду. Суд, однако, был слишком лаконичен и своим решением не внес каких-либо принципиальных дополнений в развитие самой доктрины свободы выражения взглядов. Кроме того, это решение было сконцентрировано на конкретных обстоятельствах данного дела, которые, по мнению суда, свидетельствовали о том, что Бонд не занимался непосредственно «подстрекательством к нарушению закона» о воинской повинности.

Прямое отношение к этой проблеме имел документ «Призыв к сопротивлению незаконной власти», подписанный в сентябре 1967 г. 320 священниками, профессорами, писателями и видными представителями других

профессий. В нем перечислялись различные методы гражданского неповиновения и несогласия, которыми пользовались противники войны во Вьетнаме, а также содержалось заявление, что «каждая из этих форм сопротивления незаконной власти оправдана и является актом мужества». Подписавшие этот документ обязались посвятить себя сбору средств «в помощь сопротивлению войне во всех тех формах, которые представляются необходимыми», и обратились с призывом ко «всем людям доброй воли присоединиться к ним в этой конфронтации с аморальной властью»⁹⁸.

И вскоре 18 протестантских, католических и еврейских лидеров, которых поддерживали 50 делегатов на национальную конференцию по проблеме «Церковь и общество», публично заявили, что они советуют всем, кто по мотивам совести не признает службу в вооруженных силах, отказываться от нее, прибегая при этом к ненасильственным средствам⁹⁹. Аналогичные заявления были сделаны также многими другими организациями и отдельными лицами.

Такие заявления, носившие характер антивоенной агитации, поставили перед американскими судами серьезную проблему применения ст. 462 (а) закона о выборочном воинском призыве, запрещавшей «советовать призывникам или помогать им... игнорировать службу в вооруженных силах, уклоняться от нее, не подчиняться воинскому призыву либо подстрекать к подобным действиям». В 1968 г. пять видных противников войны во Вьетнаме были обвинены в «заговоре», направленном на совершение всех перечисленных выше незаконных актов. Это всемирно известный врач-педиатр д-р Бенджамин Спок, капеллан Йельского университета преподобный Уильям Слоан Коффин, директор Института политических исследований в Вашингтоне Маркус Раскин, нью-йоркский писатель и преподаватель Митчелл Гудман и выпускник Гарвардского университета Майкл Фербер. Во время процесса, широко освещенного средствами массовой коммуникации, Раскин был оправдан присяжными, а четверо других признаны виновными и присуждены к двум годам тюремного заключения. Однако апелляционный суд первого округа отменил эти приговоры.

Отказавшись признать, что поведение обвиняемых пользовалось защитой I поправки, большинство членов

апелляционного суда тем не менее отклонило обвинения, предъявленные Споку и Ферберу. Это было сделано на том основании, что не было достаточно доказательств, которые свидетельствовали бы о намерении Спока и Фербера сговориться к совершению действий, запрещенных законом. Дело же Коффина и Гудмана было возвращено на новое рассмотрение ввиду процедурных нарушений, допущенных судьей во время судебного разбирательства¹⁰⁰.

С теоретической точки зрения это решение апелляционного суда было неудовлетворительным и оставило неясным ряд принципиальных вопросов, связанных с формами осуществления конституционного права на свободу выражения взглядов (в частности, такой формы, как организованный сбор призывных карточек и передача их в министерство юстиции в знак протеста против системы воинского призыва).

Однако такое решение по существу признало право на антивоенную агитацию, поскольку отвергло в качестве доказательств вины подсудимых тот факт, что они являлись авторами уже упомянутого «Призыва к сопротивлению незаконной власти», активно собирали подписи под ним, а также организовывали местные группы в поддержку молодых людей-противников войны во Вьетнаме. Участие Спока и Фербера в пресс-конференции для пропаганды «Призыва» и объявления антивоенной демонстрации в качестве меры «прямого и активного сопротивления» также не было классифицировано как нарушение закона. Поэтому постановление апелляционного суда по делу Спока было крупной победой сил антивоенного движения и значительно расширило право на несогласие в условиях самого острого за послевоенный период политического кризиса США.

5. Дела о свободе печати

В 60-е годы снова стал актуальным вопрос о пределах конституционной свободы печати. Как уже отмечалось (см. гл. III), в годы маккартизма ограничение этой свободы осуществлялось главным образом различными внеправовыми методами, а законодательство штатов, содержащее положения общего права об ответственности за диффамацию и пасквиль, фактически не действовало. Хотя в 1952 г. Верховный суд санкциони-

ровал применение одного из таких законов¹⁰¹, это был единственный случай, когда была подана апелляция против нарушения свободы печати в такой форме. Однако по мере усиления движения за гражданские права власти южных штатов все чаще стали прибегать к законам о диффамации и пасквиле как к средству борьбы против тех органов периодической печати, которые считали необходимым доводить до сведения своих читателей мнение участников этого движения и его сторонников, а также факты полицейского произвола в отношении участников массовых демонстраций протеста¹⁰². В числе таких органов печати оказались ряд ведущих американских буржуазных газет и информационных агентств, которые не пожелали уступать истцам-расистам и обратились в Верховный суд с просьбой оградить их интересы от необоснованных притязаний. Верховный суд рассмотрел несколько дел этой категории и вынес постановления, имевшие принципиальное значение для развития конституционной доктрины свободы выражения взглядов в условиях, когда разоблачение расизма в печати стало одним из важнейших средств борьбы за гражданские права.

Постановления эти представляют интерес прежде всего для специалистов, особенно в области государственного права и политических учений. Они в наибольшей мере раскрывают специфику правовой аргументации «либертариистского» крыла суда Уоррена, заключающуюся в применении историко-философского толкования I поправки в духе либертарных доктрин свободы печати конца XVIII в. При этом надо иметь в виду, что в защите свободы печати от обвинений в пасквиле и диффамации Бреннан, Блэк, Голдберг и Дуглас явно вышли за пределы канонов правовой философии буржуазного либерализма, для которой характерна непоследовательность и половинчатость в толковании фундаментальной конституционной свободы выражения взглядов.

Расширение гарантий от ответственности за диффамацию. Первое из дел этой категории возникло в 1964 г. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала на целой полосе объявление, оплаченное Комитетом в защиту Мартина Лютера Кинга и борьбы за свободу на Юге, резко критиковавшее власти Алабамы. Глава полиции г. Монтегомери Л. Салливан предъявил этой газете иск на пол-

миллиона долларов, обвинив ее в публикации ложных и клеветнических заявлений, наказуемых по закону о пасквиле штата Алабама. Суд вынес решение в пользу Салливана, которое затем было утверждено верховным судом штата. Газета «Нью-Йорк таймс» подала апелляцию в Верховный суд США, который принял жалобу к рассмотрению и вынес постановление в пользу газеты¹⁰³.

Верховный суд признал, что в объявлении, опубликованном в «Нью-Йорк таймс», действительно содержались некоторые неточности. Так, в нем утверждалось, что полиция «окружила» кампус колледжа штата Алабама и что она арестовала д-ра Мартина Лютера Кинга 7 раз, тогда как на самом деле полицейские находились лишь вблизи кампуса, но не оцепляли его, а Кинг подвергался аресту всего 4 раза. Но, поскольку объявление было подано лицом, пользующимся хорошей репутацией, подписано многими выдающимися общественными деятелями и представителями искусства, включая Нормана Томаса, Элеонору Рузвельт, Гарри Белафонте, Ната Кинг Кола и Мохэлию Джэксон, не содержало персональных обвинений и не вызывало у редакции сомнений относительно сути освещаемых событий, оно было помещено в газету без проверки, хотя все перечисленные неточности могли бы быть выявлены при ознакомлении с картотекой статей, ранее опубликованных в «Нью-Йорк таймс». Верховный суд, однако, не придавал значения этим обстоятельствам. Более того, вынося решение в пользу газеты, он постановил, что при освещении в печати политических событий неизбежны как ошибки фактического порядка, так и диффамация должностных лиц и что комбинация фактических ошибок с диффамацией не может служить основанием для ограничения свободы печати, гарантированной I поправкой к конституции¹⁰⁴. «Ошибочные заявления, — подчеркнул сформулировавший это постановление судья Бреннан, — неизбежны при свободных дебатах и должны пользоваться защитой, если мы хотим, чтобы свободе выражения взглядов было чем „дышать“, и если мы действительно уверены в необходимости ее сохранения»¹⁰⁵. Норма же, заставляющая тех, кто критикует власти, обеспечить истинность всех фактических данных, неизбежно приводит к самоцензуре^{106–108}.

Согласно Бреннану, единственное основание для при-

влечения к ответственности за публикации, в которых критикуются действия конкретных представителей власти,— «существование действительно злого умысла» (actual malice), определенного Бреннаном как «информированность о ложном характере заявлений» либо «грубое пренебрежение» вопросом о том, правдивы они или ложны¹⁰⁹. Суд же Алабамы, как и сам закон этого штата, исходил из презумпции существования «злого умысла» в силу самого факта публикации, способного причинить ущерб авторитету Салливана, и не потребовал от истца никаких доказательств «действительного намерения» газеты причинить ему вред или доказательств «грубой небрежности» при публикации ею объявления, «порочащего» якобы личность комиссара полиции. Презумпция существования «злого умысла», подчеркнул Бреннан, совершенно несовместима с принципом свободы печати, и наличие «злого умысла» должно было быть доказано самим истцом. Бреннан посчитал также совершенно необоснованным предъявленное газете обвинение в том, что критика была направлена именно против самого Салливана. Что же касается штрафа, к выплате которого была присуждена «Нью-Йорк таймс», то, с точки зрения Бреннана, его сумма не только никак не соответствует причиненному ущербу, но вообще представляет собой акцию откровенного подавления свободы печати и создает прецедент, угрожающий самому существованию газет в Соединенных Штатах¹¹⁰.

Американская пресса единодушно приветствовала это решение, назвав его «жизненно важным» с точки зрения обеспечения свободы печати¹¹¹. Комментируя его, известный специалист по конституционному праву Гарри Калвен охарактеризовал постановление, сформулированное Бреннаном, как «мнение, которое может оказаться самым лучшим и значительным из того, что Верховный суд вообще когда-либо сделал для защиты свободы слова»¹¹². Согласно Калвену, свыше 160 лет вопрос о свободе печати не ставился и не решался столь принципиально, как это сделал Бреннан в 1964 г. Причем впервые за такой длительный период американской истории была официально подтверждена неконституционность Закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г., несовместимость его положений с гарантиями свободы слова и печати, предусмотренными I поправкой. Более

того, именно в истории полемики по поводу этого закона Бреннану удалось найти ключ к пониманию сущности I поправки, раскрыть содержание предусмотренной ею гарантии свободы слова и печати¹¹³.

Однако далеко не все восприняли это решение столь восторженно. Так, верховные судьи Блэк, Дуглас и Голдберг, хотя и присоединились к решению, сформулированному Бреннаном, однако сочли необходимым выступить с особыми мнениями, поскольку усмотрели в нем серьезные недостатки, а именно якобы слишком узкое и ограничительное толкование свободы печати. Согласно Блэку, постановление, сформулированное Бреннаном, лишь ограничило возможность возложения материальной ответственности за критику действий государственных должностных лиц, тогда как I и XIV поправки к конституции вообще лишают штаты каких бы то ни было полномочий по удовлетворению исков такого рода. Имея в виду, что Бреннан допускал право на предъявление исков за публикации, сделанные «действительно со злым умыслом», Блэк не только не согласился с такой точкой зрения, но и подчеркнул, что сама по себе концепция «злого умысла», даже в том ограничительном толковании, какое ей дал Бреннан, слишком неопределенна и абстрактна, чтобы с ее помощью можно было доказать наличие или отсутствие состава правонарушения¹¹⁴.

Само существование штатных законов о «пасквиле» создает, по мнению Блэка, угрозу свободе печати, и единственная гарантия такой свободы — признание абсолютного, безусловного конституционного права на публикацию любых материалов, содержащих критику властей. При этом Блэк сослался на пагубные последствия Закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г., а также на авторитет Таккера, либерального комментатора Блэкстона (см. гл. I), и Александра Майклджона, подчеркивавших безусловное право граждан критиковать свое правительство¹¹⁵.

С аналогичным мнением выступил судья Голдберг, который тоже сослался на исторические прецеденты, подтверждающие необходимость именно абсолютистского толкования содержания свободы печати¹¹⁶. К позиции Блэка и Голдберга присоединился также судья Дуглас, воздержавшись, однако, от формулирования своего особого мнения.

Спустя восемь месяцев после решения по делу «„Нью-Йорк таймс“ против Салливана» Верховный суд распространил гарантию этого прецедента и на случаи уголовной ответственности за пасквиль, единогласно отменив обвинительный приговор, вынесенный широко известному прокурору Нового Орлеана Гаррисону за его публичное обвинение местных властей в «лени и неэффективности» при расследовании преступлений¹¹⁷. При этом подчеркивалась недопустимость применения уголовных санкций против тех, кто критикует действия властей, если при этом не будет доказано, что критикующий сознательно искажает факты или догадывается о ложном характере делаемых им заявлений. В противном случае, сказал сформулировавший постановление Бреннан, «становится опасным делать любое высказывание против популярного политического деятеля», не говоря уже о том, что «нечестный и некомпетентный» также оказывается защищенным от всякой критики в свой адрес¹¹⁸.

Блэк и Дуглас согласились с заключительной частью постановления, а именно с отменой приговора Гаррисону. Однако, как и по делу Салливана, они выступили с особыми мнениями, подвергнув критике «узкое основание» защиты, предложенное Бреннаном, ибо оно допускало возможность уголовной ответственности за умышленное искажение фактов с целью подорвать авторитет должностного лица. По мнению Блэка, суд ошибается, полагая, что требование доказательства «злого умысла» может оградить граждан от уголовного преследования за критику властей. Напротив, «злоумышленный», «мятежный» и другие подобные понятия чаще всего использовались именно для преследования за высказывания по политическим вопросам. Причем все эти понятия имеют своим истоком не что иное, как дискредитированный закон «Звездной палаты» о «мятежном пасквиле», которому не место в США.

Не менее категорично высказался судья Дуглас. Для него мнение Бреннана также означало прежде всего допустимость уголовной ответственности за диффамацию, что крайне опасно само по себе. Более того, в решении по делу Гаррисона Дуглас усмотрел возрождение философии Закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г., наказывавшего именно за «ложные, скандальные и злоумышленные» публикации и исходившего из по-

нения «мятежный пасквиль», порожденного философией «Звездной палаты». Причем Дуглас назвал наивным предположение, что можно не найти «злого умысла» в публикациях, если учесть, что в реальной жизни полемические страсти неизбежно приводят к смешению фактов с домыслом. Что же касается «грубого пренебрежения к истине» как основания ответственности за пасквиль, то этим «туманным критерием» можно воспользоваться с еще большей легкостью для применения уголовных санкций¹¹⁹.

С тех же позиций концепция Бреннана подверглась критике со стороны такого крупнейшего современного американского специалиста по проблеме свободы выражения взглядов, как Томас И. Эмерсон. Для него, как и для Блэка, Голдберга и Дугласа, «злой умысел» — «уклончивая концепция», требующая доказательств «умственного состояния» автора публикации, что практически сделать невозможно. Точно так же невозможно ни доказать, ни опровергнуть наличие «грубой небрежности». Такая задача, по мнению Эмерсона, непосильна для присяжных. В то же время существование самой нормы об ответственности за «злой умысел» или «грубую небрежность» ставит автора в затруднительное положение и принуждает его к самоцензуре в неменьшей степени, чем ранее действовавшая норма об ответственности за простую небрежность¹²⁰.

Однако совершенно по-иному была оценена концепция Бреннана идеологами консервативных кругов. Так, на страницах журнала «Уильям энд Мэри ло ревью» появилась статья некоего Джерома Лоренса Мерина, в которой высказывалось сожаление по поводу того, что решение по делу Салливана положило начало отходу Верховного суда от «гибкого балансирования интересов» в сторону толкования им I поправки в «доктринерской манере», неспособной якобы правильно оценить ни намерений авторов конституции, ни «потребностей индивида» в современном обществе. Верховный суд, утверждал автор статьи, «явно переоценил» приверженность общества к ценности свободы слова и «недооценил» преданность американской формы правления делу «защиты индивида», практически лишив государственных должностных лиц возможности привлекать «клеветников» к ответственности. А между тем, полагает он, общество не заинтересовано в «защите лжи», тогда как современные

газеты представляют собой гигантские корпорации, которым нипочем никакие иски. Решения же Верховного суда якобы совершенно проигнорировали проблему ценности репутации человека и окончательно развязали руки и без того всемогущим газетам¹²¹. С аналогичной критикой концепции Бреннана выступили и некоторые прогрессивные юристы. Так, по мнению одного из старейших адвокатов Союза борьбы за гражданские свободы Озмонда Френкеля, прецедент по делу «„Нью-Йорк таймс“ против Салливана» фактически лишил граждан, особенно если они являются должностными лицами, возможности защитить свою репутацию от необоснованных обвинений в печати. Причем, как опытный юрист, Френкель обратил внимание на трудность доказательства «злого умысла» при публикации неточных или даже ложных сообщений¹²².

При сравнении столь различных точек зрения на концепцию Бреннана, равно как и при анализе самой этой концепции, невольно напрашивается аналогия с той полемикой по проблеме свободы печати, которая происходила в колониальный период развития Северной Америки и особенно в конце XVIII в. в связи с Законом о подстрекательстве к мятежу 1798 г. Причем, как мы видели, сам этот закон снова стал предметом теоретической дискуссии, а критика Бреннана Блэком, Голдбергом и Дугласом основывалась главным образом на том факте, что его концепция воспроизводила некоторые важнейшие положения этого антиконституционного закона.

В самом деле концепция Бреннана, допуская ответственность за «преднамеренные и злоумышленные ложные высказывания», внешне очень напоминает основную статью Закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г., причем вызывает недоумение тот факт, что сам Бреннан великолепно знал этот закон и, как и его критики, также делал акцент на его неконституционности, приводя соответствующие высказывания Джефферсона и Мэдисона. Однако при более тщательном изучении аргументации Бреннана становится ясным, что в ней есть своя внутренняя логика, обусловленная достаточно стройной философской концепцией. Философия эта заслуживает, несомненно, более высокой оценки, чем та, которую ей дали Блэк и Дуглас, и имеет в своей основе некоторые принципиальные положения классической

теории демократии, сформулированные в конце XVIII в. Джеймсом Мэдисоном и развитые в середине XX столетия известным педагогом-гуманистом Александром Майклджоном.

Суть этих положений в том, что демократия означает прежде всего самоуправление. Необходимым же его условием является свобода публичного обсуждения любых политических проблем, включая и действия самих властей, которые в условиях демократии всего лишь представители народа и находятся под его контролем. Поэтому функция I поправки не просто гарантировать свободу самовыражения, а обеспечить возможность самоуправления, научить народ принимать решения путем свободного обсуждения жизненно важных для общества проблем. В этом смысле, согласно Майклджону, свободы I поправки не «частные», а «публичные права», использование же их — «правительственная обязанность» граждан¹²³. Но, в то время как обсуждение политических проблем свободно от каких-либо ограничений, свобода слова в частной сфере неабсолютна и на нее не распространяются гарантии I поправки: диффамация частных лиц не пользуется защитой как раз потому, что она никак не связана с самоуправлением¹²⁴.

Именно эти идеи Мэдисона и особенно Майклджона легли в основу концепции, сформулированной Бреннаном в решениях 1964 г. о диффамации в печати. Согласно Бреннану, обстоятельства дела «„Нью-Йорк таймс“ против Салливана» «представляли собой классический пример деятельности, которую доктор Майклджон назвал деятельностью „правительственного значения“ в рамках полномочий, сохраняемых за народом и неуязвимых для санкций, налагаемых его правительством-агентом»¹²⁵. В решении же по делу Гаррисона Бреннан заявил, что «высказывания по поводу государственных дел более чем самовыражение: это само существо самоуправления», а I и XIV поправки воплощают в себе «глубоко национальную приверженность принципу, что обсуждение общественных проблем должно быть неограниченным, ясным и широко открытым и что во время такого обсуждения могут иметь место страстные, язвительные, а иногда и резкие выпады против правительства и государственных должностных лиц». Отвергнув Блэкстоновский принцип, согласно которому правдивость высказываний не освобождала от ответственности за диффамацию

цию, Бреннан подчеркнул, что «правда ни при каких условиях не может быть основанием для применения гражданско-правовых или уголовных санкций в случаях, связанных с обсуждением государственных дел»¹²⁶. Но Бреннан распространял гарантии свободы печати и за пределы сообщения правдивой информации, следуя указанию Майклджона о том, что «ошибочные суждения неизбежны в свободных дебатах»¹²⁷ и поэтому также должны пользоваться защитой I поправки, если, однако, они не носят характера «сознательных и преднамеренно злоумышленных» заявлений.

Исключение, сделанное Бреннаном, не было случайным и, по его мнению, полностью соответствует духу философии А. Майклджона. А именно, что заведомая ложь или грубо пренебрежительное отношение к истине настолько снижает социальную ценность сообщаемой информации и противоречит самим принципам демократического правления и его политической морали, что предоставление в таких случаях конституционной защиты означало бы отступление от этих принципов и морали¹²⁸, искажение подлинного смысла и социального назначения свободы выражения взглядов как политического института. Что же касается практической стороны этого исключения из принципа абсолютной свободы печати, то Бреннан, обладая большим юридическим опытом, был убежден, что его концепция вполне достаточна для защиты свободы печати на практике, и высказал уверенность, что по крайней мере сам Верховный суд сумеет доказать обоснованность этого убеждения.

Критика же концепции Бреннана с точки зрения текстуального совпадения последней с основными положениями Закона о подстрекательстве к мятежу 1798 г. носила все-таки в значительной степени формальный характер и не учитывала того момента, что лежавшие в ее основе принципы были существенной либеральной модификацией норм английского «общего права», чем и воспользовался в 1804 г. Александр Гамильтон для защиты издателя Кросвелла. Причем, если закон 1798 г. был действительно направлен на ограничение свободы печати, то концепция Бреннана, наоборот, на ее защиту, что и было подтверждено последующей практикой Верховного суда по этой категории дел.

Вопрос о пределах применения штатами норм «общего права» о гражданско-правовой ответственности за

диффамацию снова возник в 1966 г., когда на рассмотрение Верховного суда поступило дело Розенблатта против Бауэра¹²⁹. В отличие от дела Салливана, где полицейский комиссар воспринял критику полиции г. Монтгомери как диффамацию своей собственной персоны, предъявив индивидуальный иск, в деле Розенблатта речь уже шла о гражданско-правовой ответственности за «групповую пасквиль». Бреннан, однако, не усмотрел принципиальной разницы между обстоятельствами этих двух дел, решив, что поскольку опубликованная статья не носила характера персональных обвинений и представляла собой «безличную критику» администрации в целом, к ней полностью применим критерий освобождения от ответственности, сформулированный постановлением по делу Салливана.

Отклонив иск о возмещении вреда по делу Розенблатта, Бреннан недвусмысленно подтвердил намерение использовать свою концепцию именно в целях защиты свободы печати, а не наоборот. Более того, вынесением такого решения он распространил понятие «государственное должностное лицо» на всех государственных служащих, которые, с точки зрения общественности, несут ответственность за деятельность правительственных учреждений. Тем самым, по справедливому замечанию П. Мэрфи, была открыта для критики еще одна категория граждан, что существенно расширило содержание гарантии от ответственности за пасквиль¹³⁰.

Бреннан, однако, не ограничился только этим расширением круга лиц, критика которых пользуется гарантией I поправки. В 1967 г. решением по делу генерала Эдвина А. Уокера он распространил эту гарантию и на критику «общественно значимых фигур» (public figures), т. е. всех тех, кто либо активно участвует в дискуссиях по политическим вопросам, либо, в силу своего статуса, привлекает широкое внимание общественности¹³¹. Пресловутый лидер правых генерал Эдвин А. Уокер предъявил иск на фантастическую сумму — 20 млн. долл. агентству Ассошиэйтед Пресс и ряду телекомпаний за якобы «клеветнические заявления»¹³² по поводу его деятельности в городке университета штата Миссисипи во время беспорядков, возникших в 1962 г. в связи с дискриминацией Джеймса Мередита. Отменяя решение, вынесенное судом низшей инстанции в пользу генерала Уокера, Верховный суд постановил, что появление гене-

рала в университетском городке во время беспорядков было «важной новостью», требовавшей быстрого сообщения о ней в печати и по телевидению, и что хотя в экстренном сообщении об этом событии, возможно, содержались некоторые неточности, однако в нем «не было ни малейшего намека на серьезные отступления от общепринятых журналистских стандартов сообщения новостей»¹³³.

В том же, 1967 г. конституционная гарантия I поправки была распространена также и на некоторые публикации, связанные с нарушением так называемого «права частной сферы» (right of privacy)¹³⁴. Это право, начавшее складываться в конце прошлого века, было направлено против злоупотреблений «желтой прессы», которая в погоне за сенсациями и рекламой нередко предавала огласке различные стороны частной жизни граждан, не испрашивая у них на то согласия. Его главная идея, сформулированная в 1890 г. молодым Луисом Д. Брандейзом совместно с другим бостонским адвокатом Сэмюэлем Д. Уорреном, была основана на убеждении, что «право быть оставленным в покое, предоставленным самому себе, оставаться самим собой» (the right to be let alone) должно иметь более сильные средства защиты, чем те, которые предоставлены индивиду законами о пасквиле и устных оскорблениях. А именно истинность публикуемой информации, освобождающая от ответственности по законам о клевете, не должна быть основанием для защиты прессы в случаях нарушения ею «права прайваси». Точно так же не должно освобождать ее от ответственности и отсутствие «злого умысла». Однако к такой повышенной ответственности за нарушение права частной сферы можно привлекать лишь тогда, когда следствием публикации будут «душевные страдания» (mental sufferings) человека, о котором была дана информация, а сама публикация носит исключительно коммерческий или рекламный характер. Короче говоря, еще со времен Уоррена и Брандейза подчеркивалось, что «право прайваси» не означает запрета на публикацию материала, представляющего «публичный или общественный интерес» (public or general interest), т. е. касающегося действий частных лиц или их личности, когда они выступают в общественно значимых ролях¹³⁵.

Однако в 60-х годах имели место судебные процессы, в которых органы печати привлекались к ответственности на основании законов об охране частной сферы даже тогда, когда сообщаемая ими информация представляла, несомненно, общественный интерес. Таким случаем и явилось удовлетворение иска Хилла к компании «Тайм» за публикацию в журнале «Лайф» статьи, воспроизводившей неточности пьесы, написанной на сюжет одного события из жизни истца.

Отменяя решение суда низшей инстанции, Верховный суд США подчеркнул недопустимость злоупотребления «правом прайваси» в ущерб свободе печати. У. Бреннан, сформулировавший постановление суда, снова подтвердил, что неумышленная ошибка не может быть основанием для привлечения органов печати к ответственности, если публикация представляет общественный интерес. «Мы не сомневаемся,— сказал он,— что содержание статьи «Лайфа» — постановка новой пьесы, связанной с инцидентом, действительно имевшим место,— материал, представляющий собой общественный интерес... Ошибочные утверждения в таком деле не менее неизбежны, чем в случае высказываний политического характера, и ... если они неумышленны или обусловлены простой небрежностью», то должны пользоваться защитой I поправки, чтобы оставить неизменной свободу печати¹³⁶. При этом, приведя слова Мэдисона о том, что при надлежащем использовании всякой вещи неизбежна некоторая степень злоупотребления, Бреннан назвал непосильным для печати бременем требование проверки абсолютной точности освещаемых ею в новостях фактов, связанных с именем, внешностью или характеристикой того или иного лица¹³⁷.

Решение Верховного суда по делу «Тайм» против Хилла было оценено по-разному. Так, с точки зрения некоторых специалистов конституционного права, предоставленные этим решением гарантии свободы печати недостаточны. Во-первых, потому что оно не лишило «право прайваси» юридической силы, сохранив таким образом возможность предъявления к газетам гражданско-правовых исков. Во-вторых, критерий «общественный интерес» слишком расплывчат, причем значение его еще более снижается в силу того, что «заведомая ложь» или искажение истины по причине «грубой небрежности» трактуется как факт, вследствие которого

публикация теряет свою социальную ценность и потому не должна пользоваться защитой I поправки¹³⁸. С точки же зрения других, причем даже представителей прессы и ее адвокатов, решение, сформулированное Бреннаном, достигло того «желательного компромисса», который необходим для сбалансированного обеспечения права на неприкосновенность частной сферы, с одной стороны, и для удовлетворения общественного интереса в сохранении свободы печати и информации — с другой¹³⁹.

Эта последняя точка зрения представляется более убедительной. Логика мышления Бреннана была направлена именно на поиски критериев, которые бы дали возможность оставить в неприкосновенности право на свободную публикацию социально значимой информации, защитить прессу от злоупотреблений «правом прайваси», когда она действует добросовестно и не преследует своей целью причинить кому-либо моральный вред. Одновременно, однако, он считал необходимой и защиту интересов личности от возможных злоупотреблений со стороны средств массовой информации, которые в погоне за сенсациями иногда бывают склонны предавать гласности сугубо личные аспекты жизни тех или иных лиц, не имеющие никакого отношения к их общественной деятельности.

Позиция Бреннана в этом вопросе оставалась строго последовательной и в последующие годы. Так, в начале 1971 г. гарантии I поправки были распространены на публикации, содержащие неточности и искажения при освещении такого вопроса, как преступления, совершенные должностными лицами или кандидатами на государственные посты, хотя эти преступления и не относились к категории должностных или политических. Согласно Бреннану, совершение любых преступлений имеет самое непосредственное отношение к вопросу о соответствии того или иного лица занимаемой им государственной должности, вследствие чего освещение в печати фактов совершения таким лицом преступлений, даже неточное или неправильное, представляет общественный интерес и пользуется защитой I поправки¹⁴⁰. В июне того же, 1971 г. в решении по делу Розенблюма против компании «Метромедиа»¹⁴¹ Верховный суд постановил, что гарантии прецедента «Нью-Йорк таймс» против Салливана распространяются и на публикации

о любых событиях, так или иначе привлёкших внимание общественности, даже если участники этих событий — сугубо «частные лица» и никак не относятся к категории государственных служащих или общественно значимых фигур. Причем Бреннан подчеркнул, что печать освобождается от ответственности и в том случае, если сообщения носят сугубо персональный, а не анонимный характер¹⁴². Как совершенно справедливо отметил Х. Калвен, решение это имело большое значение для «абсолютного освобождения средств массовой информации от ответственности за пасквиль и диффамацию» и было неизбежным в свете прецедента «Тайм» против Хилла, давшего печати право освещать любое событие, представляющее общественный интерес¹⁴³.

Решение по делу Розенблюма было, однако, принято далеко не единогласно (пятью голосами против трех). В числе судей, не согласившихся с мнением большинства, оказался Дж. Харлан. С его точки зрения, обстоятельства дела Розенблюма существенно отличались от обстоятельств предыдущих прецедентов, а именно: в данном случае речь шла о частном лице, не добивавшемся паблисита и в отличие от широко известных деятелей не имевшем доступа к средствам информации, предоставляющего возможность для ответа на предъявленные обвинения. Такое частное лицо, полагал Харлан, заслуживает защиты в большей степени, чем общественные деятели. Аналогичную позицию заняли судьи Маршалл и Стюарт¹⁴⁴.

Мнению судьи Харлана, уступившего вскоре место Ренквисту, суждено было стать мнением большинства по делу Герца против «Компании Роберта Уэлча» (1974 г.¹⁴⁵). Обстоятельства этого дела были не совсем обычны и носили характер острого политического конфликта между адвокатом Элмером Герцем и неофашистским журналом «Американ опинион», органом Общества Джона Берча. В гражданском процессе о возмещении вреда Герц представлял интересы родственников молодого человека, погибшего от пули чикагского полицейского. Вина последнего была доказана, и он уже отбывал тюремное заключение. Однако журнал «Американ опинион» усматривал в справедливом приговоре убийце-полицейскому не только «заговор с целью дискредитации персонала местной полиции в национальном масштабе», но обрушился также с обвинениями в адрес

Герца, приписав ему «видную роль» в этом «заговоре» и назвав его «ленинистом» и «пособником коммунистов»¹⁴⁶.

Герц, опасаясь потерять клиентуру вследствие обвинения его в принадлежности к коммунистам, предъявил к издательской компании, возглавляемой идеологом берчистов Робертом Уэлчем, иск на 50 тыс. долл., воспользовавшись формально не отмененным в то время (1969 г.) законом штата Иллинойс, согласно которому «ложное обвинение» в такой принадлежности считалось клеветническим и являлось основанием для возмещения ущерба за диффамацию. Районный суд отказал Герцу в удовлетворении иска, не усмотрев в обвинениях журнала «грубой небрежности». В 1972 г. апелляционный суд седьмого округа утвердил это решение, которое и было обжаловано Герцем в Верховном суде США.

Верховный суд большинством в семь голосов против двух вынес решение в пользу апелланта, постановив, что, хотя общественно значимые фигуры и государственные должностные лица для получения возмещения за диффамацию в печати обязаны доказать существование «грубой небрежности» (recklessness), «частным лицам» в таких случаях достаточно доказать наличие лишь «простой небрежности» (negligence). При этом судья Пауэлл, сформулировавший мнение большинства, полностью воспроизвел аргументацию Харлана по предыдущему делу, подчеркнув, что «частные лица заслуживают защиты в большей степени, чем общественные деятели», поскольку последние якобы «сознательно идут на риск привлечь к себе внимание общественности»¹⁴⁷. Выступивший с особым мнением Бергер также отметил значение политики защиты адвокатов от публицити, с которой связано участие в «непопулярных» делах. Уайт же сделал заявление о важности сохранения принципа федерализма и открыто осудил попытки федеральных властей полностью изменить законодательство штатов о гражданских правонарушениях.

Лишь судьи Бреннан и Дуглас проголосовали за утверждение решения апелляционного суда, отказавшего Герцу в иске. Причем, если Дуглас снова выступил в духе «абсолютистского подхода», заявив, что I и XIV поправки делают неконституционным все законодательство штатов о диффамации, то Бреннан, также оставшийся на своих прежних позициях, повторил, что всякое

обсуждение общественно значимых проблем пользуется конституционной защитой за исключением только тех случаев, когда искажения в печати носят злоумышленный характер.

У тех, кто знает обстоятельства данного дела, может сложиться впечатление, что более справедливо подошли к его решению Пауэлл, Стюарт, Маршалл, Блэкман, Ренквист, Бергер и Уайт, ибо они стали на сторону адвоката, защищавшего интересы родственников жертвы полицейского произвола от нападок идеологов общества Джона Берча. В то же время позиция Дугласа и Бреннана была на руку реакционерам из «Американ опинион». Однако при более внимательном анализе мнений большинства и меньшинства можно прийти к иным выводам. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что большинство оказало поддержку явно одиозному закону Иллинойса, согласно которому характеристика того или иного лица как «коммуниста» считается диффамацией и служит основанием для предъявления иска о возмещении морального вреда. Во-вторых, сама личность адвоката Герца далеко не привлекательна, так как, опасаясь за свою карьеру, он всерьез считал себя жертвой клеветы, заключающейся лишь в том, что его называли «марксистом-ленинцем», да еще начал судебную тяжбу с компанией Роберта Уэлча, пытаясь выиграть у нее 50 тыс. долл. Во всяком случае действия Герца принципиально мало чем отличаются от действий комиссара полиции Салливана из Монтгомери или генерала Уокера в делах, рассмотренных нами выше. И если бы адвокат Герц имел гражданское мужество, он, несомненно, нашел бы более достойный способ ответить своим критикам из общества Джона Берча либо вообще проигнорировал бы нападки одиозного «Американ опинион». В результате получилось, что Дуглас и Бреннан остались на принципиальной позиции строгого соблюдения конституционных гарантий свободы печати, тогда как большинство судей, поддержав Герца, создали прецедент, который в будущем может быть использован консервативными и реакционными элементами в ущерб органам печати, разоблачающим их неблагоприятную деятельность.

Дела о предварительной цензуре. В начале 70-х годов сложилась ситуация, при которой неожиданно приобрел актуальность и остро политическую окраску давно

забытый вопрос о цензуре печати. Представители радио, телевидения и печати стали все чаще обвинять федеральное правительство, в частности вице-президента Спиро Т. Агню, в умышленном создании препятствий органам массовой информации в освещении политических событий, важнейшим из которых в то время была война во Вьетнаме. При этом газеты обратились к источникам информации, использование которых привело летом 1971 г. к одному из самых острых в истории США политических сражений по вопросу о свободе печати.

Речь идет о том, что в июне две ведущие американские газеты — «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» — начали публиковать попавшие к ним материалы, освещающие историю интервенции США во Вьетнаме, подобранные в хронологической последовательности министром обороны Макнамарой и известные под названием «Бумаги Пентагона». Документы освещали главным образом политику США в Индокитае после второй мировой войны вплоть до середины 1968 г. и не содержали новейшей информации военного характера. Тем не менее все они имели гриф «секретно», так как проливали свет на многие темные стороны авантюристического курса правительства США и деятельности конкретных его представителей в отношении этого района земного шара. Раскрывали они также и механизм военно-политических решений, которые в конечном итоге привели к эскалации военных действий США против ДРВ и сил Фронта национального освобождения Южного Вьетнама^{148–151}. Потребность общества в информации о конкретных акциях администраций Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона, приведших в конце концов к эскалации войны во Вьетнаме и глубокому политическому и моральному кризису американского общества, и была, по утверждению газет, причиной начатой ими публикации «Бумаг Пентагона»¹⁵².

Правительство Никсона было глубоко обеспокоено преданием гласности конкретных акций, затянувших страну в трясину военной авантюры, резонно полагая, что это серьезно подорвет престиж США в мировом общественном мнении и усилит недоверие к правительству самого американского народа. Поэтому администрация Никсона пошла на решительные меры, немедленно потребовав от федеральных районных судов Нью-Йорка и Вашингтона наложения запретов (injunctions) на даль-

нейшую публикацию «Бумаг Пентагона», утверждая, что публикация эта не только подрывает усилия по обеспечению национальной безопасности, но также совершенно противозаконна, так как разглашает секретные материалы правительства.

Однако оба районных суда отказались издать приказы о запрете дальнейших публикаций. Причем они не только не поддержали правительство, но решительно выступили в защиту газет, заявив об особой ценности свободы печати в условиях того политического кризиса, в котором оказались США в результате вьетнамской авантюры¹⁵³.

Более уступчивую позицию по отношению к правительству заняли апелляционные суды Нью-Йорка и округа Колумбии, в которых были обжалованы решения районных федеральных судов. Апелляционный суд округа Колумбии 19 июня вынес постановление, запретившее дальнейшую публикацию «Бумаг Пентагона» газетой «Вашингтон пост». Однако решение это не было единогласным. Судья Райт в своем особом мнении высказал принципиальное несогласие с решением судей Робинсона и Робба. «Это печальный день для Америки,— сказал он.— Сегодня впервые за 200 лет нашей истории исполнительной власти удалось остановить прессу, используя судебную власть для подавления нашей самой драгоценной свободы. Правительство ведет себя так, будто долгая и грязная война в Юго-Восточной Азии не причинила никакого вреда нашему народу. И теперь эта война снова используется в грязных целях, вырезая сердце наших свободных институтов и системы управления. Я отказываюсь следовать за своими коллегами по этому пути и считаю своим долгом заявить о категорическом несогласии с ними»¹⁵⁴. Судья Райт остановился также на истории свободы печати в США, подчеркнув тот факт, что самой злостной формой ограничения этой свободы всегда была именно предварительная цензура, не санкционированная даже нормами английского «общего права». Причем особое внимание он уделил прецеденту по делу Нира против Миннесоты (1931 г.)¹⁵⁵, подтвердившему в принципе недопустимость каких-либо предварительных ограничений публикаций и назвавшему подобные ограничения «существом цензуры»¹⁵⁶.

По мнению Райта, опасность предварительной цензуры в том, что запрет налагается еще до того, как публикация увидит свет, а судьи получают возможность ознакомиться с ее содержанием для вынесения действительно объективного суждения. Поэтому, «хотя оружие предварительного запрета уже давно вышло из употребления, потенциально именно оно представляет смертельную угрозу для печати»¹⁵⁷. Райт, правда, признал, что прецедент Нира против Миннесоты подтвердил недопущение предварительной цензуры лишь в качестве общей нормы, из которой могут быть сделаны исключения¹⁵⁸. Но, по его твердому убеждению, запрет на публикацию «Бумаг Пентагона» выходит за рамки ограничений, допустимых прецедентом Нира. Хотя в деле о газете «Вашингтон пост» фигурируют материалы, принадлежащие министерству обороны и имеющие гриф «секретно» или даже «совершенно секретно», речь в данном случае идет о публикации сведений преимущественно исторического характера, не содержащих никакой информации о планах военных операций на середину 1971 г. Санкционирование же правительственных ограничений лишь на том основании, что какие-то чиновники отнесли эти документы к категории секретных, было бы, по мнению Райта, слишком дорогой ценой за утрату такой важнейшей ценности, как свобода печати¹⁵⁹.

Судья Райт согласился с мнением районного суда, что сообщение деталей о вовлечении страны во вьетнамский конфликт и об эскалации войны, бесспорно, создаст трудности для Соединенных Штатов. «Но эти трудности,— подчеркнул он,— обусловлены самой природой истории этой войны, но не освещением ее в печати»¹⁶⁰. Напротив, в условиях резкого расхождения во взглядах на характер войны ее история, какой бы печальной и разочаровывающей она ни была, имеет жизненно важное значение. Поэтому нельзя допустить, чтобы исполнительная власть, втянувшая американский народ в эту войну, похоронила ее историю только на том основании, что она компрометирует правительство¹⁶¹.

При повторном рассмотрении этого дела 21 июня 1971 г. в районном суде было вынесено постановление снова в пользу газеты «Вашингтон пост». Отказав правительству в удовлетворении его требования наложить судебный запрет на дальнейшие публикации «Бумаг Пентагона», судья Гассел подчеркнул, что в данном

случае правительство не доказало абсолютную необходимость предварительной цензуры, поскольку публикуемая информация не содержит сведений, представляющих угрозу конкретным военным или политическим акциям. При недоказанности же существования такой крайней необходимости приоритет полностью сохраняется за гарантией свободы печати, предусмотренной I поправкой. Когда же правительство снова обратилось в апелляционный суд округа Колумбии, он изменил свою прежнюю позицию и 23 июня утвердил решение районного суда. При этом, вынося постановление в пользу газеты, суд сослался на прецедент Нира против Миннесоты, а также на одно решение Верховного суда 1971 г.¹⁶², согласно которому на правительстве лежит тяжелое бремя доказательств обоснованности предварительной цензуры печати. А именно таких доказательств, по мнению членов апелляционного суда, правительство представить не сумело.

По-иному подошел к решению дела о газете «Нью-Йорк таймс» апелляционный суд второго района Нью-Йорка. В тот же день, 23 июня 1971 г., он поддержал требование правительства и издал самостоятельный приказ о временном запрещении дальнейших публикаций «Бумаг Пентагона», вернув дело в районный суд для повторного «камерного рассмотрения».

Естественно, правительство не было удовлетворено решением апелляционного суда округа Колумбии, а «Нью-Йорк таймс» — постановлением апелляционного суда Нью-Йорка, и в результате оба эти решения были обжалованы в Верховном суде США. Обе апелляции были приняты к рассмотрению, и 30 июня 1971 г. шестью голосами против трех было вынесено постановление в пользу обеих газет, утвердившее как решение апелляционного суда округа Колумбии, так и решение суда южного района Нью-Йорка и отменившее постановление апелляционного суда второго района Нью-Йорка по делу газеты «Нью-Йорк таймс»¹⁶³.

Решение Верховного суда было очень кратким и представляло собой резюме постановлений обоих судов округа Колумбии по делу «Вашингтон пост», а именно: а) существует презумпция неконституционности любых предварительных ограничений свободы высказывания взглядов или сообщения информации¹⁶⁴, б) правительство несет тяжелое бремя доказательств необходимости

таких ограничений¹⁶⁵, в) правительство не доказало необходимость запретов на публикацию обеими газетами материалов Пентагона. Однако все девять судей сочли необходимым выступить с особыми мнениями по этому вопросу, что представляет собой крайне редкий случай в практике Верховного суда и свидетельствует об отсутствии подлинного единства как в оценке им обстоятельств самого дела, так и в понимании объема гарантий свободы печати в той острой политической ситуации, которая сложилась для американского правительства в результате вовлечения США во вьетнамский конфликт.

Безоговорочно в пользу газет высказался лишь один судья — Блэк. Верный своему принципу толкования гарантий I поправки как абсолютного запрета всяческих ограничений свободы слова и убеждений, он категорически отверг саму возможность существования каких-либо исключений из этой нормы, подчеркнув, что «цензура правительства над печатью была устранена, с тем чтобы печать всегда могла осуществлять цензуру над правительством... раскрывать правительственные секреты и информировать об этом народ»¹⁶⁶.

Блэк выразил особое возмущение по поводу того, что правительство попыталось переложить ответственность на суды, требуя от них вынесения судебных запретов. Это, с его точки зрения, не только нечестно, но и противоречит положениям самой конституции и принципам, которые завещал Джеймс Мэдисон. В связи с этим Блэк привел выдержку из речи Мэдисона, где тот выразил уверенность, что именно независимые суды смогут сохранить Билль о правах, станут надежным оплотом против каких бы то ни было злоупотреблений законодательной или исполнительной властью, окажут достойное сопротивление любым посягательствам на гражданские свободы, гарантированные Конституцией США. Что же касается аргументов правительства о необходимости обеспечить национальную безопасность, то, по глубокому убеждению Блэка, «охрана военных и дипломатических секретов за счет информированного представительного правления никак не обеспечивает подлинной безопасности республики»¹⁶⁷. Напротив, ее безопасность и сила — в обеспечении тех свобод, которые авторы I поправки безоговорочно закрепили за американским народом.

Судья Дуглас в своем особом мнении также сделал акцент на значении гарантий I поправки, полагая, как и Блэк, что она была принята с целью не допустить применения санкций общего права против публикаций сведений, дискредитирующих деятельность правительства и иных должностных лиц в общественном мнении. Он признал, что публикация «Бумаг Пентагона» может иметь серьезные последствия, однако категорически отверг идею, что это оправдывает введение предварительной цензуры. По твердому убеждению Дугласа, «секретность в делах управления принципиально антидемократична и увековечивает бюрократические ошибки». Открытые же дебаты и дискуссии по общественно актуальным проблемам имеют «жизненно важное значение для здоровья нации»¹⁶⁸.

Дуглас, как и большинство других судей, подробно остановился на прецеденте Нира. Основное внимание он уделил той части мнения судьи Хьюза, в которой тот подчеркивал необходимость существования «бдительной и мужественной прессы» в условиях, когда процесс бюрократизации создает опасность различных злоупотреблений властью. Дуглас, однако, не ограничился аргументами сугубо социологического характера и ссылками на общий принцип, зафиксированный в I поправке. Защищая право газет на публикацию «Бумаг Пентагона», Дуглас обратился также к анализу уголовного законодательства США и доказал, что в нем отсутствуют нормы, санкционирующие запрет подобных публикаций. Дело в том, что в обоснование своего требования наложить запрет на публикацию «Бумаг Пентагона» правительство сослалось на § 793 (е) свода законов США, предусматривающий уголовную ответственность за «умышленную передачу» (*willful communication*) информации оборонного значения, полученной незаконным путем, так как она может быть использована какой-либо иностранной державой во вред Соединенным Штатам.

Проанализировав содержание этой статьи, Дуглас категорически отверг применимость ее к действиям газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». В то время как правительство утверждало, что термин «передача» (*communication*) достаточно широк и может быть распространен на случай публикаций «Бумаг Пентагона», Дуглас доказывал обратное, ссылаясь на то, что сам законодатель различал эти понятия. В обоснование своей

позиции Дуглас назвал § 793 и 798, которые действительно запрещают некоторые виды публикаций, но дают четкий и исчерпывающий их перечень, а именно публикацию фотографий или чертежей расположения войск и военных установок, а также публикацию сведений, касающихся системы шифрования и способов передачи информации, применяемых военной разведкой США в условиях ведения боевых операций.

Естественно, что в данном случае не могло быть и речи о привлечении газеты к ответственности на основании § 793 и 798. К тому же, заметил Дуглас, конгресс не объявил состояния войны, конституция же нигде не предоставляет президенту такого полномочия. Обвинения газет в шпионаже, дающие основание подвести публикацию «Бумаг Пентагона» под категорию передачи информации неприятелю, тоже были бы нелепы.

На такую попытку правительства обратили внимание также судьи Уайт и Маршалл. При этом они привели ряд существенных дополнительных аргументов в пользу позиции Дугласа. Так, Маршалл и Уайт заметили, что уголовное законодательство США нигде не предусматривает предварительные судебные запреты (*injunctions*) в качестве меры против шпионажа и нарушения требований военной цензуры, т. е. в данном деле правительство прибегло к средству, никак не санкционированному законом. Причем судья Маршалл назвал два случая, когда конгресс прямо отверг законопроекты, дававшие президенту право предварительной цензуры.

Первый случай относился ко времени дебатов в 1917 г. по поводу закона о шпионаже, основное положение которого все еще является действующей нормой (§ 793). Тогда конгресс отклонил предложение предоставить президенту право издавать (во время войны или в ситуации, когда реально возникает военная опасность) приказы-запреты на публикацию информации, имеющей отношение к национальной обороне и представляющей интерес для противника.

Второй случай связан с неудачной попыткой правительственной комиссии по национальной безопасности провести в 1957 г. через конгресс законопроект, запрещающий публикацию статей, содержащих информацию, классифицируемую как «секретная» или «совершенно секретная», когда издатели знают об этом или имеют

все основания считать ее таковой. «Если бы это предложение, отстаиваемое в конгрессе сенатором Коттоном, было бы принято,— сказал Маршалл,— тогда публикация документов, о которых идет речь в данном деле, несомненно, была бы преступлением. Конгресс, однако, отказался предусмотреть этот новый состав преступления»¹⁶⁹. Обращение же правительства в Верховный суд не что иное, как попытка заставить высший орган американского правосудия пересмотреть это решение конгресса. Но суд не обладает таким полномочием.

Однако в особом мнении Уайта уже были оговорки, свидетельствующие о некоторых его сомнениях относительно оправданности абсолютной свободы печати. Так, он не утверждал, что I поправка полностью исключает возможность запретов на публикацию информации, раскрывающей планы правительства и детали его деятельности. Более того, Уайт заявил о своей убежденности в том, что публикация документов Пентагона принесет «существенный вред общественным интересам». В пользу же газет он высказался лишь потому, что, во-первых, правительство не справилось с требованием доказать необходимость запрета данных публикаций и, во-вторых, потому что конгресс пока не предоставил правительству права предварительной цензуры на публикации такого характера.

Еще меньший энтузиазм в защите газет проявил судья Стюарт. Хотя он и поддержал решение большинства, но в принципе признал правомерность ограничения свободы публикаций, причиняющих ущерб национальной обороне, заявив, что здесь необходимость секретности самоочевидна. С правительством же он не согласен лишь в одном. По мнению Стюарта, публикация далеко не всех документов Пентагона принесет «неизбежный и непоправимый вред государству и его народу»; правительство само должно нести бремя обеспечения секретности, а не перекладывать его на суды. Оно же делает как раз наоборот: требует, чтобы члены Верховного суда выполняли функцию, возложенную конституцией именно на исполнительную, но никак не на судебную власть¹⁷⁰.

Но самым слабым особым мнением в пользу решения большинства было, как это ни странно, выступление Бреннана. По существу он признал, что суд имел дело со случаем, когда предварительные правительственные

запреты публикаций, возможно, оправданны, сославшись при этом на прецедент Шенка, установивший критерий «явной и реальной опасности». В пользу же газет он высказался только потому, что правительство, по его мнению, не сумело доказать, что данные публикации «неизбежно, непоправимо и немедленно приведут к последствиям», которые можно сравнить с «угрозой безопасности кораблям, находящимся в море», либо с разглашением даты отправки военных транспортов или сообщением о численности и дислокации войск в условиях войны. Бреннан выразил лишь надежду, что в будущем подобных ситуаций не возникнет ¹⁷¹.

Совершенно очевидно, что такого рода аргументы прозвучали не как оправдание и поддержка газет, а как признание допустимости предварительной цензуры и свидетельствуют о том, что этот выдающийся юрист не был в данный момент готов к обстоятельному теоретическому обоснованию занятой им позиции.

Дело о «Бумагах Пентагона» действительно рассматривалось Верховным судом в спешке, когда все его члены настроились на каникулы. Этот момент и был использован меньшинством, выступившим против газет. Трое судей — Бергер, Харлан и Блэкман — сетовали на то, что суд оказался под сильным давлением общественного мнения. Что же касается их возражений по существу, то они сводились в основном к неприятию философии, по которой I поправка исключает возможность правительственных запретов на публикации, затрудняющие действия исполнительной власти по обеспечению национальной безопасности.

Выразив разочарование по поводу того, что большинство не поддержало правительство, а отдало предпочтение интересам прессы, Харлан и Блэкман обратились к авторитету Холмса, считавшего недопустимым злоупотребление свободой слова и печати в условиях военного времени. Что же касается Бергера, то он открыто обвинил газеты в измене своему гражданскому долгу — вернуть правительству украденную у него информацию государственного значения ¹⁷².

* * *

Решение Верховного суда о публикации «Бумаж Пентагона» было восторженно встречено американской прессой. В передовице от 1 июля 1971 г. газета «Нью-

«Нью-Йорк таймс» назвала его «исторической победой дела свободы печати в рамках закона», решительным подтверждением гарантии предусмотренного I поправкой права народа на информацию.

Однако специалисты, занимающиеся проблемой свободы печати, оценивали это решение более сдержанно. Так, Фрэнк Б. Лэтхэм обратил внимание на тот факт, что все девять судей сочли необходимым выступить с особым мнением, что явно свидетельствует об отсутствии единства, не говоря уже о том, что трое из них поддерживали правительство¹⁷³. Кеннет С. Девол также отметил этот факт и выразил опасение, что в будущем право правительства на предварительную цензуру печати может быть признано большинством судей. Он подчеркнул также, что даже в этом решении в принципе не отрицается возможность таких ограничений при условии, что правительство сможет представить веские доказательства их необходимости¹⁷⁴.

Но как бы там ни было, решение Верховного суда о публикации «Бумаг Пентагона» было большой победой ведущих газет США, ставших в оппозицию правительству в этот критический период американской истории. «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» выражали мнение тех влиятельных группировок правящего класса, которые осознали всю глубину политического кризиса США и увидели в дискредитации авантюристического курса администраций Джонсона и Никсона в Юго-Восточной Азии, равно как в немедленном выходе из войны, единственное средство стабилизации американской политической системы и восстановления ее престижа внутри страны и за рубежом.

Поддержка, оказанная Верховным судом ведущим американским газетам в их конфликте с правительством, свидетельствовала о том, что большинство его членов также разделяли антивоенные взгляды оппозиционно настроенной интеллектуальной элиты США. Санкционирование им публикаций «Бумаг Пентагона» означало первое крупное поражение президента Никсона, пытавшегося обуздать «четвертую ветвь» правления с помощью судебных запретов и предварительной цензуры.

6. Проблема права доступа к средствам массовой информации

К концу 60-х годов в Америке остро встал вопрос о праве доступа к средствам массовой информации. Сложившаяся система представляла собой монополию на средства коммуникации, сосредоточенные в руках крупнейших частных компаний. Два международных агентства новостей — Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнэл — монополизировали всю международную информацию. В 1967 г. из 1547 городов, имеющих ежедневные газеты, лишь в 64 было более одной. Три гигантские телесети — «Эй-би-си», «Си-би-эс» и «Эн-би-си» — давали большую часть телепрограмм¹⁷⁵. Такая концентрация средств массовой информации и колоссальная дороговизна новейшего оборудования делали систему массовых коммуникаций недоступной для многих общественных организаций и социальных групп, особенно нуждавшихся в защите и эффективном выражении своих требований и интересов. В определенном смысле эта система серьезно тормозила социальные изменения, искажала картину политического процесса, нарушала действие принципа «обратной связи» между правительством и народом и потому все чаще становилась объектом критики со стороны левых радикалов, утверждавших, что система вообще «не работает», а всего лишь защищает статус-кво. В этой связи и появились различные требования коренных реформ существующей системы массовой информации, одним из которых было требование активной роли государства в обеспечении не только правовых, но и материальных гарантий свободы выражения и коммуникации взглядов.

Наибольшее распространение получило требование гарантированного законом доступа к частным средствам массовой информации, в первую очередь к телевидению, а также к периодической печати¹⁷⁶. Основы регулирования правительством радио и телевидения в форме выдачи лицензий были заложены в США еще в 1934 г. федеральным законом о связи, действующим с соответствующими поправками и в настоящее время. Согласно этому закону Федеральная комиссия связи была уполномочена выдавать лицензии на радиовещание и телевидение сроком на три года с правом последующего возобновления при условии, что их использование служит

«общественному интересу, удобствам и необходимости»¹⁷⁷. Статья 315 специально предусматривает обязанность радио- и телестанций предоставлять во время избирательных кампаний «равное время» для выступления кандидатам от различных политических партий. Сделанная же в 1959 г. поправка к этой статье обязывает радио- и телекомпании действовать «в общественных интересах и с предоставлением возможности для обсуждения противоположных взглядов по проблемам общественного значения». Вместе с тем в ст. 326 особо подчеркивается, что Федеральная комиссия связи не имеет цензорских полномочий, а также права «вмешиваться в осуществление свободы слова».

В своей практике Федеральная комиссия связи выработала собственные нормы для развития этих положений закона, получившие известность «доктрины честности и беспристрастности» (fairness doctrine). Согласно этой доктрине радиовещание и телевидение обязаны адекватно освещать общественные проблемы, причем честно и беспристрастно, т. е. освещение это должно точно отражать противоположные точки зрения. Поэтому любая общественно значимая фигура, подвергнувшаяся в радио- или телепередаче личным выпадам, должна иметь возможность ответить на них. Возможность эту ему должна предоставить соответствующая радиотелесеть. Была выработана также норма, согласно которой во время избирательных кампаний предоставление тому или иному кандидату от политической партии эфира для выступления возлагает на радио- или телекомпанию обязанность предложить другим кандидатам равное время для ответа.

Постановлением, вынесенным в 1969 г. по делу радиовещательной компании «Ред Лайон» против Федеральной комиссии связи¹⁷⁸, Верховный суд единогласно¹⁷⁹ поддержал обе эти нормы. Формулируя постановление Верховного суда по данному делу, судья Уайт обратил внимание прежде всего на дороговизну радиооборудования и ограниченность волнового диапазона, подчеркнув, что лишь небольшая группа людей, располагающих соответствующими ресурсами, может получить возможность выступить по радио, даже если весь спектр радиоволн, при современном состоянии технологии, будет использован. По этой причине правительство должно распределить частоты, и потому «нелепо гово-

ритель в духе первой поправки о неограниченном праве на радиовещание». Никто не имеет абсолютного права на лицензию или монополию в отношении частоты волн. «Лицензия,— по словам Уайта,— разрешает радиовещание, но получивший ее не имеет конституционного права... монополизировать частоту волн, исключив своих сограждан. Первая поправка не мешает правительству требовать от получившего лицензию разделить использование радиоволн с другими и... дать возможность высказаться тем, кто представляет общественное мнение»¹⁸⁰.

Что же касается гарантии I поправки в связи с радиовещанием и телевидением, то она, по мнению Уайта, заключается в праве телезрителей и радиослушателей, а не в праве радио- и телекомпаний. «Это право публики получить соответствующий доступ к социальным, политическим, эстетическим, моральным и другим идеям... имеющее в данном случае решающее значение». Доктрина «честности и беспристрастности», по мнению Уайта, придает конституционную силу именно такому праву публики. Однако делается это своеобразно: получившего лицензию заставляют поделиться редким ресурсом с теми, кто имеет другую точку зрения¹⁸¹.

Признание в 1969 г. Верховным судом доступа к частным средствам массовой коммуникации (по крайней мере в отношении радио и телевидения) в качестве конституционного права американских граждан означало выход за рамки традиционной лессеферовской концепции гражданских свобод и расценивалось многими либералами, а также идеологами некоторых дискриминируемых социальных групп как первый важный шаг в направлении расширения гарантий свободы выражения взглядов¹⁸². Однако этим правом как авторитетным аргументом сразу же воспользовалась администрация Никсона в начатой ею кампании борьбы против средств массовой информации.

Уже в ноябре 1969 г. на решение по делу «Ред Лайон» сослался во время своего выступления в Де Мойне вице-президент Спиро Агню. В резких выпадах против телекомпаний он, цитируя судью Уайта, назвал телекомментаторов «крошечным закрытым братством привилегированных никем не избираемых людей, которые пользуются монополией, санкционированной и разрешенной правительством»¹⁸³.

В начале 1972 г. член персонала Белого Дома Патрик Бьюканнен публично высказался в пользу антитрестовского подхода к программам телесети. С его точки зрения, это помогло бы преодолеть идеологическую монополию. А ответственный за политику в области телекоммуникаций Клей Т. Уайтхед охарактеризовал предлагаемое администрацией законодательство как направленное на поддержание «стандартов вкусов и приличия» в телевидении. Особенно резко Уайтхед критиковал «новую субкультуру», противоречащую, по его мнению, ценностям среднего класса. Эта «новая субкультура», по словам Уайтхеда, не имеет прецедента в американской истории и, прикрываясь заботой о праве народа на информацию, она «ведет атаку на политиков, правительство и институты средней Америки». Соответственно планируемый законопроект должен был, по замыслу администрации, обеспечить соответствие телепрограмм «местным стандартам», т. е. вкусам и политическим установкам обывателей¹⁸⁴.

Популистская демагогия администрации Никсона преследовала цель подорвать автономию средств массовой информации, подчинить их контролю правительства. С другой стороны, телевидение стало объектом критики леворадикальных групп и организаций, требовавших доступа к средствам информации и усматривавших в политике телекомпаний установку на сохранение статуса-кво. В результате средства массовой информации оказались под двойным огнем — и справа и слева, что чрезвычайно накалило атмосферу и создало острую кризисную ситуацию. Объективные наблюдатели видели в этом кризисе две стороны. Одна — очевидная недемократичность существующей системы массовой информации, основанной на праве частной собственности. Такая система, связанная с традиционным либеральным пониманием свободы, на практике означала для многих лишение возможности свободно выражать свои взгляды и влиять на общественное мнение. Другая сторона кризиса заключалась, однако, в том, что под прикрытием демагогических фраз, заимствованных из концепции «честности и беспристрастности», администрация Никсона проводила политику не во имя, а против свободы информации. При этом настойчивость, с которой президент пытался ограничить автономию крупных газет и телекомпаний, была наглядным проявлени-

ем авторитарной тенденции в структуре политической власти США.

Следствием этого кризиса явилось изменение позиции Верховного суда, причем явно не в пользу права доступа к средствам массовой информации. Возглавляемый Бергером, он пошел на пересмотр доктрины «честности и беспристрастности», существенно сузив ее содержание. В мае 1973 г. в решении по делу организации «Движение администрации бизнеса за мир во Вьетнаме» (БЕМ) Верховный суд семью голосами против двух поддержал отказ телесети предоставить этой организации время для показа одного документального фильма. Формулируя мнение большинства, главный судья Уоррен Е. Бергер постановил, что законодательное регулирование телевидения ни в коей мере не означает, что телестанции открыты для всех желающих говорить об общественных проблемах. И лишь два члена Верховного суда, У. Бреннан и Т. Маршалл, не согласились с таким решением, высказав мнение, что сужение доктрины «честности и беспристрастности» до права вести полемику в избирательных кампаниях или отвечать на диффамацию делает право доступа к средствам массовой информации совершенно недостаточным для «обеспечения неограниченного, здорового и широко открытого обмена идеями, право на который общественности дает конституция»¹⁸⁵.

Отрицательное отношение к правительственной политике регулирования радио и телевидения у некоторых судей зашло столь далеко, что они вообще стали ставить под сомнение и конституционность доктрины «честности и беспристрастности», и даже саму основанную на законе практику выдачи лицензий. Так, в деле «Брэндиуайн» по поводу аннулирования Федеральной комиссией связи лицензии пенсильванской радиостанции, которая якобы «отказывала в открытом и свободном радиовещании народу Филадельфии и ее окрестностей»¹⁸⁶, главный окружной судья Дэвид Бейзелон в конце концов не только отказался поддержать Федеральную комиссию связи, но в своем особом мнении заявил, что аннулирование лицензии само по себе может быть нарушением I поправки, поскольку означает устранение из эфира конкретного выразителя определенных взглядов и соответственно лишает общественность возможности иметь представление о них. По мнению

У. Дугласа, присоединившегося к решению большинства по делу БЕМ, «телевидение и радио так же защищены первой поправкой, как и газеты и журналы», а доктрина «честности и беспристрастности» позволяет администрации вести игру с телевидением и радио с целью заставить их служить своим корыстным или благотворительным целям¹⁸⁷.

Наконец, Верховный суд США категорически отказался признать конституционность доктрины «честности и беспристрастности» применительно к такому важному средству массовой информации, как периодическая печать. Решением по делу издательской компании «Майами геральд» против Торнилло (1974 г.)¹⁸⁸ он единогласно признал недействительным статут штата Флорида, предоставивший партийным кандидатам на время избирательных кампаний право ответа на критику в передовицах, и категорически отверг роль правительства в стимулировании разнообразия содержания материалов, публикуемых в газетах. По мнению Бергера, сформулировавшего это единогласное решение суда, законодательство, предоставляющее право ответа в печати, приведет к ограничению, а не к стимулированию общественных дискуссий, поскольку возложит финансовое бремя на газеты при публикации материалов во время избирательных кампаний. Главное, однако, то, что I поправка запрещает государственной власти принуждать газету печатать материал, который она в случае отсутствия такого давления никогда не опубликовала бы. И этот принцип, по мнению суда, должен соблюдаться независимо от того, стимулирует правительственное регулирование свободный поток информации или, наоборот, затрудняет его¹⁸⁹.

Атмосфера вокруг проблемы свободы средств массовой информации настолько накалилась, что Верховный суд не считал возможным признать даже ограниченное право доступа к периодической печати. По словам Х. С. Эшмора, «„доктрина честности и беспристрастности“, может быть, и расширила возможности диссидентских групп подавать свой голос и высказывать взгляды, но она также породила призрак использования государственной власти в качестве средства ликвидации или уменьшения критики правительства, постулированной в конституционной гарантии свободы печати»¹⁹⁰. Очевидно, именно для того, чтобы рассеять эти опасения и

снять остроту социального напряжения, вызванного правительственной политикой в отношении средств массовой информации, Верховный суд пошел на такой шаг, как признание недействительным статута Флориды. Тем самым, однако, были похоронены надежды на то, что доступ к периодической печати будет признан в качестве нового конституционного права, гарантирующего американским гражданам свободу выражения политических взглядов.

-
- ¹ См.: *Thoreau H. D.* «Walden» and «Civil Disobedience». N. Y., 1968, p. 344—351.
  - ² Американская печать широко освещала мужество призывников-пацифистов Роберта Галлиама, Фреда Мура и Ричарда Бординга, которые предпочли тюремное заключение возможности воспользоваться привилегией освобождения от военной службы, делавшей их пособниками несправедливости и лицемерия. См.: *Cohen C.* Civil Disobedience. Conscience, Tactics and the Law. N. Y., 1971, p. 66, 133—134.
  - ³ «Anti-Riot Act» — Amendment to the Civil Rights Act of 1968.
  - ⁴ *Latham F.* American Justice on Trial. N. Y., 1972, p. 38.
  - ⁵ Мятежи в августе 1965 г. в районе Уоттс (Лос-Анджелес) продолжались шесть дней и привели к смерти 34 человек и полному разрушению 200 зданий. В результате же мятежа в 1967 г. на 12-й улице Детройта погибло 43 человека, 5 тыс. человек осталось без крова, 1 тыс. 300 зданий было полностью сожжено, а общие убытки достигли 500 млн. долл. См.: *Abraham H.* Freedom and the Court. N. Y., 1972, p. 291.
  - ⁶ *Massia v. U. S.*, 1964; *Escobedo v. Ill.*, 1964; *Miranda v. Arizona*, 384 U. S. 436 (1966). Суть этих решений заключалась в запрещении использования незаконно подслушанных разговоров в качестве доказательств вины подсудимого, а также в праве подозреваемого на встречу с адвокатом до начала допроса. Кроме того (прецедент Миранды), полиции предписывалось официально уведомлять арестованного о его праве не давать показаний которые могут быть использованы против него в суде. См.: *Abraham H.* Op. cit., p. 114—127.
  - ⁷ О нападениях на Верховный суд Уоррена сторонниками «права и порядка» см.: *Никифоров Б. С.* Предисловие к кн.: *Николайчик В. М.* США: «Билль о правах» и полицейское расследование. М.: Наука, 1973, с. 10—11.
  - ⁸ *Latham F.* Op. cit., p. XI—XII.
  - ⁹ Omnibus Crime Control and Safe Streets Act of 1968.
  - ¹⁰ *Katz v. United States*, 389 U. S. 347 (*Abraham H.* Op. cit., p. 137—138).
  - ¹¹ *Ibid.*, p. 139.
  - ¹² См.: *Михайловская И.* Реакционная сущность закона о контроле над преступностью в США.— Соц. законность, 1970, № 1; *Гришаев П. И.* Указ. соч., с. 66—67; *Николайчик В. М.* Указ. соч., с. 213, 221—223.
  - ¹³ The New York Times, 1971, May 3, Sec. I, p. 1.

- ¹⁴ Цит. по: *Barker L., Barker T. Freedoms, Courts, Politics: Studies in Civil Liberties*. Englewood Cliffs (N.J.), 1972, p. 57—59).
- ¹⁵ Investigation of Students for a Democratic Society. Pt I — A, I — B (Georgetown University. Hearings before the Committee on Internal Security. House of Representatives. 91st Congress, Washington, 1969).
- ¹⁶ Ibid., Pt G — A (Columbus, Ohio, High Schools. Hearings before the Committee on Internal Security. House of Representatives. 91st Congress, Washington, 1970).
- ¹⁷ Х. Л. Блэк скончался в 1971 г. Об изменении состава Верховного суда при Никсоне см.: *Никифоров Б. С.* Верховный суд США от Эрла Уоррена к Уоррену Бергеру. — США: экономика, политика, идеология, 1971, № 6, с. 50; см. также: Государственный строй США. М.: Юрид. лит., 1976, с. 291—292.
- ¹⁸ Цит. по: *Latham F.* Op. cit., p. 131.
- ¹⁹ Organized Crime Control Act of 1970.
- ²⁰ *Latham F.* Op. cit., p. 84.
- ²¹ Ibid., p. XI.
- ²² Ibid., p. 42.
- ²³ См.: *Aptheker B.* The Morning Breaks. The Trial of Angela Davis. N. Y., 1976.
- ²⁴ *Latham F.* Op. cit., p. 83—84. Проведенные расследования выявили вопиющие нарушения процессуальных гарантий заключенных Нью-Йорка и многих других городов. При этом выяснилось, что некоторым районным судьям приходилось разбирать до 300 дел в день, что, естественно, исключало возможность обеспечения подлинного правосудия (ibid., p. 7).
- ²⁵ См.: *Кларк Р.* Преступность в США. М.: Прогресс, 1975.
- ²⁶ *Iglitzin L.* Violent Conflict in American Society. San Francisco, 1972, p. 150—151.
- ²⁷ *Zinn H.* Disobedience and Democracy. Nine Fallacies on Law and Order. N. Y., 1968, p. 119—120.
- ²⁸ *Emerson T.* The System of Freedom of Expression. N. Y., 1971, p. 288—289.
- ²⁹ Ibid., p. 290.
- ³⁰ The Rights of Americans. What They Are — What They Should Be / Ed. by Dorsen N. N. Y., 1971, p. 514—515.
- ³¹ См.: Columbia Law Review, 1974, Apr., vol. 74, N 3, p. 356, 366.
- ³² *Douglas W. O.* Points of Rebellion. Random House, 1970.
- ³³ См.: США: экономика, политика, идеология, 1970, № 10, с. 89.
- ³⁴ Поскольку полиция, являясь орудием утверждения власти, относится к протестующим с подозрением, постольку, согласно Дугласу, «протестующий американец не должен вести себя покорно», а «оратор, сопротивляющийся аресту, действует как свободный человек» (там же, с. 97—98).
- ³⁵ Там же, с. 94.
- ³⁶ См.: *Вишневский С. Н.* Дело судьи Дугласа. — США: экономика, политика, идеология, 1970, № 9, с. 91, 96.
- ³⁷ Изменение этой позиции будет показано ниже на примерах конкретных дел, рассмотренных Верховным судом. Мы считаем, однако, необходимым оговориться, что, хотя приверженность Блэка принципам абсолютной свободы слова, печати и убеждений осталась неизменной и в эти годы, его абсолютизация текстуального смысла Билля о правах приобрела явно догматический характер и была направлена против какого бы то ни было расширительного

его толкования. В этой связи в аргументации Блэка все чаще стали звучать призывы к «судейской сдержанности», очень напоминавшие концепцию Ф. Франкфуртера. См.: Ball H. The Vision and the Dream of Justice Hugo L. Black: An Examination of Judicial Philosophy. Univ. of Alabama Press, 1975, p. V—VI, 4, 142—143, 198.

- ³⁸ Garner v. Louisiana, 368 U. S. 157 (1961).
³⁹ Supreme Court Review. Chicago, 1965, p. 177.
⁴⁰ Edwards v. South Carolina, 372 U. S. 229 (1963).
⁴¹ Terminiello v. Chicago, 337 U. S. 1 (1949).
⁴² Цит. по: *Emerson T.* Op. cit., p. 317.
⁴³ Ibid., p. 294.
⁴⁴ Cox v. Louisiana, 379 U. S. 536 (1965).
⁴⁵ Supreme Court Reporter. 1965, Febr. 1, vol. 85, N 6, p. 453—470.
⁴⁶ Shuttlesworth v. Birmingham, 1965 (382 U. S. 87).
⁴⁷ *Emerson T.* Op. cit., p. 370.
⁴⁸ Gregory v. City of Chicago, 1969.
⁴⁹ В 1951 г. Верховный суд объявил неконституционной существовавшую в Нью-Йорке и Мэриленде систему предварительных разрешений на проведение собраний и демонстраций и отменил приговоры лицам, проводившим митинги, после того как им было отказано в разрешениях. В 1958 г. Верховный суд признал право проведения собраний даже без обращения за подобными разрешениями (Kunz v. New York, 1951; Niemotko v. Maryland, 1951; Staub v. City of Baxley, 1958).
⁵⁰ Walker v. City of Birmingham, 388 U. S. 307 (1967).
⁵¹ Цит. по: *Emerson T.* Op. cit., p. 380.
⁵² Цит. по: *ibid.*, p. 381—382.
⁵³ Carrol v. President and Comissioners of Princess Anne, 1968.
⁵⁴ Shuttlesworth v. City of Birmingham, 394 U. S. 147 (1969).
⁵⁵ См.: *Emerson T.* Op. cit., p. 378—379.
⁵⁶ Davis v. Mass., 1897.
⁵⁷ Hague v. C. I. O., 1939.
⁵⁸ Supreme Court Review, 1965, p. 22.
⁵⁹ Цит. по: *Kalven H.* The Concept of Public Forum: Cox v. Louisiana.— *Ibid.*, 1965, p. 22.
⁶⁰ *Ibid.*, 1965, p. 7, 22.
⁶¹ Цит. по: *Emerson T.* Op. cit., p. 296.
⁶² *Ibid.*, p. 354.
⁶³ *Ibid.*, p. 302.
⁶⁴ Adderley v. Florida, 1966.
⁶⁵ *Emerson T.* Op. cit., p. 302.
⁶⁶ Cameron v. Johnson, 1968.
⁶⁷ Brown v. Louisiana, 384 U. S. 131 (1966).
⁶⁸ *Emerson T.* Op. cit., p. 296, 306.
⁶⁹ Amalgamated Food Employees Union v. Logan Valley Plaza, 391 U. S. 308 (1968). Прецедент этот в настоящее время отменен «судом Бергера», который, по словам Т. Эмерсона, проявил «старомодную озабоченность обеспечением незыблемости частной собственности» (*Emerson T. I.* First Amendment Doctrine and the Burger Court.— *California Law Review*, May 1980, p. 462).
⁷⁰⁻⁷¹ Wolin v. Port of New York Authority, 1968.— In: *Emerson T.* The System of Freedom of Expression, p. 305.
⁷² Постановления по рассмотренным выше делам Грегори против Чикаго и Шаттлуорт против Бирмингама.

- ⁷³ *Tinker v. Des Moines Independent Community School District*, 1969.
- ⁷⁴ *United States v. O'Brien*, 391 U. S. 367 (1968).
- ⁷⁵ См.: *Cohen C. Civil Disobedience. Conscience, Tactics and the Law*, p. 183—184.
- ⁷⁶⁻⁷⁷ См.: *Columbia Law Review*, 1974, April, p. 396.
- ⁷⁸⁻⁸⁰ *Harvard Law Review*, 1965, Nov., p. 114.
- ⁸¹ *Supreme Court Reporter*, 1965, Apr. 1, vol. 185, No. 10, p. 850—851.
- ⁸² *United States v. Seeger*, 380 U. S. 163 (1965).
- ⁸³ См.: *Harvard Law Review*, 1970, Nov., p. 231—232.
- ⁸⁴ *Welsh v. United States*, 398 U. S. 333 (1970).
- ⁸⁵ *Harvard Law Review*, 1970, Nov., p. 230.
- ⁸⁶ *Ibid.*, 1970, Nov., p. 230, 233; *Abraham H. Op. cit.*, p. 219—220.
- ⁸⁷ См.: *Rudovsky D. Some Thoughts on Dissent, Personal Liberty and War.*—In: *Frontiers of Civil Liberties* / Ed. by N. Dorsen. N. Y., 1968, p. 108.
- ⁸⁸ В 1967 г. Верховный суд дважды отклонил такие апелляции и один раз в 1970 г. См.: *Abraham H. Op. cit.*, p. 214, footnote 2.
- ⁸⁹ *Fortas A. Concerning Dissent and Civil Disobedience.* N. Y., 1968, p. 113—114.
- ⁹⁰ *Gillette v. United States, Negre v. Larson*, 1971.
- ⁹¹ *Harvard Law Review*, 1971, Nov., p. 179—180.
- ⁹² *Ibid.*
- ⁹³ *Powe L. A. Evolution to Absolutism: Justice Douglas and the 1st Amendment.*—*Columbia Law Review*, 1974, Apr., p. 371.
- ⁹⁴ *Ibid.*
- ⁹⁵ См.: *Latham F. Op. cit.*, p. 38.
- ⁹⁶ *Bond v. Floyd*, 385 U. S. 116 (1966).
- ⁹⁷ См.: *Emerson T. Op. cit.*, p. 68—69.
- ⁹⁸ *The New Republic*, 1967, Oct. 7, p. 35.
- ⁹⁹ См.: *The New York Times*, 1967, Oct. 26, p. 10. *Emerson T. Op. cit.*, p. 75.
- ¹⁰⁰ *United States v. Spok*, 416 F. 2d 165 (1st Cir. 1969). (*Ibid.*, p. 75—76).
- ¹⁰¹ *Beauharnais v. Illinois*, 1952 (*ibid.*, p. 393—397).
- ¹⁰² В начале 60-х годов имели место случаи предъявления исков за «клевету», высказанную в адрес местных властей в устной форме. См.: *Murphy P. Constitution in Crisis Times, 1918—1969.* N. Y., 1972, p. 93.
- ¹⁰³ *New York Times v. Sullivan*, 376 U. S. 254 (1964).
- ¹⁰⁴ *Harvard Law Review*, 1964, Nov., p. 201—202.
- ¹⁰⁵ *Supreme Court Reporter*, 1964, Apr. 1, vol. 84, No. 10, p. 721.
- ¹⁰⁶⁻¹⁰⁸ Именно такие пагубные для печати последствия имел, согласно Бреннану, Закон о подстрекательстве к мятежу 1798 г., содержащий норму об ответственности за публикацию «ложных» сведений и одновременно признавший в принципе освобождение от ответственности за правдивые публикации.
- ¹⁰⁹ *Supreme Court Reporter*, 1964, Apr. 1, p. 726—727.
- ¹¹⁰ *Ibid.*, p. 728.
- ¹¹¹ *The New York Times Vital Victory.*—*Saturday Review*, 1964, April 11; *Smith R. H. Important Victory for a Free Press.*—*Publisher's Weekly*, 1964, Mar. 16, p. 33.
- ¹¹² *Kalven H. The New York Times Case.*—*Supreme Court Review.* Chicago, 1964, p. 205. ¹¹³ *Ibid.*, p. 208.

- ¹¹⁴ Supreme Court Reporter, 1964, Apr. p. 733.   ¹¹⁵ Ibid., p. 734—735.
- ¹¹⁶ Голдберг сослался на прецедент Зенгера 1735 г., тот же закон 1798 г., а также на «либертарную» трактовку гражданских свобод как средство, которое, несмотря на злоупотребления, совершенно необходимо для успеха демократии и формирования просвещенного мнения (ibid., p. 735, 737, 739).
- ¹¹⁷ Garrison v. Louisiana, 379 U. S. 64 (1964).
- ¹¹⁸ Supreme Court Reporter, 1964, Dec. 15, p. 209—216.
- ¹¹⁹ Ibid., p. 218—222.
- ¹²⁰ Emerson T. Op. cit., p. 535—537. По мнению Эмерсона, против «большой лжи» есть лишь один способ борьбы — признать за каждым индивидом «право на ответ», дать ему возможность ответить на клевету опровержением в печати. Полный отказ от законов о пасквилях и предоставление права на опровержение в печати — «форум для диалога» вместо принудительной и искусственной атмосферы зала суда — таков смысл концепции Эмерсона, выдержанной в духе рационалистической доктрины Уортмана и Томсона конца XVIII в. См.: ibid., p. 539.
- ¹²¹ См.: Mass Media and the Supreme Court. The Legacy of the Warren Years / Ed. by K. S. Devol, N. Y., 1971, p. 254—258.
- ¹²² Fraenkel O. The Rights We Have: A Handbook of Civil Liberties. N. Y., 1971, p. 56.
- ¹²³ Meiklejohn A. The First Amendment Is an Absolute.— Supreme Court Review, 1961, p. 253.   ¹²⁴ Ibid., p. 259.
- ¹²⁵ Brennan W. J., Jr. The Supreme Court and the Meiklejohn Interpretation of the First Amendment.— Harvard Law Review, 1965, Nov., p. 14.   ¹²⁶ Ibid., p. 16, 18.
- ¹²⁷ Supreme Court Reporter, 1964, Dec. 15, p. 216.
- ¹²⁸ Brennan W. J. Op. cit., p. 19.
- ¹²⁹ Rosenblatt v. Bauer, 1966.— Harvard Law Review, 1966, Nov., p. 194—195.
- ¹³⁰ Murphy P. Op. cit., p. 445.
- ¹³¹ Associated Press v. Walker, 388 U. S. 130 (1967).
- ¹³² «Клевета» заключалась лишь в сообщении, что Уокер «стал во главе толпы» и «возглавил нападки студентов на федеральных судебных исполнителей» (Emerson T. Op. cit., p. 527).
- ¹³³ Murphy P. Op. cit., p. 446—447.
- ¹³⁴ Time v. Hill, 385 U. S. 374 (1967).
- ¹³⁵ Pember D. R. Privacy and the Press. The Law, the Mass Media and the First Amendment. Seattle, 1972, p. 25—30, 187.
- ¹³⁶ Mass Media and the Supreme Court. The Legacy of the Warren Years, p. 263.   ¹³⁷ Ibid.
- ¹³⁸ Privacy, Defamation and the First Amendment: The Implications of Time v. Hill.— Columbia Law Review, 1967, May, p. 926—937.
- ¹³⁹ Pember D. Op. cit., p. 249.
- ¹⁴⁰ Monitor Patriot Co. v. Roy, 1971.— In: Mass Media and the Supreme Court, p. 244—245.
- ¹⁴¹ Rosenbloom v. Metromedia, 1971.
- ¹⁴² Fraenkel O. Op. cit., p. 55—56.
- ¹⁴³ Harvard Law Review, 1971, Nov., p. 225.
- ¹⁴⁴ К мнению большинства, сформулированному Бреннаном, присоединились главный судья Бергер, Дуглас, Блэкман и Уайт.
- ¹⁴⁵ Gertz v. Robert Welch, 1974.
- ¹⁴⁶ Harvard Law Review, 1974, Nov., p. 140.
- ¹⁴⁷ Ibid., p. 142—143.

- 148—151 См.: The Pentagon Papers as published by «The New York Times». N. Y., 1971.
- 152 См.: The New York Times, 1971, June 16.
- 153 См.: The Pentagon Papers as published by «The New York Times», p. 672. ¹⁵⁴ Ibid., p. 678.
- 155 Near v. Minnesota, 283 U. S. 697 (1931).
- 156 Райт во всех подробностях воспроизвел мнение судьи Хьюза, сформулировавшего решение по этому делу. Оно базировалось на концепции Блэкстона и Мэдисона и считается одним из наиболее авторитетных, несмотря на ряд серьезных неточностей, допущенных при освещении истории этого вопроса (смещение вопроса о предварительной цензуре с ответственностью за диффамацию после публикаций).
- 157 The Pentagon Papers as published by «The New York Times», p. 678.
- 158 Хьюз имел в виду прежде всего случаи предварительной цензуры в условиях военного времени, когда в публикациях сообщаются сведения сугубо военного характера (в частности, даты отправки военных транспортов, число, состав и расположение военных частей).
- 159 См.: The Pentagon Papers as published by «The New York Times», p. 679. ¹⁶⁰ Ibid. ¹⁶¹ Ibid., p. 680.
- 162 Organization for a Better Austin v. Keefe, 1971.
- 163 The New York Times v. United States and United States v. The Washington Post, 403 U. S. 713 (1971).
- 164 Здесь суд сослался на прецедент Нира, а также на свое решение по делу *Bantham Books v. Sullivan*, 372 U. S. 58 (1963).
- 165 Ссылка на *Organization for a Better Austin v. Keefe*, 1971.
- 166 The Pentagon Papers as published by «The New York Times», p. 727.
- 167 Ibid. ¹⁶⁸ Ibid., p. 732. ¹⁶⁹ Ibid., p. 745—746.
- 170 Ibid., p. 735—736. ¹⁷¹ Ibid., p. 732—733. ¹⁷² Ibid., p. 746—756.
- 173 *Latham F. Op. cit.*, p. 154—155.
- 174 *Mass Media and the Supreme Court*, p. 32.
- 175 См.: *Emerson T. Op. cit.*, p. 627—628.
- 176 См., например: *Barron J. A. Access to the Press — A New First Amendment Right.*—*Harvard Law Review*, 1967, vol. 80, N 8, p. 1641—1678; *Pemberton J. The Right of Access to Mass Media.— The Rights of Americans, What They Are — What They Should Be* / Ed. by N. Dorsen, p. 276—293.
- 177 *Federal Communications Act of 1934*, 48 Stat. 1064, 47 U. S. C.
- 178 *Red Lion Broadcasting Co. v. F. C. C.*, 395 U. S. 367, 377 (1969).
- 179 Судья Дуглас не принимал участия в решении этого дела.
- 180 Цит. по: *Emerson T. Op. cit.*, p. 659. ¹⁸¹ См.: Ibid.
- 182 См.: *Pemberton J. Op. cit.*, p. 289.
- 183 Цит. по: *Ashmore H. S. Fear in the Air. Broadcasting and the First Amendment: The Anatomy of a Constitutional Crisis.* N. Y., 1973, p. 12. ¹⁸⁴ См.: *ibid.*, p. 17. ¹⁸⁵ Цит. по: *ibid.*, p. 21.
- 186 Ibid. ¹⁸⁷ Цит. по: *ibid.*, p. 21.
- 188 *Miami Herald Publishing Co. v. Tornillo*, 1974.
- 189 См.: *Harvard Law Review*, 1974, Nov., vol. 88, N 1, p. 174—175.
- 190 *Ashmore H. S. Op. cit.*, p. 22. См. также: *Emerson T. I. The Affirmative Side of the First Amendment.*—*Georgia Law Review*, Summer, 1981, p. 810.

От колониальных времен до середины 70-х годов XIX столетия институт гражданских свобод претерпел в конституционном праве США большие изменения. Для его формирования было характерно постепенное преодоление узких рамок английского «общего права» и тех принципов британского конституционализма, которые сковывали политическое развитие североамериканских колоний, а затем независимых Соединенных Штатов. Если по британской конституции парламент всемогущ, то основным принципом американского конституционализма с конца 80-х годов XVIII в. стал принцип верховенства конституции. При этом высшему представительному органу страны — конгрессу США было прямо запрещено посягать на основные конституционные свободы граждан, принимать законы, устанавливающие какую-либо религию или запрещающие ее свободное исповедание, ограничивающие свободу слова, печати, собраний и петиций (I поправка к Конституции США).

Федеральный Билль о правах был принят по настоянию демократических сил, серьезно озабоченных возможностью злоупотреблений властью со стороны центрального правительства, особенно его законодателей. В сознании многих республиканцев конгресс США ассоциировался с ненавистным всесильным британским парламентом, из-под власти которого североамериканские колонии освободились самым радикальным образом — путем провозглашения политической независимости, которую пришлось защищать силой оружия. Это недоверие к федеральной законодательной власти имело под собой реальные основания. Обострившиеся вскоре после принятия Билля о правах внутренние и внешнеполитические противоречия поставили под угрозу действие его основного принципа — недопустимости вмешательства законодателя в сферу политических убеждений и выражения гражданами своих взглядов. И принятый в 1798 г. Закон о подстрекательстве к мятежу был первым в истории США антиконституционным актом, серь-

езно ограничившим свободу слова и печати. При этом был акт консервативной фракции правящей федералистской партии, направленный против республиканской оппозиции, выражавшей интересы более широких слоев американского общества. Политический кризис, вызванный принятием этого антиконституционного закона, разрешился в пользу демократии. И большим ее завоеванием было закрепление передовых, сугубо республиканских принципов американского буржуазного конституционализма, утверждение в конституционном праве США широкой либеральной трактовки свободы выражения политических взглядов, ставшей наиболее ценным компонентом теоретического наследия американской революции. Это наследие и пришлось защищать всем прогрессивным силам американского общества на более поздних этапах политической истории, особенно в период общего кризиса капитализма, когда империалистическая реакция стала проводить политику подавления леворадикальной политической оппозиции.

Федеральные законы о шпионаже и подстрекательстве к мятежу периода первой мировой войны, палмеровские рейды и облавы, законы Смита и Маккарэна, репрессивное законодательство штатов о «преступной анархии», «подрывных элементах» и «присяге в лояльности», равно как аналогичные по своей классовой направленности акции исполнительной власти и инквизиторская деятельность различных расследовательских комитетов и комиссий конгресса в период маккартизма,— все это были звенья одной цепи, элементы целенаправленной политики свертывания демократического содержания института гражданских свобод наиболее реакционными группировками монополистического капитала и выразителями их интересов в органах государственной власти США. При этом Верховный суд, призванный стоять на страже конституции и Билля о правах, длительное время не только не препятствовал развитию этой опасной тенденции, но даже санкционировал многочисленные антиконституционные мероприятия властей, особенно федерального конгресса, направленные на ограничение гражданских свобод, немало способствовал теоретическому обоснованию репрессивного законодательства.

Доктрина «явной и реально существующей опасности» и концепция «балансирования интересов», которыми

длительное время руководствовался Верховный суд США, санкционировали отход от традиционных либеральных принципов Билля о правах, хотя в отдельных случаях они и использовались в интересах защиты свободы убеждений и выражения политических взглядов. Но еще более опасной для института гражданских свобод оказалась псевдодемократическая концепция «судейской сдержанности». Имея своим истоком сложившуюся в период «Нового курса» обоснованную неприязнь к Верховному суду как к элитарному консервативному учреждению, блокировавшему экономические и социальные мероприятия правительства, она механически распространила эту неприязнь и на сферу применения Билля о правах, ориентировала судей на беспрекословное подчинение воле «народных представителей» в конгрессе даже в тех случаях, когда тот принимал явно антиконституционные законы, отменявшие гарантии основных гражданских свобод. В результате не только санкционировались политические репрессии, жертвами которых стали прежде всего американские коммунисты, но подрывались сами основы либерального конституционализма, сводились на нет демократические завоевания американской буржуазной революции.

Своим острием концепция «судейской сдержанности» была направлена против института судебного конституционного контроля. Однако фактически она была равносильна отказу от основного принципа конституционализма США: не просто «господства права», но именно верховенства конституции как высшего закона страны, которому не могут, не должны противоречить обычные законы¹.

В принципе верховенства Конституции США и особенно норм первых десяти поправок к ней заложена глубоко демократическая идея. По словам Г. Аптекера, из самого «принципа народного суверенитета логически вытекает вывод об ограничении, о точном определении власти правительства», о необходимости перечисления «не только того, что правительство может законно делать, но и того, что оно не может делать,— то есть тех прав и свобод, которые являются неотъемлемыми и изложены в билле о правах»². При этом представление о разделении властей и механизме «сдержек и противовесов» исключительно лишь как о средстве защиты классовых интересов зажиточного меньшинства крайне одно-

сторонне, поскольку «было бы неверно умолчать о том, что разделение властей может служить защите не только прав богачей, но и оппозиционных и радикальных меньшинств»³.

Что же касается самого института конституционного судебного надзора, то, по признанию ведущих советских специалистов по государственному строю США, он «был не только логически неизбежным продуктом конституционного механизма взаимодействия государственных органов, но и практическим развитием самих идей американской революции... Судебный надзор, содержащий в своей основе потенциальные гарантии от произвола административных органов или от принятия и исполнения законов, нарушающих конституционные права и свободы граждан, отражал демократические начала молодой буржуазной республики, стремление в новом, независимом государстве установить буржуазно-демократический правопорядок, исключая привычный для европейских монархий неограниченный произвол властей»⁴. При этом наивно было бы утверждать, как это делали некоторые противники института судебного конституционного контроля, что буржуазные парламенты способны сами исправлять свои ошибки и отменять принятые ими антиконституционные акты⁵.

Признание недействительными законов, ограничивающих гражданские свободы, не есть посягательство на народный суверенитет, а, напротив, совершенно необходимый способ защиты конституции как высшего закона, выражающего идею народного суверенитета. Билль о правах оказывался наиболее защищенным именно тогда, когда верховные судьи подтверждали высшую силу его положений, активно защищали их, объявляли антиконституционными репрессивные законы, принятые федеральным конгрессом или законодательными собраниями штатов, т. е. когда с формальной точки зрения они в наибольшей мере «посягали» на прерогативы «народных представителей». В большинстве же других случаев, и особенно когда преобладала позиция «судейской сдержанности», Верховный суд США просто шел на поводу у консервативного большинства конгресса, закрывая глаза на факт попрания основных положений конституции этим высшим представительным органом власти, выражавшим интересы наиболее реакционных кругов господствующего класса.

В конституционной истории США «активизм» или, напротив, «судейская сдержанность» Верховного суда предопределялись не только политической и правовой философией отдельных судей, «либерализмом» или «консерватизмом» большинства членов коллегии, хотя само по себе это очень важно. Гораздо большее значение имело конкретное соотношение классовых сил, та конкретная политическая атмосфера, в которой протекала деятельность этого высшего органа конституционного контроля и надзора. Усиление позиций реакционных кругов, большой консерватизм общественного сознания, поворот «вправо» в правительственной политике неизбежно приводили к «поправению» и самого Верховного суда. Напротив, наиболее либеральные его решения приходится на периоды «полевения» общественного мнения, смягчения международной напряженности и укрепления позиций прогрессивных общественных сил.

Вынесение в 60-х годах Верховным судом США ряда принципиальных постановлений в пользу гражданских свобод явилось следствием «активизма» либерального большинства, возглавляемого Эрлом Уорреном, но в еще большей мере результатом настойчивой борьбы прогрессивных сил и прежде всего американских коммунистов за преодоление маккартизма и восстановление конституционных гарантий свободы убеждений и ассоциаций, а также массового антивоенного движения и борьбы негритянского населения за гражданские права. При этом либеральная позиция суда по большинству вопросов сохранилась в целом и после обновления его состава «консерваторами», возглавляемыми У. Бергером.

Правящие круги США и прежде всего Верховный суд были тогда вынуждены уступить давлению левых сил и массовых движений. Важнейшие из сделанных ими уступок — отмена закона Маккарэна и легализация компартии, ликвидация Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и прекращение действия закона о частичном воинском призыве. В ряде же моментов, как мы видели, гражданские свободы даже вышли за пределы норм федерального Билля о правах (легализация некоторых форм гражданского неповиновения и свободы леворадикальной политической агитации). Существенно расширилось также конституционное содержание свободы печати.

Конечно, законы, постановления Верховного суда,

формулируемые верховными судьями доктрины — всего лишь видимая часть «айсберга», конституционно-правовая форма института гражданских свобод в США. Для обеспечения подлинных гарантий соблюдения Билля о правах существующего конституционного механизма недостаточно. В его организации и функционировании имеются серьезные дефекты, важнейшие из которых — классовая ограниченность и консервативные политические установки многих судей, их нежелание выработать единую концепцию содержания конкретных свобод, а отсюда непредсказуемость результатов рассматриваемых дел, длительность процедуры обжалования нарушений гражданских свобод и восстановления гарантированных конституцией прав. К тому же этот механизм часто действует в среде, которая никак не способствует соблюдению законности. Консервативные и реакционные круги сплошь и рядом пытаются игнорировать и лишать практического эффекта решения, направленные на восстановление или расширение конституционных гарантий⁶, имеет место преследование борцов за гражданские права путем предъявления им ложных обвинений в совершении различных уголовных преступлений⁷. Вместе с тем гражданскими свободами по существу беспрепятственно пользуются различные правые группировки⁸, а расизм и экстремизм, сопровождаемые насилием и террором, по-прежнему являются очевидным фактом американской действительности⁹. Существует также скрытый механизм политических репрессий, осуществляемых секретными службами США¹⁰.

И все же рассмотренная нами эволюция конституционно-правовой формы института гражданских свобод имеет важное значение для понимания закономерностей его функционирования и развития в политической системе США. Конституционная история этой страны убедительно свидетельствует о том, что основной принцип либерального конституционализма, закрепленный в федеральном Билле о правах, а именно, что гражданские свободы представляют собой ту сферу деятельности и убеждений, куда недопустимо вмешательство государственной власти, по-прежнему является с практической точки зрения единственно приемлемой и эффективной альтернативой легальному произволу, беззаконию и насилию. При всей ограниченности этого принципа ввиду отсутствия материальных и социально-политических га-

рантий обеспечения гражданской свободы он в условиях капитализма является той фундаментальной правовой основой, на которой возможно отстаивание интересов обездоленных и дискриминируемых меньшинств и широких слоев трудящихся масс. Всякое же отступление от этого принципа в направлении государственной регламентации сферы осуществления гражданских свобод чревато в условиях империализма их ущемлением и таит в себе опасность подрыва этого, несомненно, ценного института буржуазной демократии.

Американский опыт подтверждает, что политическая линия империалистической реакции не в состоянии получить полного развития, пока не отменены фундаментальные свободы слова, печати, собраний и ассоциаций. Существование этих конституционных свобод — серьезная помеха на ее пути, поскольку ими пользуются и либеральные круги правящего класса, и широкие демократические слои трудящихся, и дискриминируемые меньшинства американского народа. Поэтому-то реакция и изыскивает новые способы и формы репрессивного законодательства, прибегая, в частности, к реформам уголовных законов, проекты которых были внесены в конгресс США в середине 70-х годов¹¹. Однако американский народ, трудящиеся США, рабочий класс, американские коммунисты решительно борются против этих происков реакции, отстаивают свободу ассоциаций и выражения взглядов. Компартия США принадлежит к числу тех передовых отрядов международного рабочего движения, которые в упорной борьбе отстаивают демократические завоевания трудящихся, основные конституционные права и свободы граждан. Ее успехи в этой борьбе еще раз подтверждают правильность известного ленинского положения о том, что гарантия действительного признания прав народа, записанных в буржуазных конституциях, заключена «...в силе тех классов народа, которые осознали... их»¹².

«Советские коммунисты,— подчеркивается в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС,— приветствуют достижения компартий в расширении своих рядов, укреплении связей с массами, в отстаивании интересов рабочего класса и всех трудящихся, их демократических прав и свобод, в борьбе за ограничение всевластия монополий, обуздание роста милитаризма, за социалистическую перспективу развития своих стран»¹³.

- ¹ «Конституция,— писал А. Гамильтон в 78-м выпуске «Федералиста»,— является фундаментальным законом и должна рассматриваться судами как таковой. Поэтому судам принадлежит право определять ее смысл, равно как и смысл любого акта, исходящего от законодательного собрания. Если же обнаружится неустрашимое расхождение этих двух законов, предпочтение, конечно, должно быть отдано тому, который имеет высшую силу, другими словами, конституцию следует предпочесть статуту, намерение народа — намерению его представителей» (The Federalist Papers, No. 78. / Ed. by C. Rossiter. N. Y., 1961, p. 467).
- ² Аптекер Г. История американского народа. Американская революция. М.: Изд-во иностр. лит., 1962, с. 293—295.
- ³ Там же, с. 299.
- ⁴ Государственный строй США. М.: Юрид. лит., 1976, с. 264. Противоположную точку зрения см.: Нудель М. А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М.: Юрид. лит., 1968, с. 19.
- ⁵ Такую наивную точку зрения высказывал в начале 40-х годов известный американский историк Г. С. Коммэджер, находившийся в то время под сильным влиянием философии «судейской сдержанности» Ф. Франкфуртера. См.: *Commager H. S. Majority Rule and Minority Rights*. N. Y., 1943, p. 68—72. Куда большим реалистом был в этом вопросе А. Гамильтон, который, отстаивая идею судебного конституционного надзора, писал на страницах «Федералиста», что «от органа, который хотя бы в какой-то мере участвовал в принятии плохих законов, вряд ли можно ожидать умеренности и сдержанности в их применении. Тот же самый дух, который действовал при их принятии, будет доминировать и при их толковании, но еще менее вероятно, что люди, которые нарушили конституцию в роли законодателей, будут склонны устранить это нарушение, выступая в роли судей» (The Federalist Papers, No. 81, p. 483).
- ⁶ См.: Ледях И. А. Система конституционного надзора.— В кн.: *Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма*. М.: Наука, 1966, с. 302.
- ⁷ См.: Положение в области прав человека в США: Публикация Коммунистической партии США. М.: Политиздат, 1978, с. 48—53.
- ⁸ См.: Гришаев П. И. Репрессия в странах капитала. М.: Юрид. лит., 1970, с. 82.
- ⁹ Об этом свидетельствуют кровавые события в Майами в мае 1980 г.
- ¹⁰ См.: Мальков В. Репрессивно-полицейский аппарат в политической жизни США.— *Коммунист*, 1980, № 13, с. 93—104.
- ¹¹ См.: Мостовец Н. В. Кто же нарушает права человека?— В кн.: *Положение в области прав человека в США*, с. 12—14.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 54.
- ¹³ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 19.

Оглавление

<i>Введение</i>	3
---------------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

<i>Формирование института гражданских свобод в США и борьба за его конституционное закрепление (XVII—XIX вв.)</i>	14
1. <i>Борьба за религиозную свободу в Новой Англии</i>	14
2. <i>Проблема свободы печати в колониальный период</i>	22
3. <i>Институт гражданских свобод в свете Декларации независимости США и биллей о правах штатов. Состояние гражданских свобод во время войны за независимость</i>	32
4. <i>Конституция США 1787 г. и политическая история федерального Билля о правах</i>	39
5. <i>Закон о подстрекательстве к мятежу 1798 г. и борьба за его отмену. Либеральные доктрины гражданских свобод конца XVIII — начала XIX в.</i>	47
6. <i>Проблема гражданских свобод в условиях «джексоновской» демократии, во время гражданской войны и в период реконструкции</i>	70

ГЛАВА ВТОРАЯ

<i>Ослабление конституционных гарантий свободы пропаганды и агитации в период между двумя мировыми войнами</i>	84
1. <i>Нарушения гражданских свобод после завершения периода реконструкции</i>	84
2. <i>Первая мировая война и подавление гражданских свобод пацифистов и противников империалистической внешней политики</i>	86
3. <i>Кампания против радикалов в обстановке страха перед «красной угрозой»</i>	97
4. <i>Эволюция доктрины «явной и реально существующей опасности» в 20-е годы</i>	100
5. <i>Некоторые прогрессивные тенденции в развитии конституционной доктрины</i>	106
6. <i>Первые признаки нового кризиса института гражданских свобод (1938—1941 гг.)</i>	113
7. <i>Состояние гражданских свобод в условиях второй мировой войны</i>	120

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

<i>Наступление реакции на Билль о правах и борьба за восстановление конституционных гарантий свободы политических убеждений и ассоциаций (50-е — 60-е годы)</i>	128
1. Первые послевоенные мероприятия, направленные на ограничение гражданских свобод	129
2. Решение по делу Друдса	134
3. Дело Денниса	139
4. Закон Маккарэна	155
5. Маккартизм как кульминация кризиса конституционализма в США	162
6. Оппозиция маккартизму и первые либеральные решения суда Уоррена	169
7. Нападки реакции на Верховный суд и его отступление	174
8. Новые судебные процессы над компартией США и ее членами	178
9. Отмена основных положений закона Маккарэна	185
10. Восстановление некоторых иных форм свободы убеждений и ассоциаций	188

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

<i>Проблема «права на несогласие» и свобода выражения взглядов в период борьбы за гражданские права и массового антивоенного движения протеста (60-е — начало 70-х годов)</i>	199
1. Обострение проблемы гражданских прав и свобод в условиях политического кризиса 60-х годов. Теория и практика «гражданского неповиновения»	199
2. Свобода собраний и демонстраций в решениях Верховного суда	210
3. Дела о «противниках по совести»	224
4. Дела об антивоенной пропаганде	229
5. Дела о свободе печати	232
6. Проблема права доступа к средствам массовой информации	259
Заключение	271

1 р. 70 к.

В. Г. Каленский • Билль о правах в конституционной истории США • 2